СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XX, № 1.

ЕКАТЕРИНА II

ВЪ

ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

Академика Я. К. Грота.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
2 * 1879.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Январь 1879 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

(Академика Я. К. Грота.)

I.

Къ извѣстной до сихъ поръ, изумительной уже по своей обширности, перепискѣ Екатерины II присоединяется цѣлый томъ писемъ ея къ одному лицу, именно къ французскому писателю Гримму [1]). Мы знаемъ какъ она цѣнила Дидро и д'Аламбера, какъ оживлены были ея сношенія съ Вольтеромъ, но ни съ кѣмъ она не переписывалась такъ много и постоянно, какъ съ Гриммомъ. Были, правда, двѣ дамы, г-жи Geoffrin и Bjelke, къ которымъ письма императрицы [2]) по своей откровенности нѣсколько подходятъ къ бесѣдамъ ея съ этимъ лицомъ, но они не могутъ сравниться съ послѣдними ни въ богатствѣ содержанія, ни въ дружескомъ тонѣ, ни наконецъ въ обширности и продолжительности переписки. Письма ея къ Гримму похожи на дневникъ, въ которомъ авторъ непринужденно отдастъ своему собесѣднику отчетъ въ переживаемыхъ имъ событіяхъ, впечатлѣніяхъ и занятіяхъ, высказываетъ свои взгляды на лица и дѣла, свои житейскія и политическія правила, свои намѣренія и надежды. Только къ г-жѣ Бьельке и къ Гримму Екатерина писала прямо начисто; къ Гримму иное письмо ея тянулось недѣли, даже мѣсяцы, или, лучше сказать, оно составлялось изъ цѣлаго ряда писемъ, пока наконецъ образовалась болѣе или менѣе объемистая тетрадь.

---

[1]) Томъ XXIII *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, изданный Я. К. Гротомъ. Спб. 1878.

[2]) Они напечатаны въ томахъ X и XIII *Сборника Ист. Общ.*

Человѣкъ, который въ такой степени умѣлъ снискать довѣріе и поддерживать потребность общенія съ нимъ въ геніальной женщинѣ, не могъ не обладать замѣчательными качествами. Намѣреваясь сообщить здѣсь нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія, я долженъ предварительно замѣтить, что всѣ матеріалы, какіе мнѣ удалось отыскать для біографіи Гримма, далеко неудовлетворительны со стороны точности и обстоятельности извѣстій. Изданные подъ его именемъ мемуары оказываются подложными [1]); затѣмъ достовѣрнѣйшими источниками въ отношеніи къ нему должны быть признаны: біографическая статья о немъ бывшаго секретаря его, Мейстера [2]); мемуары г-жи д'Эпинэ, съ которою Гриммъ находился долго въ самой короткой пріязни [3]), и «Confessions» Руссо; но статья Мейстера не болѣе какъ бѣглый очеркъ; книга г-жи д'Эпинэ сообщаетъ конечно много данныхъ для оцѣнки личности Гримма, но касается только одного періода его жизни, притомъ не можетъ отличаться безпристрастіемъ и вообще не имѣетъ строго историческаго характера; наконецъ, что касается показаній Руссо, довольно сказать, что, въ слѣдствіе разныхъ недоразумѣній и сплетенъ въ кругу знакомыхъ г-жи д'Эпинэ, онъ изъ друга Гримма сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ его, и всегда отзывается о немъ желчно, искажая самые факты. Затѣмъ свѣдѣнія, находимыя о Гриммѣ въ біографическихъ словаряхъ и другихъ пособіяхъ, не исключая и вступленія къ его «Correspondance littéraire» [4]), повторяютъ большею частію только то, что разсѣяно въ этихъ источникахъ. Руссо былъ причиною, что французская критика долгое время не могла освободиться отъ предубѣжденія противъ Гримма; Sainte-Beuve, первый, отдалъ ему полную справедливость и оцѣнилъ по достоинству многотомную его «Корре-

[1]) Mémoires politiques et anecdotiques inédits du baron de Grimm, trad. de Zinmann. Paris 1830.

[2]) J. H. Meister Mélanges de philosophie, de morale et de littérature. Genève 1822, t. II.

[3]) Mémoires de M-me d'Epinay, éd. de Boiten. Paris 1876.

[4]) См. Biographie universelle, t. XVIII. Paris 1817. — Nouvelle biographie générale, t. XXII. Paris 1858. — Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et le Diderot. Paris 1829, t I. Note biographique sur Grimm.

спонденцію», сознавшись, что она служила главнымъ источникомъ «Causeries du lundi» для литературы всей второй половины XVIII столѣтія. Онъ же, относительно отзывовъ Руссо о Гриммѣ, прямо называетъ перваго лжецомъ. Но, говоря объ обстоятельствахъ жизни Гримма, невозможно, по имѣющимся матеріаламъ, съ полною точностію возстановить послѣдовательность измѣненій въ ходѣ судьбы его до сближенія съ Екатериною II. Большею отчетливостію отличаются біографическія о немъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ извѣстномъ сочиненіи Геттнера [1]), который отчасти пользовался источниками, недоступными французскимъ литераторамъ, напр. перепискою Гримма съ Готшедомъ и документами архива въ Готѣ, но, къ сожалѣнію, Геттнеръ даетъ вѣру также и поддѣланнымъ мемуарамъ Гримма [2]), и на основаніи ихъ выводитъ ложныя заключенія о его характерѣ, считаетъ его напр. тайнымъ политическимъ агентомъ разныхъ правительствъ. Для эпохи же сношеній Гримма съ Екатериною II (1774 — 1796 г.) важнѣйшимъ и несомнѣннымъ источникомъ служитъ самимъ имъ составленная подробная историческая записка (напечатанная во II томѣ *Сборника Истор. Общ.*), въ которой онъ энергически отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе въ передачѣ политическихъ извѣстій императрицѣ, да и въ ея письмахъ нѣтъ никакого признака, чтобы она получала отъ него такого рода сообщенія.

Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ, родомъ нѣмецъ, испыталъ довольно рѣдкую участь: съ переселеніемъ въ Парижъ на 25 лѣтнемъ возрастѣ онъ совершенно перерождается во француза и дѣ-

---

[1]) H. Hettner. Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts, t. II.

[2]) Въ письмѣ Екатерины къ Гримму отъ 30-го іюня 1787 года (стр. 415), упоминается о какомъ-то отрывкѣ изъ записокъ его; это показываетъ, что онъ уже тогда дѣйствительно занимался составленіемъ своихъ записокъ; въ напечатанныхъ же подъ его именемъ мемуарахъ сказано, что онъ писалъ ихъ въ Готѣ, гдѣ онъ жилъ только съ 1795 г. Въ этой книгѣ есть и другія противорѣчія съ фактами, которые извлекаются изъ изданной теперь переписки, а также изъ достовѣрной, имъ составленной исторической записки, о которой мы говоримъ въ текстѣ.

лается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей литературы своего новаго отечества. Сынъ лютеранскаго пастора въ Регенсбургѣ, онъ родился 26 декабря 1723 года, слѣдовательно былъ около шести лѣтъ старше русской императрицы. Любопытно сходство въ ихъ судьбѣ: Екатерина II также родилась въ Германіи и нашла свое призваніе въ другой странѣ; и для нея также языкъ новаго отечества сдѣлался роднымъ, но еще съ дѣтства она усвоила себѣ французскій языкъ какъ свой собственный, и живость ума Гримма, съ этимъ орудіемъ сообщенія, не могла не способствовать, въ значительной степени, его сближенію съ государыней. Образованіе онъ получилъ въ лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ пользовался между прочимъ уроками знаменитаго филолога Эрнести, и уже тогда пробовалъ свои силы въ авторствѣ, въ поэзіи, но писалъ по-нѣмецки и вступилъ въ переписку съ Готшедомъ, слѣдуя строго его теоріи; главнымъ трудомъ его въ это время была трагедія «Баниза», впослѣдствіи и напечатанная Готшедомъ въ собраніи драматическихъ сочиненій; но, написанная по всѣмъ правиламъ старой школы, безъ всякаго одушевленія, она конечно не могла занять почетнаго мѣста въ литературѣ.

По окончаніи университетскаго курса, Гриммъ поступилъ секретаремъ къ посланнику саксонскаго курфиста при имперскомъ сеймѣ, графу Шёнбергу (французы называютъ его Шомберомъ), и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ концѣ 1748 или въ началѣ 1749 года, отправился въ Парижъ съ сыномъ этого вельможи, въ качествѣ наставника дѣтей его. Хотя впослѣдствіи ему и ставили въ заслугу, что онъ покинулъ отечество изъ приверженности къ этому семейству, но въ сущности путешествіе въ столицу, считавшуюся центромъ вкуса и изящной литературы, не было пожертвованіемъ съ его стороны, тѣмъ болѣе что онъ уже прежде прилежно изучалъ французскій языкъ. Связи, которыя онъ вскорѣ пріобрѣлъ въ Парижѣ, и занятое имъ тамъ видное положеніе приковали его къ Франціи до 1792 года, когда революція заставила его возвратиться въ Германію. Изъ настав-

ника дѣтей Шёнберга онъ скоро сдѣлался чтецомъ саксенъ-готскаго наслѣднаго принца, а потомъ поступилъ опять секретаремъ къ саксонцу же, графу Фризену (von Friesen, во французской передѣлкѣ Friese), который послѣ Шёнберга получилъ постъ командира нѣмецкихъ драгуновъ; это былъ племянникъ маршала Морица Саксонскаго, великосвѣтскій развратникъ, обязанный своими успѣхами болѣе знатному родству, чѣмъ своимъ личнымъ качествамъ. Такимъ образомъ Гриммъ, при своемъ остромъ умѣ и обширныхъ познаніяхъ, къ которымъ присоединялся еще и талантъ къ музыкѣ, сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ въ высшемъ обществѣ, а вскорѣ сблизился и со многими литераторами. Пасторъ готскаго принца познакомилъ его съ Руссо, а этотъ ввелъ его въ домъ г-жи д'Эпинэ и облегчилъ ему сближеніе съ другими писателями, съ Мармонтелемъ, Дюкло, Дидро, Гольбахомъ, и вообще съ энциклопедистами; съ д'Аламберомъ Гриммъ сошелся, кажется, еще у Шёнберга. Причина непрочности дружбы его съ Руссо заключалась, безъ сомнѣнія, въ характерѣ обоихъ: съ одной стороны строгая положительность, твердость и рѣшительность сужденій, съ другой перевѣсъ чувства и воображеніе при раздражительномъ тщеславіи должны были давать поводъ къ частымъ столкновеніямъ, которыя не могли не привести наконецъ къ разрыву; но надо отдать Гримму справедливость, что онъ въ этой распрѣ велъ себя гораздо благороднѣе своего бывшаго пріятеля: нигдѣ въ своихъ отзывахъ о сочиненіяхъ Руссо онъ не поддался чувству мести, и всегда съ уваженіемъ говорилъ о его талантѣ.

Очаровательная своимъ умомъ и любезностью, сама авторъ и поэтъ, жена откупщика (fermier général), г-жа д'Эпинэ, въ домѣ которой, то въ самомъ Парижѣ, то въ прекрасномъ ея имѣніи въ окрестностяхъ столицы, сходились литературныя знаменитости того времени, была несчастна своимъ бракомъ съ человѣкомъ, хотя и богатымъ и образованнымъ, но легкомысленнымъ, пустымъ и расточительнымъ. Привязанность ея къ Гримму приняла нѣжный характеръ особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ на одномъ

обѣдѣ съ пріятелями у графа Фризена вступился за ея честь и потомъ даже выдержалъ поединокъ съ главнымъ изъ ея обвинителей. Утверждали, будто она утаила и уничтожила попавшій въ ея руки документъ о наслѣдствѣ ея родственницы; въ жару спора Гриммъ наконецъ объявилъ, что только тотъ, кто самъ мало дорожитъ честію, можетъ такъ легко безчестить другихъ. Дуэль, послѣдовавшая за этимъ въ саду, обошлась для обоихъ противниковъ легкими ранами. Вскорѣ затерянный документъ отыскался и блистательно оправдалъ поступокъ Гримма. Благодарность г-жи д'Эпинэ скрѣпила связь, которая продолжалась до конца ея жизни († 1783 г.). Эти отношенія впослѣдствіи отразились и въ перепискѣ Гримма съ императрицею: въ письмахъ къ нему Екатерины II г-жа д'Эпинэ, съ своею книгою «Conversations d'Emilie», съ своею внучкою Mlle de Belzunce и ея дѣтьми, играетъ немаловажную роль. Въ своихъ запискахъ г-жа д'Эпинэ начертываетъ между прочимъ «портретъ г. Гримма», который такъ начинается: «Лицо его нравится соединеніемъ простодушія съ тонкостью; у него интересная физіономія, въ наружности его вообще сказывается небрежность; его жесты, осанка и походка выражаютъ доброту, скромность, лѣнь и чувство неловкости (embarras)». Далѣе она говоритъ между прочимъ, что «у него умъ вѣрный, проницательный и глубокій; онъ мыслитъ и выражается рѣзко, но безъ строгой правильности». По словамъ Руссо, онъ былъ высокаго роста и имѣлъ мутные глаза, которые однакожъ не мѣшали ему высказывать большія претензіи; онъ будто бы бѣлился и потому пріятели въ насмѣшку назвали его Tyran-le-Blanc (заглавіе одного стариннаго романа, о которомъ Екатерина II упоминаетъ въ своихъ запискахъ); по другому толкованію это прозвище было намекомъ на его нѣсколько самонадѣянный тонъ или даже деспотическій нравъ, который не чуждъ былъ ему по сознанію друга его, Дидро. Лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу Гримма служатъ теплые о немъ отзывы его бывшаго секретаря Мейстера. Для полнаго сужденія о Гриммѣ въ его частной жизни мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ; что ка-

сается его общественнаго и литературнаго характера, то ниже мы увидимъ, что о нихъ можно составить себѣ довольно вѣрное понятіе.

Послѣ смерти графа Фризена онъ, благодаря покровительству герцога Орлеанскаго, получилъ мѣсто секретаря при маршалѣ д'Эстрэ (d'Estrées), и въ этомъ качествѣ, въ 1756 году, сопровождалъ его въ вестфальскомъ походѣ, предпринятомъ Французами, въ началѣ Семилѣтней войны, противъ Пруссіи. Съ 1770 годовъ, послѣ путешествія въ Россію, начинается дипломатическое поприще Гримма: до самаго оставленія Парижа въ слѣдствіе революціи онъ оставался тамъ посланникомъ саксенъ-готскаго двора.

Первымъ литературнымъ трудомъ, доставившимъ ему извѣстность, была брошюра «Le petit prophète de Boemischbroda», написанная имъ по поводу спора, волновавшаго Парижанъ, о томъ, какая музыка выше — французская, или италіянская. Поводъ къ разногласію подали прибывшіе въ Парижъ въ 1753 г. италіянскіе пѣвцы. Гриммъ присталъ къ приверженцамъ новизны, и въ своей защитѣ обнаружилъ такъ много веселой ироніи, что самъ Вольтеръ, прочитавъ брошюру его, не могъ не отдать справедливости его остроумію.

Этотъ успѣхъ чрезвычайно возвысилъ Гримма, и сочиненіе его въ короткое время пережило три изданія. Вскорѣ ему удалось создать себѣ новое поприще литературной дѣятельности. Это была «Литературная Корреспонденція» съ нѣсколькими коронованными особами, которая мало по малу сдѣлалась спеціальностію Гримма. Она состояла въ замѣткахъ обо всѣхъ текущихъ явленіяхъ французской литературы, въ высокой степени интересовавшей остальную Европу. Сперва такую корреспонденцію съ однимъ германскимъ (саксенъ-готскимъ) дворомъ скромно велъ извѣстный авторъ «Исторіи обѣихъ Индій», Рейналь; но онъ въ 1753-мъ году передалъ ее Гримму, подъ перомъ котораго она вскорѣ достигла большого развитія, благодаря критическому таланту автора и незначительности тогдашней періодической печа-

ти. Мало по малу читателями этой литературной лѣтописи сдѣлались, кромѣ разныхъ мелкихъ владѣтельныхъ принцевъ Германіи, Фридрихъ II, шведская королева (мать Густава III), Екатерина II и Станиславъ Понятовскій. Сношенія Гримма съ русскимъ дворомъ начались, сколько мнѣ извѣстно изъ дѣлъ Государственнаго архива, съ 1764 года; вскорѣ онъ сталъ посылать помянутую корреспонденцію въ Петербургъ и сдѣлался комиссіонеромъ государыни, напр. участвовалъ въ посредничествѣ при покупкѣ библіотеки Дидро. Но этой такъ-сказать циркулярной корреспонденціи его не должно смѣшивать съ тою, въ которую съ 1774 года удостоила вступить съ нимъ лично русская императрица. Прежняя корреспонденція его могла такъ называться только въ томъ смыслѣ, въ какомъ и нынче означаются этимъ именемъ извѣстія, регулярно доставляемыя изъ отдаленныхъ мѣстъ въ газеты. Такимъ образомъ Гриммъ можетъ считаться первымъ литературнымъ хроникёромъ XVIII столѣтія; дѣло это было для него не только почетно, но и прибыльно, такъ какъ, кромѣ коронованныхъ особъ, онъ сообщалъ копіи съ своихъ корреспонденцій и частнымъ лицамъ изъ платы, составлявшей обыкновенно по 300 франковъ въ годъ. Это занятіе продолжалъ онъ почти 40 лѣтъ, т. е. до 1790 года, когда конецъ тому положила французская революція. И почти во весь этотъ періодъ онъ исполнялъ предпринятое дѣло одинъ, только на время своихъ отлучекъ поручая его своему секретарю (Мейстеру), или другу Дидро.

Литературныя сужденія Гримма обнаруживаютъ въ немъ много проницательности и вкуса, и ставятъ его гораздо выше Лагарпа и всѣхъ другихъ французскихъ критиковъ того времени: его приговоры новы, смѣлы и мѣтки; рѣдко онъ ошибался въ оцѣнкѣ даже являвшихся въ первый разъ писателей, мѣсто которыхъ сразу опредѣлялъ, такъ что время подтвердило большую часть его отзывовъ. О прежнихъ писателяхъ ему не часто случалось высказываться; но, касаясь ихъ, онъ также не измѣнялъ себѣ: замѣчательно между прочимъ, какъ хорошо онъ понялъ Мон-

тэня и особенно Шекспира, который тогда еще вовсе не былъ оцѣненъ во Франціи. Такъ же вѣрно онъ судилъ о современной нѣмецкой литературѣ, и уже видѣлъ въ ней зарю близкаго возрожденія. О глубинѣ его политическаго ума свидѣтельствуетъ то, что онъ еще въ 1770-хъ годахъ предусматривалъ въ недалекомъ будущемъ неизбѣжность общественнаго переворота въ Европѣ.

«Литературная Корреспонденція» [1]) Гримма въ первый разъ была издана въ 15-ти томахъ въ 1812 году, при чемъ многія мѣста текста не были допущены къ напечатанію: это заставило одного французскаго критика подивиться, что наполеоновская цензура нашла слишкомъ вольнымъ даже языкъ корреспондента русской императрицы. Впослѣдствіи всѣ исключенныя изъ первоначальнаго изданія мѣста были напечатаны отдѣльнымъ томомъ, который и составилъ дополненіе къ прежнимъ 15-ти.

Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о личности Гримма можно заключить, что онъ съ нѣкоторыми слабостями, отчасти проистекавшими изъ самыхъ обстоятельствъ его жизни, соединялъ несомнѣнныя достоинства. Необыкновенное знаніе свѣта и людей обезпечивало ему успѣхъ въ высшихъ сферахъ общества. Фридрихъ II, который лично зналъ Гримма и также велъ съ нимъ откровенную переписку, подмѣтилъ въ немъ эту сторону и говорилъ, что немногіе въ такой степени, какъ онъ, обладаютъ умѣньемъ обращаться съ знатными и снискивать ихъ расположеніе, не жертвуя свободою мысли и независимостью характера. Мейстеръ равнымъ образомъ хваля въ Гриммѣ это качество, указываетъ на рано развившееся въ немъ убѣжденіе, что самое полезное въ жизни свойство есть тактъ въ сношеніяхъ съ людьми, — то, что Французы называютъ esprit de conduite.

Послѣ всего этого намъ становится понятнымъ то обаятельное впечатлѣніе, которое Гриммъ произвелъ на Екатерину II, когда, уже будучи извѣстенъ ей по своей «Литературной Корреспонденціи», по своимъ связямъ съ энциклопедистами, онъ пред-

---

[1]) Полное заглавіе подлинника см. выше въ примѣч. 1 на 2-й стр.

ставился ей въ сентябрѣ 1773 года, пріѣхавъ въ Петербургъ вслѣдъ за ландграфиней гессенъ-дармштадтской по случаю бракосочетанія дочери ея съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Утвердившіяся тогда между императрицею и имъ задушевныя отношенія, основанныя на полномъ пониманіи другъ друга, продолжались до самой кончины государыни и выразились въ изданной нынѣ Историческомъ Обществомъ перепискѣ. Объ этихъ отношеніяхъ самъ онъ впослѣдствіи составилъ упомянутую выше подробную записку; мы воспользуемся ею въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ.

На другой же день послѣ перваго представленія Гримма, императрица чрезъ генерала Бауэра предложила ему вступить въ русскую службу. Гриммъ, во все время свадебныхъ празднествъ, не давалъ рѣшительнаго отвѣта; по окончаніи же ихъ, замѣчая нѣкоторую къ себѣ холодность, просилъ аудіенціи. Вечеромъ слѣдующаго дня императрица приняла его въ своемъ кабинетѣ. «Войдя», говоритъ онъ, «я увидѣлъ въ ней то величавое выраженіе достоинства, которое было ей такъ свойственно; въ немъ не было ничего суроваго, и тѣмъ не менѣе оно смутило меня. «Итакъ», начала она, «вы желали объясниться со мной: что вы мнѣ скажете?»—Я отвѣчалъ: «Государыня, если Вашему Величеству угодно сохранить этотъ тонъ, то я долженъ буду удалиться, чувствуя, что не могъ бы говорить свободно, и безъ всякой пользы отнялъ бы у Васъ минуты, которыя Вы милостиво дарите мнѣ». При этихъ словахъ императрица приняла привѣтливый видъ и сказала: «Садитесь: поговоримъ о нашихъ дѣлахъ». Въ оправданіе своего нежеланія перейти на службу въ Россію Гриммъ сослался на свое совершенное незнакомство съ русскимъ языкомъ, на свои пятьдесятъ лѣтъ, на новость предстоявшаго ему положенія при дворѣ; въ сущности же, какъ онъ сознается, его пугала мысль о непрочности такого поворота въ судьбѣ его. Эта аудіенція продолжалась болѣе полутора часа: съ тѣхъ поръ императрица часто приглашала Гримма въ свои покои по вечерамъ послѣ карточной игры; вскорѣ ея бесѣды съ нимъ сдѣ-

лались ежедневными, а иногда происходили даже болѣе раза въ день. Но въ февралѣ 1774 года Гриммъ заболѣлъ и около двухъ мѣсяцевъ не могъ являться ко двору. Откланиваясь, онъ долженъ былъ обѣщать, что пріѣдетъ еще разъ послѣ предписаннаго ему врачами путешествія по Италіи; кромѣ того, государыня милостиво потребовала, чтобы онъ письменно извѣщалъ ее о себѣ. Начавшаяся такимъ образомъ переписка продолжалась двадцать два года почти непрерывно, т. е. за исключеніемъ только времени вторичнаго пребыванія Гримма въ Петербургѣ, отъ сентября 1776 года до августа 1777 года. Этотъ новый пріѣздъ его въ Россію совпалъ со вторымъ бракосочетаніемъ великаго князя. Бесѣды, которыхъ Екатерина II тогда удостоивала Гримма, были еще чаще, еще продолжительнѣе прежнихъ: одна изъ нихъ, говоритъ онъ, длилась не менѣе семи часовъ сряду.

Во время этого пребыванія Гримма въ Петербургѣ ему еще разъ возобновлено было прежнее предложеніе. Въ запискѣ своей онъ упоминаетъ, что лейбъ-медикъ Роджерсонъ передавалъ ему приглашеніе императрицы принять на себя завѣдываніе училищами, которыя предполагалось учредить подъ непосредственнымъ наблюденіемъ государыни. Но при этомъ Гриммъ забываетъ о собственноручномъ письмѣ ея, въ которомъ, въ бытность же его въ Петербургѣ, повторено было сказанное предложеніе. Оно напечатано въ дополненіяхъ къ перепискѣ (стр. 696). Въ этомъ письмѣ Екатерина прямо выражаетъ, что признаётъ одного Гримма способнымъ достойно помочь ей въ задуманномъ дѣлѣ, и проситъ отвѣчать ей рѣшительно: «хочу или не хочу, остаюсь или уѣзжаю, и я буду очень рада», прибавляетъ государыня, «если вы отвѣтите согласно съ моимъ желаніемъ, но буду уважать васъ не менѣе, если получу отказъ. Примете ли вы, или не примете, посылаю вамъ 5 т. рублей, которыя послужатъ либо на вашъ обратный путь, либо на первое здѣсь обзаведеніе. Если останетесь, вашъ годовой окладъ тотчасъ будетъ назначенъ и все пойдетъ какъ слѣдуетъ, и вы и я скажемъ: вотъ какъ вы

сдѣлались полезны государству, и вы одни можете оказать пользу этой части, и даже болѣе чѣмъ я, потому что вы гораздо лучше меня ее понимаете». Таково было безграничное довѣріе императрицы къ Гримму; но, не смотря на всѣ эти блестящія обѣщанія, онъ остался твердъ въ своемъ отказѣ и отвѣчалъ, что по незнанію русскаго языка считаетъ себя совершенно неспособнымъ къ предлагаемой ему дѣятельности. Тѣмъ не менѣе ему пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника съ содержаніемъ по 2 т. рублей въ годъ.

На этотъ разъ онъ встрѣтился въ Петербургѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III и получилъ отъ него приглашеніе посѣтить на обратномъ пути Швецію. Такъ какъ и Екатерина пожелала этого, то онъ отправился чрезъ Финляндію и Стокгольмъ. Переписка съ нимъ государыни возобновилась съ прежнимъ постоянствомъ. Черезъ нѣсколько времени, по выраженному имъ желанію, рѣшено было пересылать письма уже не по почтѣ, чтобъ ихъ не задерживало любопытство непрошенныхъ читателей (предметъ частыхъ шутокъ императрицы), а черезъ особыхъ курьеровъ, которые будутъ отправляться изъ Петербурга каждые три мѣсяца. Съ этого-то особенно времени письма съ обѣихъ сторонъ принимаютъ характеръ поденныхъ записокъ. Легко представить себѣ, какое значеніе, вслѣдствіе этого, Гриммъ получилъ въ глазахъ французскаго общества: многіе считали его тайнымъ агентомъ русской императрицы, опаснымъ для Франціи. Вотъ что онъ въ своей запискѣ возражаетъ на это: «Великіе парижскіе политики думаютъ, что ни въ Парижѣ, ни въ Версали не могло случиться ничего важнаго, замѣчательнаго, любопытнаго, даже пустого, чего бы императрица тотчасъ же не узнала черезъ меня въ подробности и со всею точностію. Если бы они могли ознакомиться съ этой объемистой перепискою, то очень удивились бы, не найдя въ ней ни одного изъ тѣхъ именъ, которыхъ искали, и ничего такого, что̀ по ихъ мнѣнію должно составлять сущность моихъ писемъ. Они не знали меня какъ императрица̀, и потому имъ не могло быть извѣстно, до какой степени

мнѣ противно всякое вмѣшательство въ дѣла, до меня не касающіяся. Могу смѣло сказать, что Ея Величество настолько меня уважала, что никакъ не захотѣла бы унизить меня до роли доносчика и что тотъ, кто, писавши ей постоянно, не успѣвалъ высказывать и половину того, что она ему внушала, не чувствовалъ никакой охоты внѣ своей головы и сердца искать матеріаловъ для наполненія своихъ пакетовъ. Могу смѣло сказать, что я никогда не позволялъ себѣ отзываться дурно о комъ бы ни было изъ ея подданныхъ, что я никогда не произносилъ имени такихъ лицъ, о которыхъ не могъ сообщить ничего добраго, и если государынѣ случалось неблагопріятно говорить о комъ-либо, то я постоянно старался выставить ту сторону, съ которой онъ бы могъ быть оправданъ, или по крайней мѣрѣ извиненъ».

Припомнимъ, что Гриммъ въ то время занималъ въ Парижѣ постъ саксенъ-готскаго посланника. Когда въ 1789 году началась французская революція, то Екатерина, предвидя угрожавшую Гримму опасность, обѣщала дать ему какое-нибудь дипломатическое назначеніе въ Германіи, а между тѣмъ повелѣла положить на его имя сумму въ московскій Опекунскій совѣтъ. Надо впрочемъ замѣтить, что, по его словамъ, объ этой милости послѣ не было болѣе рѣчи, и онъ ею не воспользовался, такъ же какъ и позднѣе другою суммой, которую обѣщала ему императрица, какъ видно изъ писемъ ея, на покупку дома въ Вѣнѣ. Но еще гораздо ранѣе, въ 1786 году, онъ возведенъ былъ въ кавалеры 2-й степени ордена св. Владиміра, учрежденнаго только за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ. Объ этомъ пожалованіи императрица извѣстила его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такъ какъ мой souffre-douleur самый аккуратный человѣкъ въ исполненіи моихъ порученій, то статутъ ордена св. Владиміра допускаетъ и даже требуетъ, чтобъ онъ былъ принятъ въ число кавалеровъ, и по этимъ-то причинамъ я посылаю вамъ ленту 2-й ст., которую вы надѣнете на шею и будете носить на груди, и звѣзду, которую вы приколете прямо противъ сердца. Да благословитъ васъ Богъ».

Въ 1790 и 1791 годахъ Гриммъ провелъ лѣто въ Герма-

ніи и въ Нидерландахъ, куда императрица и посылала къ нему своихъ курьеровъ, но къ зимѣ онъ возвратился въ Парижъ, намѣреваясь, не смотря на постоянно ухудшавшееся положеніе дѣлъ, оставаться тамъ, пока русскій посланникъ не покинетъ своего поста. Между тѣмъ государыня, вслѣдствіе тревожныхъ изъ Франціи извѣстій, стала опасаться за свои письма и другія бывшія въ рукахъ Гримма бумаги, и совѣтовала ему сжечь ихъ. Гриммъ, съ своей стороны, просилъ позволенія вывезти ихъ изъ Франціи, и находилъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что на него уже указывали комитетамъ какъ на человѣка подозрительнаго. Благодаря принятымъ имъ предосторожностямъ, ему дѣйствительно удалось благополучно перевезти эти драгоцѣнныя рукописи въ Германію. Въ февралѣ 1792 года онъ и самъ выѣхалъ изъ Парижа вслѣдъ за вызваннымъ оттуда посланникомъ Екатерины II (Симолинымъ). Передъ отъѣздомъ своимъ Гриммъ успѣлъ, черезъ одно довѣренное лицо, извѣстить короля и королеву объ участіи, принимаемомъ въ судьбѣ ихъ русскою императрицей. По просьбѣ ихъ онъ выписалъ изъ ея писемъ къ нему все, что̀ къ нимъ относилось, и узналъ потомъ, что они выразили ей письменно свою признательность.

Въ числѣ благодѣяній, излитыхъ Екатериною чрезъ посредство Гримма на множество лицъ, нельзя не упомянуть особенно о покровительствѣ и милостяхъ, оказанныхъ, по его ходатайству, столь близкой ему г-жѣ д'Эпинэ и ея внучкѣ. Поводомъ къ тому послужило педагогическое сочиненіе первой, «Conversations d'Emilie», состоявшее изъ разговоровъ матери съ дочерью для развитія дѣтскихъ понятій и назначенное именно для этой внучки, которая въ перепискѣ съ Гриммомъ и является подъ именемъ Emilie [1]). Книга эта вышла въ 1774 году, и въ началѣ слѣдующаго Гриммъ уже посылаетъ ее императрицѣ, которая вслѣдъ

[1]) Мать ея, по мужу Madame de Belzunce, была одною изъ незаконныхъ дочерей г-жи д'Эпинэ. Извѣстія объ этихъ дочеряхъ ея неточны и, кажется, неполны. Прежде Гримма любовникомъ г-жи д'Эпинэ былъ Dupin Francueil, дѣдъ знаменитой Жоржъ-Сандъ.

за тѣмъ пишетъ, что не можетъ разстаться съ этимъ сочиненіемъ и прикажетъ перевести его по-русски. Можетъ быть этому-то высокому вниманію названная книга отчасти и была обязана тѣмъ, что впослѣдствіи, въ 1784-мъ году, уже по смерти автора, она удостоилась во Франціи академической преміи; но при первомъ своемъ появленіи она не имѣла особеннаго успѣха, и вскорѣ г-жа д'Эпинэ, по принятымъ тогдашнимъ министерствомъ финансовъ правиламъ, лишилась дохода, который получала изъ казны по службѣ мужа. Вслѣдствіе того Екатерина II приказала Гримму выдать ей 8 т. франковъ, а четырнадцатилѣтней Эмиліи послала свой шифръ, украшенный брильянтами. Послѣ смерти г-жи д'Эпинэ въ 1783 г. Екатерина пожаловала осиротѣвшей внучкѣ ея 12 т. рублей и при содѣйствіи посланника, графа Сегюра, устроила во Франціи бракъ ея съ полковникомъ графомъ де Бюэлемъ (de или du Bueil). Людовикъ XVI, не желая отстать отъ иностраннаго правительства въ щедрости къ его подданной, назначилъ молодой четѣ пенсію въ 4 т. франковъ. При крещеніи двухъ дѣтей, родившихся отъ этого супружества, воспріемницей была Екатерина II, и по ней дочь была названа Catherine Hélène, а сынъ Catherine Henri. Они въ письмахъ ея къ Гримму часто упоминаются подъ именами Катенька и Като (Katinka и Catau). Въ концѣ 1791 г. мужъ и жена покинули Францію: графъ де Бюэль отправился въ Кобленцъ (гдѣ, какъ извѣстно, сосредоточивались союзныя войска), и поступивъ на службу къ принцу Нассаускому, получилъ позволеніе носить русскій мундиръ. Семейство его, послѣ многихъ неудачъ и затрудненій, вынесенныхъ въ слѣдствіе успѣховъ республиканской арміи, нашло наконецъ пріютъ въ Готѣ у Гримма, который принялъ его на свое попеченіе, поселясь тамъ съ Февраля 1793 года. Между тѣмъ во Франціи онъ былъ объявленъ эмигрантомъ, и все его имущество расхищено въ пользу республики; но, къ крайней досадѣ господствовавшей партіи, въ домѣ его не оказалось ни малѣйшихъ слѣдовъ переписки съ русской императрицей; нашлось лишь нѣсколько портретовъ ея, которые и были съ торжествомъ уничтожены.

Узнавъ объ утратѣ Гриммомъ большей части его имущества, Екатерина II въ началѣ 1794 года отправила къ нему векселями 20 т. рублей, часть которыхъ онъ и употребилъ на поправленіе своего состоянія, а остальные на воспитаніе и обезпеченіе въ будущемъ своихъ пріемышей. Въ заботѣ о ихъ участи, онъ, на случай своей смерти, просилъ государыню принять ихъ какъ завѣщанное имъ наслѣдство, и она милостиво изъявила на это свое согласіе, предлагая ему сверхъ того, въ случаѣ надобности переселиться вмѣстѣ съ ними въ Россію и посылая ему на это путешествіе 10 т. руб.; оно однакожъ никогда не состоялось.

Первыя попытки республиканцевъ перейти границу Германіи снова возбудили въ императрицѣ безпокойство на счетъ судьбы ея писемъ къ Гримму, и она повторила ему свой совѣтъ предать ихъ огню. Онъ отвѣчалъ, что имъ уже приняты всевозможныя мѣры для спасенія этого сокровища; въ случаѣ же его смерти письма эти не будутъ принадлежать ни ей, ни ему, такъ какъ онъ рѣшился завѣщать ихъ великому князю Александру Павловичу, но съ тѣмъ чтобъ они вскрыты были не прежде какъ черезъ десять лѣтъ послѣ смерти того, къ кому были адресованы. Онъ прибавилъ, что впрочемъ, если императрица будетъ настаивать, то онъ, скрѣпя сердце, принесетъ эту тяжелую жертву въ пополненіе другихъ потерь, имъ испытанныхъ. Екатерина отвѣчала съ обычнымъ своимъ благодушіемъ: «Сохраните же это добро, когда вы имъ такъ дорожите и стараетесь, чтобы оно оставалось недоступно для любопытныхъ». Упомянутому распоряженію Гримма потомство конечно обязано сохраненіемъ драгоцѣнныхъ писемъ къ нему великой Екатерины. Мнѣ не удалось найти въ Государственномъ архивѣ документа, который подтверждалъ бы, что предположеніе Гримма было приведено въ исполненіе, но по всей вѣроятности собраніе этихъ писемъ, въ томъ видѣ, какъ оно до сихъ поръ сберегается въ двухъ переплетенныхъ тетрадяхъ, дѣйствительно было доставлено императору Александру I въ 1817 году наслѣдниками Гримма по истеченіи назначеннаго въ завѣщаніи его срока. Что

касается писемъ, которыя Екатерина получала отъ Гримма, то мы долго не знали куда они дѣвались; въ послѣднее время нѣкоторыя изъ нихъ нашлись въ Государственномъ же архивѣ въ особо хранившейся связкѣ его переписки; эти любопытные отрывки, очевидно составлявшіе также часть особой переплетной тетради, подаютъ поводъ къ предположенію, что и другая половина этой исторической корреспонденціи была нѣкогда достояніемъ Государственнаго архива. Гдѣ осталось самое большое число этихъ писемъ замѣчательнаго иностранца, такъ услаждавшаго великую императрицу своей бесѣдой, — непонятная загадка. Историческое общество конечно издастъ уцѣлѣвшія отъ истребленія въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ своихъ. Просматривая ихъ, нельзя не удивляться ловкости и такту, съ какими авторъ ихъ умѣетъ соединять изъявленія искренняго благоговѣнія и приверженности, часто близкія къ лести, съ смѣлостью мыслей и рѣзкостью выраженій. Впрочемъ мы уже имѣемъ понятіе объ этомъ качествѣ его по отзыву Фридриха II и по самымъ письмамъ Гримма къ прусскому королю, напечатаннымъ въ предпослѣднемъ томѣ «Correspondance littéraire».

Съ 1795 года Гриммъ занималъ въ Готѣ постъ русскаго посланника при нижне-саксонскихъ владѣніяхъ. Потомъ, въ августѣ 1796 года, императрица сообщила ему (какъ бы въ видѣ слуха), что онъ назначенъ въ Гамбургъ на мѣсто умершаго тамъ резидента ея Гросса. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ письмомъ курьеръ привезъ ему изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ кредитивную грамоту и другіе документы, относившіеся къ этому посту. Но пока онъ готовился къ переселенію въ Гамбургъ, внезапно пришло извѣстіе о кончинѣ его царственной благодѣтельницы. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, именно 11 (22) ноября, когда ея уже не было въ живыхъ, получено было имъ послѣднее письмо ея, писанное 20 (31) октября. Можно представить себѣ, какимъ жестокимъ ударомъ была для Гримма роковая вѣсть. Но во внѣшней судьбѣ его не произошло никакой перемѣны. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ поспѣшилъ обратиться къ императору Павлу

съ письмомъ, въ которомъ вмѣстѣ съ чувствомъ глубокой скорби выразилъ свою безграничную приверженность къ преемнику Екатерины. Государь отвѣчалъ милостиво и утвердилъ его въ новой должности. Гриммъ отправлялъ ее до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не сокрушила силъ его; лишившись, вслѣдствіе недуга, одного глаза, онъ умеръ 19 декабря 1807 года. Посреди всѣхъ великихъ событій новаго вѣка онъ чувствовалъ, что какъ будто пережилъ самого себя и не разъ въ послѣдніе годы жизни говорилъ: «Я пропустилъ время дать похоронить себя».

Отличительная черта писемъ Екатерины къ Гримму, прежде всего бросающаяся въ глаза, есть шуточный тонъ ихъ; но переходя какъ бы случайно отъ одной матеріи къ другой, императрица, посреди ничтожныхъ повидимому предметовъ бесѣды, часто высказываетъ самыя серьезныя мысли. Письма ея, по своей граціозной непринужденности, по разнообразію содержанія и вмѣстѣ по легкости и прелести слога, нисколько не уступаютъ наиболѣе превозносимымъ образцамъ эпистолярнаго рода. Быстрые переходы отъ одного предмета къ другому, какъ мы знаемъ изъ словъ самой государыни, объясняются тѣмъ, что она, отвѣчая Гримму, была столь внимательна, что всегда имѣла передъ собой послѣднія письма, отъ него полученныя, и останавливалась по порядку на всѣхъ частностяхъ, требовавшихъ отвѣта. Обращаясь къ нему сперва съ словами Monsieur или M. le philosophe, она вскорѣ отбросила всѣ подобныя формы учтивости, сама шутила надъ ихъ отсутствіемъ и обыкновенно называла его не иначе какъ souffre-douleur, намекая тѣмъ на трудность его положенія, какъ корреспондента и комиссіонера столькихъ коронованныхъ особъ. Далѣе, государыня часто посмѣивалась также надъ жалобами Гримма на его слабое здоровье, къ чему относилось выраженіе boyaux fêlés (надорванныя кишки); надъ его умѣньемъ развивать всякую мысль (l'art du développement) и слабостью къ германскимъ принцамъ и принцессамъ. Нерѣдко она вставляетъ въ свой французскій текстъ цѣлыя тирады на нѣмецкомъ языкѣ, въ которыхъ почти всегда можно найти какія-

нибудь остроумныя выходки или игру словъ. Въ концѣ ея писемъ къ Гримму никогда нѣтъ подписи, которая встрѣчается подъ большею частью писемъ Екатерины къ другимъ лицамъ. Послѣднее въ ряду многихъ посылавшихся вмѣстѣ, обыкновенно оканчивалось словами: «Adieu, portez-vous bien». Съ тѣхъ поръ какъ письма были отправляемы не по почтѣ, государыня своею рукою надписывала и адресъ: «A Mr Mr le baron de Grimm, chevalier de l'odre de St.-Wladimir». Замѣтимъ, что титулъ барона былъ пожалованъ ему въ 1775 году вѣнскимъ дворомъ. Есть свидѣтельство, что Гриммъ былъ весьма не равнодушенъ къ почестямъ этого рода и что благопріятныя внѣшнія обстоятельства явно отражались на его привычкахъ и отношеніяхъ къ друзьямъ, такъ что еще задолго до его возвышенія д'Аламберъ въ насмѣшку называлъ его «M. l'ambasseur». Не будемъ однакожъ поспѣшны въ принятіи на вѣру подобныхъ сужденій о немъ, пока не ознакомимся по крайней мѣрѣ съ тѣми изъ его писемъ къ Екатеринѣ II, которыя дошли до насъ.

Естественно, что въ слѣдствіе утраты значительной части одной стороны этой переписки, иное въ отвѣтахъ государыни остается не совсѣмъ яснымъ. Въ связи съ этимъ, въ предисловіи моемъ къ ея письмамъ, находится нѣсколько строкъ, которыя нужнымъ считаю привести и здѣсь: «Нѣкоторыя мѣста въ письмахъ Екатерины II къ Гримму, темны еще и по другой причинѣ: изъ весьма понятнаго благоразумія многія лица и обстоятельства представляются здѣсь подъ вымышленными или аллегорическими названіями, изъ которыхъ не всѣ могутъ быть разгаданы. Одни изъ такихъ терминовъ французскіе, другіе — нѣмецкіе. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ съ тѣмъ значеніемъ, которое, какъ кажется, должно разумѣть въ нихъ: l'homme aux deux physionomies означаетъ Іосифа II до личнаго съ нимъ знакомства;

однажды онъ назвалъ piccolo bambino (малютка); Mamman — его мать, Марія Терезія; frère Ge значитъ: англійскій король Георгъ III; Hérode — Фридрихъ II, frère Gu — сперва шведскій король Густавъ III, потомъ Фридрихъ Вильгельмъ II (Guillaume); Gegu — двое изъ названныхъ королей вмѣстѣ; Antonin и Falstaff — Густавъ III; les Secondats употребляется въ различномъ смыслѣ, напр. въ одномъ случаѣ значитъ: Фридрихъ II и Іосифъ II, въ другомъ великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга; les épiciers — Шведы; marchands drapiers — Англичане; marabouts — Турки; arme Leute — Французы во время революціи; égrillarde — самая революція; purée de pois, soupe aux pois — дипломація и дипломаты (какъ неудобоваримые); Paßgänger (собственно = иноходцы) — неправильно дѣйствующіе, бездарные министры, и проч. Особенно не нравились государынѣ прусскій посланникъ Гэрцъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Герцбергъ: перваго, за его холодность и скрытность, она называетъ la glace или le boutonné; имя второго, для означенія его высомѣрія, переводится по-французски Coeur de Montorgueil; самъ Гриммъ чаще всего называется souffre-douleur, иногда же означается выраженіемъ gens de Grimma (имя округа и города въ Саксоніи) или получаетъ названіе германскаго Соломона. Изъ приближенныхъ къ императрицѣ Корсаковъ постоянно называется Pyrrhus, roi d'Epire, а Мамоновъ — l'habit rouge. Въ перепискѣ послѣднихъ лѣтъ часто употребляется слово Köther для означенія виновниковъ анархіи во Франціи Объясненіе этого термина, равно какъ и встрѣчающихся рядомъ съ нимъ Bärenhäuter и Bärenreiter, императрица сама даетъ на стр. 609. Въ тѣ же годы подъ шотландскимъ пэромъ (pair d'Ecosse) разумѣется часто упоминаемый ею и просто шотландецъ Финдлэтеръ, жившій то во Франкфуртѣ на Майнѣ, то въ другихъ городахъ Германіи (онъ умеръ 1811 г. въ Дрезденѣ) и много способствовавшій къ украшенію ихъ садами. Названіе St. Nicolas или просто votre saint дается графу Николаю Петровичу Румянцову, посланнику нашему во Франкфуртѣ».

Къ первому отдѣлу переписки императрицы Екатерины съ Гриммомъ можно отнести письма, писанныя почти со дня отъѣзда Гримма изъ Россіи до того времени, какъ онъ вторично пріѣхалъ въ Петербургъ по случаю вступленія великаго князя Павла Петровича во второй бракъ съ принцессой Виртембергской Софіей Доротеей,—впослѣдствіи великой княгиней Маріей Феодоровной, т. е. отъ 25 апрѣля 1774 г. по 2 сентября 1776 года.

Переписка начинается въ самомъ веселомъ тонѣ, подъ впечатлѣніемъ такихъ событій, которыя видимо радовали императрицу и снимали съ нея тяжелое бремя тревогъ и напряженія. Успѣхи нашего оружія въ Турціи и славные подвиги Румянцова за Дунаемъ, приведшія къ заключенію мира въ Кучукъ-Кайнарджи, а также поимка Пугачева и внутреннее успокоеніе государства, наконецъ возвышеніе Потемкина и начало его вліянія на государственныя дѣла, — вотъ самыя крупныя событія этого перваго трехлѣтія. Почти цѣлый 1775 годъ императрица провела въ Москвѣ и ея окрестностяхъ.

Гриммъ, рѣшительно отказавшись вступить въ русскую службу, далъ однако обѣщаніе непремѣнно опять вскорѣ посѣтить Россію. Императрица, отвѣчая на первое письмо его изъ Риги, говоритъ ему [1]): «Вы спрашиваете меня: — какъ уѣхать изъ вашего царства? — Чѣмъ могу я отвѣтить на это, если не фразой Мольера: «Г. George Dandin, вы сами этого хотѣли». Итакъ отъ васъ зависитъ вернуться. Такъ какъ Гриммъ не могъ сказать, что одною изъ причинъ нежеланія остаться въ Россіи было опасеніе за непрочность новаго положенія, то императрица пишетъ ему въ другомъ письмѣ: «Я знаю, отчего произошло ваше маленькое сомнѣніе: пари держу, отъ того, что я при васъ удалилась отъ нѣкоего весьма скучнаго гражданина (Васильчикова), котораго тотчасъ замѣнила, сама не знаю какъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ, забавныхъ и смѣшныхъ оригиналовъ этого желѣзнаго вѣка (Потемкинымъ) [2]).

---

[1]) Стр. 1.

[2]) Стр. 4.

О дружественномъ и безцеремонномъ тонѣ этихъ писемъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ: «Г. Томъ (собачка) храпитъ сзади меня на одномъ изъ тѣхъ турецкихъ диванов, о существованіи которыхъ вы, французскіе доги, не имѣете никакого понятія, а князь Потемкинъ ввелъ ихъ здѣсь у насъ, и на такомъ диванѣ двѣнадцать человѣкъ съ надорванными кишками (boyaux fêlés [1]) могутъ покойно помѣститься при всяческихъ судорогахъ. Итакъ, если вы останетесь въ Парижѣ, я совѣтую вамъ пріобрѣсти подобную мебель, а если George Dandin рѣшится возвратиться сюда, я обѣщаю ему взять этотъ расходъ на себя. Итакъ Томъ спитъ, а его дочка рѣзвится въ прихожей, я же пишу да пишу письмо, и еслибъ мы оба были умны, то сжигали бы свои письма, не отправляя ихъ на почту, или вправду я боюсь, чтобъ ихъ когда-нибудь не положили на храненіе въ архивы дома сумасшедшихъ [2])». Любимый предметъ шутокъ въ письмахъ Екатерины къ Гримму составляютъ ея собачки, и частое упоминаніе о нихъ доказываетъ, какъ императрица не стѣсняясь клала на бумагу всѣ свои впечатлѣнія.

Мы сказали, что поимка Пугачева совпадаетъ съ началомъ этой переписки. Во всемъ, что пишетъ объ этомъ императрица въ первыхъ своихъ письмахъ, выражается ея твердая и неуклонная воля не щадить злодѣя и строгостью остановить разлитіе зла, которое произвело столько народныхъ бѣдствій. «Теперь маркизъ Пугачевъ на пути изъ Симбирска въ Москву, связанный, закованный какъ медвѣдь, чтобъ быть повѣшеннымъ въ этой столицѣ. У этого честнаго мошенника повидимому не много разсудка, такъ какъ онъ льститъ себя надеждой, что можетъ быть помилованъ, или ужъ человѣкъ не въ состояніи жить безъ какой-нибудь надежды, или обольщенія [3])».

Слѣдующее за тѣмъ письмо начинается такъ: «3-е августа (1774 г.) въ день, избранный для молебствія о мирѣ».

---

[1]) См. выше стр. 18.
[2]) Стр. 7.
[3]) Стр. 3.

«Вотъ уже второй молебенъ по этому случаю, а я должна отслушать еще два послѣ обмѣна ратификацій обоими посольствами, то есть посольствомъ друга моего Абдулъ Гамида и моимъ. Этотъ миръ пришелъ для насъ неожиданно; онъ хорошъ и честенъ и всѣ имъ довольны, и я также, и вы также, не правда ли? [1])». Въ томъ же письмѣ императрица высказываетъ Гримму, какую цѣну она придаетъ его письмамъ, и потомъ нѣсколькими живыми чертами изображаетъ разнообразіе своихъ занятій, обязанностей, вкусовъ. Она говоритъ. «Я получила вашъ № 4 сегодня утромъ; онъ состоитъ только изъ восьми страницъ и, не прогнѣвайтесь: это — самое сумасшедшее изо всѣхъ вашихъ бумагомараній, которыя, какъ бы ни были длинны, перечитываются мною по два и по три раза, потому что они очень забавны, хотя мало разумны. Мнѣ хотѣлось бы вамъ сообщить многое множества интереснаго, но оттого именно я не разскажу ничего въ порядкѣ, отъ начала до конца. Я не Дидро́, не умѣю вдругъ обнимать столько матерій какъ онъ, ни царапать такъ скоро. Мнѣ бы нужна была огромная тетрадь бумаги и время, а у меня молебенъ на рукахъ и только три четверти часа для васъ, не считая Томаса и его возлюбленной дочки, которые находятся въ моей комнатѣ и требуютъ отъ меня тысячи аттенцій [2])».

Миръ въ Кучукъ-Кайнарджи императрица приписываетъ стараніямъ Потемкина, говоря: «Ахъ, какая славная голова у этого человѣка! Онъ болѣе всѣхъ другихъ принималъ участіе въ этомъ мирѣ, и эта прекрасная голова забавна какъ бѣсъ [3])».

Въ другой разъ она говоритъ: «Чтобъ утѣшить васъ, скажу вамъ. что посланники отъ Порты и Россіи назначены: Порта посылаетъ беглербея румелійскаго, пашу о трехъ бунчукахъ и съ длинной бородой; Россія — князя Репнина, бывшаго посланникомъ въ Польшѣ, который подписалъ миръ, не имѣя бороды».

---

[1]) Стр. 5.
[2]) Стр. 5.
[3]) Стр. 6

Наконецъ императрица возвѣщаетъ Гримму свою поѣздку въ Москву словами: «къ концу этого мѣсяца я ѣду въ Москву, и туда пріѣдетъ за мной кто пожелаетъ. Будете ли вы въ томъ числѣ?[1])».

Къ празднествамъ мира императрица ожидала принца Генриха Прусскаго, брата Фридриха II-го, но это путешествіе не состоялось, какъ объяснено въ одномъ письмѣ: «Принцъ-Генрихъ хотѣлъ пріѣхать праздновать здѣсь миръ по давнему своему обѣщанію, но московское путешествіе разстроило это. Такъ какъ этотъ городъ пострадалъ въ прошедшемъ году отъ большого пожара и очень трудно пріискать принцу пріятное помѣщеніе поближе ко двору, и еще труднѣе доставить ему удобства и развлеченія, которыми онъ здѣсь пользовался, потому что вблизи Москвы нѣтъ ни одного загороднаго дворца, удобнаго для лѣта, — то причины эти были представлены ему, и онъ согласился отложить свое путешествіе до возвращенія двора изъ Москвы[2]).

Наконецъ, въ половинѣ января (1775 г.), императрица выѣхала въ Москву и съ дороги пишетъ веселое и игривое письмо, помѣченное такъ:

«Изъ Твери, самаго хорошенькаго города имперіи послѣ Петербурга, изъ внутренности епископскаго дворца архіепископа Платона, который черезъ два дня переходитъ на московскую кафедру.

«Въ Новгородѣ, въ воскресенье, выходя изъ церкви, получила я вашъ № 10-й, и такъ какъ сегодня середа, если вы еще умѣете считать, то вы конечно отгадаете, что оно (ваше письмо) тряслось въ моемъ карманѣ по московской дорогѣ три дня. Я переѣду сегодня вечеромъ или въ ночь въ домъ грузинскаго князя[3]) (село Черная Грязь, купленное у Кантемира и переименованное въ Царицыно), за семь верстъ отъ этой древней и дряхлой столицы. Тамъ я буду ждать Ихъ Императорскія Высоче-

[1]) Стр. 10.
[2]) Стр. 11.
[3]) Кантемиръ былъ родомъ не изъ Грузіи, а изъ Молдавіи.

ства, которые выѣхали 24-го числа изъ Царскаго Села послѣ меня, т. е. 17-го, а я 16-го, въ 11 часовъ вечера. Послѣ того я сдѣлаю торжественный въѣздъ, какъ водится послѣ мира или по поводу какого-нибудь общественнаго событія, и потому знайте, что мнѣ некогда обращать вниманіе на всю воркотню, которою между прочимъ наполнено ваше прекрасное письмо, и я тѣмъ болѣе пройду её молчаніемъ, что вы говорите мнѣ, будто я родилась прощеною. Кромѣ того письмо ваше длинно, а у меня болитъ голова отъ угара въ архіепископскомъ дворцѣ, который, какъ кажется, плохо провѣтривался и лѣтомъ и зимою [1])».

«Г. Томасъ не сопутствуетъ мнѣ; онъ послѣдуетъ за мною со всѣмъ своимъ семействомъ подъ покровительствомъ г. Функе, моего охотника, но со мною г-жа Мими, новоприбывшая тоже англійской породы, но болѣе покладнаго характера и менѣе требовательная, чѣмъ Томасы. Знайте, что мы въ это путешествіе скачемъ сломя голову и хохочемъ какъ сумасшедшіе. Вы знаете, что кромѣ меня есть въ моей свитѣ другой я, или, если хотите, мой представитель, который поѣдетъ въ Константинополь и передастъ отъ меня кучу нѣжностей и любезностей моему доброму другу, султану Абдулъ-Гамиду; однимъ словомъ, это князь Репнинъ, очень веселый посланникъ и прекрасный спутникъ. Теперь я везу его въ Москву безъ церемоніи, но онъ надѣнетъ на себя необходимую для его миссіи важность съ кѣмъ будетъ нужно, только не со мною. Но, кстати, нѣжность моя къ султану дохолитъ до того, что я ношу его портретъ на своей табакеркѣ».... Письмо оканчивается уже почти въ Москвѣ словами: «Имѣю честь доложить вамъ, что я уже только въ семи верстахъ отъ Москвы, прибывъ сюда сегодня въ четвергъ, въ 6 час. утра. Въ воскресенье будетъ въѣздъ. Кажется, что не совсѣмъ недовольны видѣть меня; за то скажу вамъ: бумажникъ мой довольно туго набитъ, чтобъ потѣшить не одного гуляку [2])».

---

[1]) Стр. 13—14.
[2]) Стр. 13—14

Путешествіе и торжественный въѣздъ въ Москву были совершены всѣмъ дворомъ: то-есть, государыню сопровождалъ и сынъ ея великій князь Павелъ Петровичъ съ молодой супругой Натальей Алексѣевной, бывшей принцессой Дармштадтской. Любопытенъ отзывъ императрицы объ этой великой княгинѣ, бросающій свѣтъ на ея тогдашнія семейныя отношенія. Поговоривъ о молодомъ принцѣ, братѣ великой княгини, впослѣдствіи великомъ герцогѣ Людовикѣ I [1]), императрица продолжаетъ: «Сестра его (великая княгиня Наталья Алексѣевна) все больна, да и какъ не хворать? Все доведено до крайности у этой дамы. Если она гуляетъ пѣшкомъ, то двадцать верстъ, если танцуетъ, то двадцать кадрилей и столько же минуэтовъ, не считая аллемандовъ; чтобъ избѣгнуть жары въ комнатахъ, ихъ вовсе не топятъ; если кто-нибудь третъ себѣ лицо льдомъ, то все тѣло становится лицомъ: однимъ словомъ, середина во всемъ очень далека отъ насъ. Опасаясь злыхъ, мы не довѣряемъ цѣлой землѣ и не слушаемъ ни хорошихъ, ни худыхъ совѣтовъ; коротко сказать, до сихъ поръ нѣтъ ни мягкости, ни осторожности, ни благоразумія во всемъ этомъ, и Богъ знаетъ, что́ изъ этого будетъ, такъ какъ никого не слушаютъ и все хотятъ дѣлать по-свóему. Вообразите, что спустя полтора года и болѣе мы еще не говоримъ ни слова по-русски; мы хотимъ, чтобъ насъ учили, но мы не употребляемъ на это ни одного часу: все занимаемся пустячками; мы терпѣть не можемъ ни того, ни этого; у насъ долговъ вдвое противъ доходовъ, а имѣемъ однако столько, сколько никто въ Европѣ не имѣетъ. Но замѣтимъ: никогда не надо отчаиваться въ молодыхъ людяхъ, не надо слишкомъ много ворчать и не надо огорчать *истовъ* и *не истовъ* [2]), ни ничтожныхъ людей, ни поврежденныхъ внутренностей» [3]).

Послѣ торжественнаго въѣзда въ Москву императрица со-

[1]) Въ первый свой пріѣздъ въ Петербургъ Гриммъ сопровождалъ этого молодого принца, какъ кажется, въ качествѣ его воспитателя.

[2]) Тутъ императрица разумѣетъ всѣхъ протестующихъ, то есть экономистовъ, мартинистовъ, соціалистовъ и проч.

[3]) См. выше.

общаетъ Гримму свои впечатлѣнія и описываетъ устройство тамошняго дворца [1]).

«Знаете ли вы — который все знаете? я въ восторгѣ, что сюда пріѣхала, и здѣсь всѣ большіе и малые въ восторгѣ, что меня видятъ. Этотъ городъ есть фениксъ, воскресающій изъ пепла; я нахожу народонаселеніе замѣтно уменьшеннымъ, и причиной тому чума: она навѣрное унесла въ Москвѣ болѣе ста тысячъ человѣкъ. Но перестанемъ говорить объ этомъ. Вы хотите имѣть планъ занимаемаго мною дома? Я вамъ пришлю его, но нелегка штука опознаться въ этомъ лабиринтѣ; я пробыла здѣсь два часа и не могла добиться того, чтобъ безошибочно находить дверь своего кабинета: это торжество путаницы. Въ жизни моей не видала я столько дверей; я ужъ полдюжины велѣла уничтожить, и всетаки ихъ вдвое болѣе чѣмъ требуется».

Какія неудобства императрица испытывала, видно между прочимъ изъ словъ:

«Сидя между тремя дверями и тремя окнами [2])», а также изъ слѣдующей выдержки: «У меня въ Москвѣ очень дурное помѣщеніе въ грязномъ кварталѣ: домъ мой высокъ и самъ по себѣ и по мѣстоположенію, которое онъ занимаетъ; сосѣднія испаренія распространяютъ тамъ міазмы, болѣе полезныя въ истерикѣ чѣмъ пріятныя; я и удаляюсь оттуда почаще [3])».

Но, несмотря на свое походное положеніе, императрица не перестаетъ дѣятельно заниматься дѣлами, законодательными работами; мысль ея озабочена даже улучшеніемъ общественнаго воспитанія, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее обращеніе къ Гримму: «Но послушайте, господа философы [4]), *не составляющіе секты*: вы были бы премилые и превосходные люди, еслибъ сдѣлали благодѣяніе и выработали планъ обученія молодыхъ людей

[1]) Стр. 15.
[2]) Стр. 19.
[3]) Стр. 35.
[4]) Императрица часто подсмѣивается надъ политическимъ сектаторствомъ философовъ утопистовъ, людей отвлеченныхъ и непрактическихъ

отъ азбуки и до университета включительно. Вы скажете мнѣ, что не скромно просить васъ объ этомъ; но мнѣ говорятъ, что надо три разряда училищъ, и я, которая не училась и не была въ Парижѣ, конечно бѣдна свѣдѣніями и умомъ, и поэтому не знаю, чему слѣдуетъ учиться, или даже чему можно учиться и гдѣ все это почерпнуть, какъ не у подобныхъ вамъ. Я еще не получила книгу, которую вы послали съ кн. Долгорукимъ (Conversations d'Emilie, соч. г-жи д'Эпинэ) отъ матери Эмиліи, но я очень затрудняюсь составить себѣ идею объ университетѣ, о его управленіи гимназіями и школами и т. д... Но пока вы согласитесь или не согласитесь на мою просьбу, я знаю, что́ сдѣлаю: я стану перелистывать Энциклопедію. О! навѣрное я вытащу оттуда за уши все что мнѣ надо и не надо [1])».

Императрица постоянно держала Гримма въ извѣстности обо всемъ, что она издавала по законодательству, такъ же какъ и о всѣхъ письменныхъ и литературныхъ трудахъ, которые постоянно занимали её и наполняли ея время. Такъ въ одномъ изъ писемъ (дек. 1774) она говоритъ:

«Узнайте новость. Явилась новая болѣзнь, именуемая легисломаніей, и говорятъ, что императрица Россійская сильно заболѣла ею во второй разъ: въ первый разъ она только установила начала; теперь пошло самое дѣло. О бѣдная женщина! она умретъ отъ этого или доведетъ дѣло до конца. Вотъ, не правда ли, волюшка, противъ которой никакое препятствіе не устоитъ [2])».

Вскорѣ въ Москвѣ подписано было два манифеста. Первый, 17 марта, возвѣщаетъ дарованныя по случаю мира разнымъ сословіямъ милости; вторымъ, отъ 31 марта, повелѣно московскому банку учредить экспедиціи въ Оренбургѣ, Казани и Нижнемъ Новгородѣ для раздачи ссудъ жителямъ разоренныхъ въ Пугачевщину губерній. По поводу этихъ двухъ манифестовъ императрица говоритъ:

«Вы по крайней мѣрѣ не скажете, что я лѣнива, потому что

[1]) Стр. 19.
[2]) Стр. 13

я уже нацарапала четыре манифеста съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь. Одинъ изъ нихъ, сопровождаемый 47 пунктами, лишая меня полутора-милліоннаго дохода, будетъ эпохой во многихъ отношеніяхъ, но было бы слишкомъ долго вамъ это разсказывать. Другой на десять лѣтъ доставляетъ, за одинъ процентъ со ста, полтора милліона тѣмъ семействамъ, которыя разорены маркизомъ (Пугачевымъ)» [1]).

12 апрѣля, въ свѣтлое воскресенье, 1775 года, императрица пишетъ:

«Вы мнѣ говорите, милостивый государь, что вы умрете отъ подавленной благодарности, а я вамъ объявляю, что умру отъ проворства пера, потому что въ жизни моей я столько не царапала, сколько теперь; я царапаю прекрасные манифесты, весьма краснорѣчивые и которые будутъ жалко переведены, потому что въ нихъ болѣе мыслей чѣмъ словъ, а у переводчиковъ обыкновенно болѣе словъ, чѣмъ мыслей. Если вы встрѣтитесь съ такими переводами, то плюньте и не читайте ихъ; если же увидите вслѣдъ за тѣмъ 47 пунктовъ, скажите: «она не колдунья, а послѣ шестилѣтней войны, которую весь Парижъ находилъ разорительною, она вдругъ слагаетъ два милліона податей, или около того, и всѣ расплаты сдѣланы» [2]).

Въ іюнѣ того же года Екатерина пишетъ:

«Что касается до 47 неловкостей (47 пунктовъ изданнаго манифеста) ученицы г-жи Кардель, вы узнáете, что эти бездѣлицы составляютъ результатъ семилѣтняго труда, который мы берегли въ портфели до самой минуты его появленія. У насъ есть еще другой трудъ, который мы перечитывая сами нашли превосходнымъ произведеніемъ [3]). Мы бережемъ его къ осени и будемъ подвигаться такъ постепенно, что вы издалека съ трудомъ разглядите, что́ въ немъ есть и чего нѣтъ. Совѣтую вамъ пріобрѣсти

---

[1]) Стр. 20.
[2]) Стр. 21—22.
[3]) Учрежденіе о губерніяхъ.

хорошій телескопъ. Чтобъ разсмотрѣть что́ дѣлается на лунѣ, онъ необходимъ».

Въ ноябрѣ опять упоминается объ этомъ трудѣ:

«Долгъ платежемъ красенъ: я также порчу свои перья, какъ и вы, исписывая столько страницъ; правда, я страшно много нацарапала съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь. Мои послѣдніе законы отъ 7 ноября заключаютъ 250 печатныхъ страницъ in-quarto, но, клянусь вамъ, за то я никогда ничего лучшаго не производила, и передъ этимъ трудомъ Наказъ мнѣ въ эту минуту представляется пустою болтовней. Вотъ еще что́ васъ заинтересуетъ: знаете ли, что завзятые ябедники находятъ, что это могила ябеды?» [1]). Рѣчь идетъ о совѣстномъ судѣ, установленіемъ котораго Екатерина особенно гордилась. Къ этому предмету она возвращается въ другомъ письмѣ:

«Не волканическія, а весьма человѣческія явленія, которыя происходятъ въ Твери и Смоленскѣ, вы скоро получите въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, и вы можете не спѣша прочесть четыреста слишкомъ пунктовъ, раздѣленныхъ на 28 главъ и составляющихъ по-русски 215 страницъ in-quarto. Во всемъ этомъ есть совѣстный судъ, который производитъ чудеса и который самые свѣдущіе у насъ въ ябедничествѣ люди ужъ теперь называютъ могилой ябеды. Этотъ судъ окончилъ множество процессовъ въ Смоленскѣ и помирилъ семьи, которыя были въ ссорѣ цѣлые годы. Онъ ничего не рѣшаетъ, ничего не подписываетъ, никого не наказываетъ: онъ стоитъ внѣ аппеляціи въ области тяжбы, и его обожаютъ; вотъ, не правда ли, забавное дѣло? [2]).

Мы уже видѣли, что императрица хвалилась своими финансами послѣ шестилѣтней турецкой войны, отъ которой враги наши ожидали полнаго разоренія Россіи. Но Екатерина вѣрила въ силы своей страны; трудно было запугать ее и заставить отказаться отъ своихъ требованій во внѣшней политикѣ, и потому-

---

[1]) Стр. 39.
[2]) Стр. 46—47.

то она съ особенной настойчивостью нѣсколько разъ возвращается къ этому предмету:

«Если васъ опять станутъ спрашивать: какъ же она дѣлаетъ? откуда беретъ она средства? гдѣ взяла она все, что даетъ въ ссуду по одному со ста, послѣ шестилѣтней войны? скажите имъ, что если я разсержусь, я сдѣлаю хуже того, не обладая философскимъ камнемъ. Подождите немножко, и вы увидите превосходныя вещи, которыхъ никто не ожидаетъ, и тогда я позволю вамъ покашливать, какъ то дѣлаютъ самодовольнѣйшіе изъ бургомистровъ Германіи» [1]).

Время пребыванія въ Москвѣ ознаменовалось народными праздниками по случаю мира, въ которыхъ императрица принимала самое живое участіе. И тутъ сказалась вся самобытность и независимость взглядовъ и вкусовъ государыни, не любившей ничего рутиннаго и избитаго, и идея празднества освѣтилась всей оригинальностью ея собственной мысли, которую она такъ излагаетъ Гримму:

«Такъ какъ вы говорите мнѣ о праздникахъ по случаю мира, послушайте что́ я вамъ разскажу, и не вѣрьте всѣмъ вздорамъ, которые пишутъ въ газетахъ. Сочинили было проектъ, похожій на всѣ праздники: храмъ Янусу, храмъ Бахусу, храмъ дьяволу и его бабушкѣ и преглупыя аллегоріи, нелѣпыя уже потому что онѣ были чудовищно громадны: это были геніальныя усилія породить что-то, вполнѣ лишенное здраваго смысла.

«Сильно разсерженная этими великолѣпными и обширными проектами, которые я отвергла, я въ одно прекрасное утро призвала своего архитектора г. Баженова и сказала ему. «Другъ мой, въ трехъ верстахъ отъ города есть лугъ; вообразите себѣ, что этотъ лугъ Черное море, что изъ города доходятъ до него двумя путями; ну такъ одинъ изъ этихъ путей будетъ Донъ, а другой – Днѣпръ; при устьѣ перваго вы построите обѣденный залъ и назовете его Азовомъ; при устьѣ другого вы устроите театръ

[1]) Стр. 29.

и назовете его Кинбурномъ. Вы обрисуете пескомъ Крымскій полуостровъ, тамъ поставите Керчь и Еникале, двѣ бальныя залы; налѣво отъ Дона вы расположите буфетъ съ виномъ и мясомъ для народа; противъ Крыма вы зажжете иллюминацію, чтобъ представить радость обѣихъ имперій о заключеніи мира. За Дунаемъ вы устроите фейерверкъ, а на той землѣ, которая должна представлять Черное море, вы разставите освѣщенныя лодки и суда; берега рѣкъ, въ которыя обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, освѣщенными домами, и вотъ у васъ будетъ праздникъ безъ вымысловъ, но зато прекрасный, а особливо естественный.

«Мой другъ, восхищенный этой мыслью, тотчасъ схватился за нее, и вотъ готовится праздникъ. Я забыла вамъ сказать, что направо отъ Дона будетъ ярмарка, окрещенная именемъ Таганрога; вотъ вы, критикъ по призванію, скажите, будетъ ли это дурно? Правда, что море на твердой землѣ не совсѣмъ имѣетъ смыслъ, но простите этотъ недостатокъ, и все остальное будетъ хорошо, а просторъ и ночь, я надѣюсь, сдѣлаютъ это очень пріятнымъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько эти докучные храмы боговъ, которые мнѣ невыносимо надоѣли. А за тѣмъ пусть подражаетъ намъ, кто захочетъ» [1]).

Празднества, по словамъ императрицы, были чрезвычайно удачны: благодаря простору, не было ни одного несчастія, которое бы помрачило народное веселье. Это время ознаменовано было чрезвычайными милостями народу, и было также временемъ чествованія героя войны — Румянцова. Объ этомъ императрица пишетъ Гримму:

«Платонъ, архіепископъ московскій, всѣхъ насъ растрогалъ до слезъ въ день празднованія мира. Онъ сдѣлалъ въ проповѣди своей обращеніе къ фельдмаршалу Румянцову въ выраженіяхъ, до того сильныхъ и краснорѣчивыхъ, до того умѣстныхъ, искреннихъ и прочувствованныхъ, что самъ фельдмаршалъ, а съ нимъ

[1]) Стр. 20—21.

и вся церковь, полная какъ яйцо, не могли удержаться отъ слезъ, такъ же какъ и я сама.

«Но кстати, я должна разсказать вамъ, какъ я устроила фельдмаршала Румянцова въ день мира: 1) Онъ получилъ дипломъ, въ которомъ всѣ его побѣды, завоеванія и заключеніе мира изложены во всей подробности; потомъ 2) маршальскій жезлъ, осыпанный брильянтами; 3) великолѣпную шпагу; 4) шляпу съ лавровымъ вѣнкомъ въ видѣ султана на ней; 5) оливковую вѣтвь изъ брильянтовъ и эмали; 6) алмазные знаки и звѣзду Св. Андрея Первозваннаго; 7) пять тысячъ душъ; 8) сто тысячъ рублей; 9) серебряный сервизъ на сорокъ человѣкъ; 10) коллекцію картинъ» [1]).

Когда же Гриммъ отозвался на эту щедрость императрицы похвалами, она отвѣчала:

«Я очень довольна, что вы нашли прекрасною мысль, чтобъ всякій мой даръ главнокомандующему имѣлъ поводъ, ясно обозначенный. Сознаюсь, что и мнѣ эта мысль нравилась въ свое время, такъ какъ я изъ числа тѣхъ людей, которые любятъ сознавать причину вещей. Причина подарковъ могла бы составить довольно интересную исторію, стóящую книжки г-жи Tation, но которая можетъ-быть однако потребовала бы менѣе изданій» [2]).

Особенно увлекательно императрица описываетъ Гримму окрестности Москвы: Коломенское и Царицыно, пріобрѣтенное сю у Кантемира. Ея описанія дышатъ не только любовью къ природѣ, но такимъ поэтическимъ чувствомъ, такою пластичностью изображенія, которыя обнаруживаютъ несомнѣнный литературный талантъ. Вотъ какъ начинается одно изъ этихъ интересныхъ писемъ:

---

[1]) Стр. 29.

[2]) Стр. 40. Lettre à M-me la comtesse Tation, книжка, въ шуточномъ родѣ, напечатанная въ 1770 году. Въ заглавіи ея скрывается каламбуръ (Contestation). Авторомъ считаютъ извѣстнаго marquis de Bièvre.

Коломенское, 29 апрѣля 1775 года, въ 7 верстахъ отъ Москвы.

«Коломенское относится къ Царскому Селу какъ плохая театральная пьеска къ трагедіи Лагарпа. Вы видите, что выборъ сравненія скроменъ, потому что Царское Село еще не первый загородный дворецъ въ мірѣ. Скажите правду, вѣдь никто до сихъ поръ не начиналъ писемъ своихъ съ числа; этотъ обычай родился здѣсь въ моемъ мозгу [1]), и отъ васъ зависитъ принять его какъ черту геніальности. Вотъ предисловіе къ письму, на которое по совѣсти можно сказать *браво!* Оно обѣщаетъ много веселости; однако у меня нѣтъ лихорадки. Но за то вѣтеръ очень силенъ, а это или возбуждаетъ воображеніе, или даетъ головную боль [2]).

«Но какъ тутъ писать? Вотъ вдругъ Томъ Андерсонъ пожелалъ, чтобъ его покрыли; онъ расположился противъ меня на креслахъ; у меня лѣвая рука, а у него правая лапка опираются на окно, которое можно бы принять за дверь храма, еслибъ оно не было въ третьемъ этажѣ. Изъ этого окна сэръ Андерсонъ любуется: во первыхъ, на Москву-рѣку, которая извивается и дѣлаетъ на пространствѣ доступномъ глазу десятки поворотовъ; онъ безпокоенъ и лаетъ. Вотъ корабль поднимается по рѣкѣ; нѣтъ, нѣтъ, кромѣ корабля двадцать лошадей переплываютъ рѣку, чтобъ попастись на зеленыхъ лугахъ, усѣянныхъ цвѣтами, которые образуютъ другой берегъ и простираются до холма, покрытаго свѣжей вспаханной землею, принадлежащей тремъ селеніямъ, раскинувшимся передъ моими глазами. Налѣво маленькій монастырь, построенный изъ кирпича, — окруженный лѣсомъ, а потомъ изгибы рѣки и загородные домики. Господинъ Андерсонъ кажется утомился, глядя на этотъ чудный видъ, потому что онъ начинаетъ завертываться въ свое одѣяло и собирается уснуть.

---

[1]) Любопытно что императрица приписываетъ себѣ изобрѣтеніе этого столь обыкновеннаго въ наше время пріема.

[2]) Императрица очень любитъ приписывать всякое вдохновеніе вѣтру и бурѣ.

Если отъ моего описанія у васъ смыкаются глаза, я вамъ совѣтую сдѣлать то же» [1]).

Затѣмъ со свойственной ей игривостью ума императрица переходитъ къ родословной своихъ собачекъ Андерсоновъ и наконецъ къ текущимъ дѣламъ. Все это письмо представляетъ такой изящный образецъ слога, такое легкое и свободное теченіе мыслей, что Гриммъ, пораженный описательнымъ талантомъ государыни, не могъ не сообщить своихъ впечатлѣній, что́ видно изъ ея отвѣта:

«Право, часто вовсе не ожидаешь, какая счастливая судьба выпадаетъ на долю иныхъ писемъ, нами написанныхъ: напр. мое отъ 29 апрѣля. Могла ли я думать, что оно будетъ названо прелестнымъ, достойнымъ печати, вдохновеннымъ, согласнымъ съ вашимъ образомъ мыслей, письмомъ, пробудившимъ бѣготню, все опрокинувшую въ вашемъ углу, и содержащимъ такія картины и ланшафты, какихъ нѣтъ ни въ какой галлереѣ? Какъ пріятно имѣть дѣло съ учеными, или попасть подъ лапу философа: эти люди опредѣляютъ и классификуютъ всякую травку, всякій зародышъ, который мы топчемъ ногами. Конечно вы меня понимаете лучше чѣмъ тысячи другихъ, и часто то же размышленіе приходитъ вамъ въ голову въ Парижѣ, какое я сдѣлала въ Москвѣ; но стойте здѣсь! не возгордимся этимъ. Помните, что Петръ Великій посылалъ на базаръ узнавать, отгадываютъ ли тамъ его мысль, и обыкновенно оттуда ему дѣйствительно приносили эту мысль, потому что ходъ человѣческаго мышленія довольно однообразенъ, если исключить изъ этого неловкости и ошибки, примѣшивающіяся ко всему и приходящія болѣе извнѣ чѣмъ изъ внутренности головъ. Но такъ какъ вы обладаете особеннымъ талантомъ развитія [2]), то вы угадываете и предупреждаете мысль вашего ближняго легче чѣмъ кто-либо другой. Какая га-

---

[1]) Стр. 22.

[2]) Объ этомъ талантѣ развитія, который состоялъ именно въ угадываніи и понимавіи всякой мысли императрицы, также и ея характера и свойствъ, она безпрестанно съ удовольствіемъ говоритъ въ своихъ письмахъ.

лиматья! но я воскликну съ шахомъ Багамомъ[1]): тѣмъ хуже для почтовыхъ чиновниковъ, которые, вскрывъ мое письмо, не поймутъ его; я же понимаю» [2]).

Тутъ кстати замѣтить, что императрица чаще всего шутитъ надъ почтовыми чиновниками и докторами. Къ послѣднимъ она не питаетъ никакого довѣрія и считаетъ ихъ въ большинствѣ великими шарлатанами, старающимися гораздо чаще внушить высокое о себѣ мнѣніе таинственнымъ видомъ глубокой премудрости и знанія, недоступнаго простымъ смертнымъ, нежели вниманіемъ, участіемъ и смиренными усиліями понять то, что̀ иногда имъ самимъ далеко неясно.

Что касается до почтовыхъ чиновниковъ, то Екатерина II всего болѣе нападаетъ на сложную и трудную административную машину мелкихъ германскихъ дворовъ. Вообще въ эту эпоху своей жизни императрица видимо не сочувствовала стѣснительнымъ мѣрамъ мелочной правительственной опеки, которая не только мертвитъ жизнь, но, какъ всякая крайность, часто вызываетъ результаты, противоположные ожиданіямъ. По широтѣ своихъ взглядовъ Екатерина несомнѣнно принадлежала къ числу геніальныхъ лицъ, и яснымъ стремленіемъ ея царствованія было все распутывать, упрощать, вездѣ возбуждать разумную свободу и дѣятельность. И не въ одномъ этомъ случаѣ высказываетъ она свою нелюбовь къ бездушному бюрократическому строю. Вотъ что говоритъ она по поводу одного долго пропадавшаго письма Гримма:

«Наконецъ-то прибылъ вашъ № 24, остановившись съ 27 сентября по 17 января Богъ знаетъ у какого почтоваго чиновника, а можетъ-быть и на письменномъ столѣ какого-нибудь важ-

[1]) Въ письмахъ къ Гримму Екатерина часто припоминаетъ въ шутку шаха Багама, который одинъ понимаетъ то, что самъ говоритъ и чего никто другой не понимаетъ. Послѣ долгихъ поисковъ мнѣ удалось, при обязательномъ содѣйствіи А. А. Шифнера, выяснить, что это загадочное лицо играетъ роль въ одной изъ сказокъ Кребильйона младшаго (*Le Sopha*), изданныхъ въ Лондонѣ 1772 г. подъ заглавіемъ: Collection des oeuvres de Crébillon le fils.

[2]) Стр. 31.

наго министра большого или маленькаго государства, который, будьте въ томъ увѣрены, напыщенъ гордостью своей тонкой политики, задерживающей и распечатывающей письма не къ нему адресованныя. Но, клянусь, ни почтовые чиновники, ни министръ не поняли и половины вашего краснорѣчиваго посланія, и вотъ можетъ-быть отчего это письмо такъ долго пропадало въ дорогѣ: они убивались чтобъ понять его. Но я забыла, что я осмѣливаюсь произносить эти шутки надъ великой политической надутостью передъ однимъ изъ самыхъ стройныхъ столповъ этой политики. Извините, не стану больше говорить» [1]). И въ другомъ письмѣ.

«Какъ было необдуманно выставить огромными буквами титулъ императорскій во главѣ вашего письма изъ Милана (отъ 13-го декабря 1775 года)! Да что же скажутъ почтовые чиновники? Я боюсь, чтобъ они за эту прекрасную корреспонденцію не посадили насъ заочно прямо въ сумасшедшій домъ, по традиціонной привычкѣ своей достохвальной родины, — какого-нибудь муниципальнаго городка Германіи, гдѣ злоупотребленіе законовъ и похвальные обычаи замѣняютъ самый законъ» [2]).

Живя въ Коломенскомъ, императрица, со свойственной ей предпріимчивостью, дѣлала дальнія прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ, чтобъ осматривать мѣстность, и вотъ въ одну изъ такихъ прогулокъ ознакомилась она съ прелестнымъ мѣстоположеніемъ имѣнія Кантемира, *Черная Грязь*, и пожелала пріобрѣсти его. Тотчасъ это имѣніе было сторговано и куплено, въ двѣ недѣли времени были возведены легкія деревянныя постройки, и государыня уже переѣхала туда въ концѣ іюня. — Вотъ какъ она сама описываетъ подробности этой покупки:

«Комментарій на слово *здѣсь*. Императорское Величество, уставши отъ прогулокъ по долинамъ и лугамъ Коломенскаго, и наскучивши неизбѣжностью промочить себѣ ноги или карабкаться какъ олени, въ одинъ прекрасный день перешла на большую до-

---

[1]) Стр. 40.
[2]) Стр. 42.

рогу, ведущую изъ Москвы въ Каширу, городъ существующій въ мірѣ, если не на картѣ. Эта дорога привела ее къ громадному пруду, связанному съ другимъ еще огромнѣйшимъ, но этотъ второй прудъ, богатый прелестнѣйшими видами, не принадлежалъ этому Величеству, а нѣкоему князю Кантемиру, ея сосѣду. Второй прудъ соединяется съ третьимъ прудомъ, который образовалъ безчисленное множество заливовъ, и вотъ гулявшіе, переходя отъ пруда къ пруду то пѣшкомъ, то въ каретѣ, очутились за семь длинныхъ верстъ отъ Коломенскаго, высматривая имѣніе своего сосѣда, старика слишкомъ 70-и лѣтняго, который нисколько не интересовался ни водами, ни лѣсами, ни прелестными видами, восхищавшими путешественниковъ. Онъ проводилъ свою жизнь за карточнымъ столомъ, проклиная свои проигрыши, и вотъ осторожно и съ полнѣйшей деликатностью весь дворъ съ императрицей во главѣ начинаетъ интриговать, чтобы вывѣдать намѣренія его, узнать выигрываетъ ли онъ, или проигрываетъ, не продаетъ ли свое имѣніе, дорожитъ ли имъ, часто ли въ немъ бываетъ, не нужно ли ему денегъ, кто его друзья, черезъ кого бы заинтересовать его. Мы не хотимъ одолженія, мы не хотимъ чужого, мы покупаемъ, но и отказать намъ не есть преступленіе: «Какъ хотите, милостивый государь: намъ улыбается пріобрѣтеніе, но мы можемъ и обойтись безъ него». Придворные мои засуетились, — одинъ говоритъ: «Онъ мнѣ отказалъ, онъ не хочетъ продавать». — «Ну, тѣмъ лучше». — Другой доноситъ: «Ему не нужно денегъ, онъ играетъ счастливо». — Третій: — «Онъ сказалъ: я не могу продать, у меня нѣтъ ни наслѣдниковъ, ни кого-либо другого: имѣніе мое исходитъ изъ казны; ей же я его и предоставлю». Наконецъ является пятый и передаетъ, что Кантемиръ сказалъ: «Я рѣшительно объявляю, что имѣніе мое можетъ быть продано только казнѣ». — А! это прекрасно! Вотъ къ нему наряжаютъ нарочнаго узнать, любитъ ли онъ это имѣніе. «Нисколько», отвѣчаетъ онъ, «доказательство, что я живу въ другомъ; я это имѣніе наслѣдовалъ отъ брата и никогда въ него не ѣзжу; оно можетъ годиться только императрицѣ». — «Сколько же вы за него хо-

тите?» — 20,000 рублей. — «Мнѣ велѣно предложить вамъ 25,000». Комментаріи всегда длинны! Надо было строиться послѣ совершенія купчей, и черезъ двѣ недѣли времени, благодаря нашимъ деревяннымъ постройкамъ, я могла переѣхать сюда. Уфъ! какой комментарій! — Но «здѣсь» не есть названіе моего владѣнія. Я назвала его Царицыно село. Это прелестное мѣсто, — земной рай по общему отзыву, — носило имя *Черной грязи*» [1]).

Изъ того же Царицына еще разъ начертала Екатерина граціозную картинку въ родѣ описанія Коломенскаго.

«Чтобъ начать по порядку, пунктъ за пунктомъ, я должна сказать вамъ, что всѣ Андерсоны, большіе и малые, такъ же какъ и дѣвица Мими, отмѣнно здоровы. Сегодня утромъ въ 6 часовъ я имѣла удовольствіе видѣть ихъ на прогулкѣ; они нѣсколько минутъ находились въ большомъ горѣ. Пока я переѣзжала ручей на паромѣ, они достигли лѣса, и не будучи въ состояніи слѣдовать за мною, принялись пищать, визжать и даже выть, пока я не послала за ними парома. Вотъ вамъ еще картинка, которая можетъ итти въ параллель съ изображеніемъ Коломенскаго, а особливо если вы поставите сзади Томасовъ: берегъ, покрытый большимъ лѣсомъ, и Ея Величество съ лакеемъ переѣзжающую ручей. Передъ нею низменность, покрытая кустарникомъ, гдѣ вы помѣстите фазаньи клѣтки, прудокъ, оканчивающійся плотиной, осѣненный высокими ивами, и между ними открывается еще болѣе значительный прудъ, котораго одинъ берегъ, крутой, занятъ разбросанными по немъ маленькими деревеньками, а другой, съ незамѣтнымъ склономъ, представляетъ вашему взору поля, луга, букеты лѣсовъ и отдѣльные деревья; налѣво отъ плотика тинистый ручеекъ заросъ лѣсомъ, который постепенно возвышается амфитеатромъ. Ну, представьте же себѣ все это, и вы будете въ Царицынѣ, совсѣмъ не похожемъ на Коломенское, на которое никто не хочетъ болѣе смотрѣть. Вотъ видите каковъ свѣтъ: недавно видъ Коломенскаго былъ восхитителенъ, и вотъ ему предпочитаютъ этотъ

[1]) Стр. 26 — 27.

вновь найденный забытый уголокъ, купленный и обстроенный въ двѣ недѣли и который обитаемъ не болѣе шести недѣль» [1]).

Гриммъ, какъ тонкій литературный цѣнитель, не могъ оставить и этого описанія незамѣченнымъ. Онъ спрашиваетъ у императрицы, да гдѣ же она научилась такъ описывать, а она попрежнему остроумно отшучивается, говоря:

«Вы меня спрашиваете, гдѣ я пріобрѣла талантъ изображать картины, и вы желаете итти учиться въ эту же школу. Я васъ познакомлю съ этой школой. Читайте описанія картинъ, продаваемыхъ у старьевщиковъ: читая безпрестанно каталоги покупаемыхъ мною картинъ, я научилась описывать что́ вижу. Послѣ этой наивности попробуйте еще восторгаться моими прелестными описаніями» [2]).

Мы сказали выше, что императрица любила приписывать вѣтру и бурѣ нѣкоторое возбужденіе ума и мыслей, и вотъ что она еще разъ высказываетъ по поводу заказанной ею въ Парижѣ великолѣпной чернильницы для подарка Потемкину [3]), о которой она съ особеннымъ участіемъ переписывается съ Гриммомъ.

«Я высокаго мнѣнія о знаменитой чернильницѣ, начатой во время бури; буря и вѣтеръ, особливо поутру, когда находишься еще натощакъ, производятъ величайшія чудеса воображенія. Мнѣ нравится, что вы находите эту мысль близкою къ вдохновенію. Какъ знать? Можетъ-быть когда нибудь я буду пророчествовать во время бури; если это случится я пришлю вамъ текстъ, чтобъ вы его объяснили прежде чѣмъ кто-либо другой» [4]).

Объ этой чернильницѣ говорится ранѣе:

«Я запрещаю вамъ такъ мучиться изъ-за знаменитой чернильницы и назначенныхъ на нее денегъ: вы знаете, что когда хочешь, чтобъ дѣла шли хорошо, надо предоставлять имъ итти своимъ ходомъ и не слишкомъ вмѣшиваться» [5]).

---

[1]) Стр. 32.
[2]) Стр. 39.
[3]) Эта чернильница хранится въ Императорскомъ музеѣ.
[4]) Стр. 33.
[5]) Стр. 31.

Любопытны также разные мелкіе эпизоды изъ жизни императрицы, встрѣчающіеся въ веселыхъ и шутливыхъ письмахъ этой эпохи. Напримѣръ, по поводу шутки Гримма о новомъ перѣ, которымъ онъ писалъ письмо, она говоритъ:

«Что до меня, мои лакеи даютъ мнѣ по два новыя пера въ день, которыя я считаю себя въ правѣ исписать. Но когда они испорчены, я не осмѣливаюсь требовать другихъ, а верчу ихъ и переворачиваю какъ могу. Другой интересный анекдотъ: я никогда не могла увидѣть новаго пера, чтобъ ему не улыбнуться и не почувствовать великой охоты его употребить» [1]).

О дѣятельной подвижности императрицы можно судить изъ многихъ мѣстъ въ ея письмахъ. Еще изъ Петербурга въ одномъ изъ первыхъ писемъ она писала: «Сегодня знаменательный день, потому что я прошла три съ половиной версты пѣшкомъ въ процессіи отъ церкви Чудотворной Божіей Матери Казанской до гробницы Александра Невскаго» [2]).

Незадолго до отъѣзда своего въ обратный путь Екатерина посѣтила многіе маленькіе уѣздные города, окружающіе Москву, также Тулу, Калугу. Въ своей геніальной практичности она чувствовала всю важность знакомства съ Россіей, съ ея живой дѣйствительностью. Вернувшись въ Петербургъ, она пишетъ Гримму:

«Я очень сожалѣю о тревогѣ, которую причинила вамъ моя покойная іюльская болѣзнь: все это прошло уже тому почти шесть мѣсяцевъ, и съ тѣхъ поръ я рыскала по-цыгански по всѣмъ или по крайней мѣрѣ по большей части маленькихъ городовъ, окружающихъ Москву, какъ Волоколамскъ, Звенигородъ, Коломна, Серпуховъ, Тула, Калуга. Ну, поломайте-ка языкъ въ произношеніи всего этого, и затѣмъ будьте увѣрены, что тогда языкъ вашъ сдѣлается вполнѣ гибокъ для хорошаго произношенія на всѣхъ языкахъ міра» [3]).

---

[1]) Стр. 27.
[2]) Стр. 7.
[3]) Стр. 40.

Уже зимою 1775 года императрица высказывала Гримму опасенія насчетъ здоровья великой княгини Натальи Алексѣевны: «Здоровье ея становится все хуже и мы боимся, чтобъ она не впала въ чахотку. У нея всѣ признаки этой болѣзни[1])».

Лѣтомъ великая княгиня нѣсколько поправилась, а осенью императрица радостно возвѣстила Гримму ея беременность: «Вы желаете», писала она, «чтобъ мое богомолье въ Троицу вызвало чудо, чтобъ Небо сдѣлало для нѣкоторой молодой принцессы то же, что для Сары и Елисаветы; ваши желанія сбылись: великая княгиня на третьемъ мѣсяцѣ беременности, и здоровье ея, кажется, укрѣпилось. Это событіе ускоряетъ мой отъѣздъ въ Петербургъ; я ѣду туда по первому санному пути[2]).

Весною же 1776 года большая семейная утрата поразила царское семейство: великая княгиня Наталья Алексѣевна скончалась отъ несчастныхъ родовъ 10-го апрѣля. Императрица, сообщая Гримму всѣ подробности этого печальнаго событія, пишетъ изъ Царскаго Села 17 апрѣля:

«Душа моя растерзана; я не имѣла ни одной спокойной минуты во всѣ эти 5 дней, и ни днемъ, ни ночью я не покидала принцессу, пока она не закрыла глаза. Она говорила мнѣ: «Какая вы прекрасная сидѣлка!»—Представьте себѣ мое положеніе: утѣшать одного, укрѣплять другую, и, изнемогая тѣломъ и душою, быть вынужденною ободрять, рѣшать, изобрѣтать все, что не должно быть забыто. Признаюсь вамъ, въ жизнь мою я не была въ положеніи болѣе трудномъ, болѣе ужасномъ, болѣе тягостномъ: я забывала пить, ѣсть, спать; силы мои поддержались, сама не знаю какъ. Я начинаю думать, что если послѣ этого событія моя нервная система не разстроится, то она несокрушима. За двадцать-четыре часа до смерти великой княгини я послала просить принца Генриха овладѣть для моего облегченія великимъ княземъ; онъ переноситъ свою глубокую скорбь довольно твердо, но

---

[1]) Стр. 16.
[2]) Стр. 33.

сегодня у него сдѣлалась лихорадка. Только что супруга его скончалась, я его похитила и увезла сюда: «Sic transit gloria mundi [1])».

Какъ сильно потрясена была императрица этимъ событіемъ, несмотря на всю свою энергію, обнаруживаютъ слѣдующія строки: «Благодарите Бога, вмѣсто того чтобъ жаловаться, что вы не пріѣхали съ принцемъ Генрихомъ»...

И далѣе: «Въ пятницу я окаменѣла и до сихъ поръ не сознаю себя. Часы слабости смѣняются у меня часами силы: это происходитъ отъ перемежающейся лихорадки, которая однако болѣе въ духовномъ настроеніи чѣмъ въ физическомъ. Кто самъ не испыталъ и не видалъ этого, не можетъ составить себѣ о томъ понятія. Вообразите, что я, будучи плаксива отъ природы, была свидѣтельницею смерти, не выронивъ ни слезинки. Я говорила себѣ: «если ты заплачешь, другіе будутъ рыдать; если ты разрыдаешься, другіе дойдутъ до обморока, и всѣ потеряютъ голову и разсудокъ, и все это будетъ непростительно [2])».

По случаю траура, въ Царскомъ Селѣ жилось тихо, императрица была подъ грустными впечатлѣніями и писала:

«Принцъ Генрихъ долженъ скучать здѣсь этотъ разъ, хотя онъ изъ учтивости не хочетъ въ томъ сознаться; катастрофа, о которой я вамъ говорила въ предыдущемъ письмѣ, всѣхъ насъ сдѣлала мрачными и озабоченными. Итакъ объ удовольствіяхъ думаютъ мало и все ограничивается прогулками по вѣчному моему саду (отъ котораго я съ ума схожу, потому что плантоманія овладѣла мною [3]) болѣе чѣмъ когда-либо [4])».

Но такое положеніе императрицы продолжалось не долго. Не въ ея характерѣ было проводить время въ безплодныхъ сѣтованіяхъ. Еще до избранія великой княгини Натальи Алексѣевны

---

[1]) Стр. 45.

[2]) Стр. 45—46.

[3]) Къ этому времени относится устройство въ царскосельскомъ саду *Большого Каприза*, о чемъ императрица упоминаетъ въ слѣдующемъ письмѣ.

[4]) Стр. 48.

императрица обратила взоры на Виртембергскую принцессу Софію Доротею, впослѣдствіи великую княгиню Марію Федоровну; но въ то время она была еще слишкомъ молода, и императрица должна была остановить выборъ свой на другой принцессѣ. Теперь представлялся случай возвратиться къ любимой мечтѣ. Уже въ іюнѣ Екатерина писала изъ Петергофа о новыхъ своихъ планахъ насчетъ великаго князя.

«Увидѣвъ корабль опрокинутымъ на одинъ бокъ, я не теряя времени перетянула его на другой и старалась ковать желѣзо пока горячо, чтобъ вознаградить потерю, и этимъ мнѣ удалось разсѣять глубокую скорбь, которая угнетала насъ. Я начала съ того, что предложила путешествія, переѣзды, движеніе, и потомъ сказала: мертвые уже не встаютъ, а надо думать о живыхъ. Вы считали себя счастливыми, и потеряли это счастье, но зачѣмъ отчаиваться въ возможности возвратить его? Итакъ станемъ искать эту другую. — Но кто она? — А, она у меня въ карманѣ. — Какъ, въ самомъ дѣлѣ?—Да, да и еще какая прелесть!— и вотъ лыбопытство возбуждено. — Кто она и какова? Брюнетка, блондинка, маленькая, большая? — Кроткая, хорошенькая прелестная, однимъ словомъ сокровище. Это вызвало улыбку [1])». Начались переговоры, императрица выписала портретъ; онъ понравился, посланы были курьеры и путешествіе великаго князя рѣшено. Въ этомъ же письмѣ императрица зоветъ Гримма на свадьбу, обѣщаетъ веселые праздники и говоритъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ:

«Я не знаю, но съ 1767 г. я всегда чувствовала влеченіе къ этой дѣвицѣ; разсудокъ, который, какъ вы знаете, часто вводитъ въ заблужденіе инстинктъ, заставилъ меня предпочесть другую, потому что большая молодость не дозволяла устроить дѣло тотчасъ, и вотъ, когда казалось, что я потеряла её навсегда, самое несчастное событіе возвращаетъ меня къ прежней склонности. Что же это такое? Вы станете разсуждать по-своему; вы будете

[1]) Стр. 49.

приписывать это случаю; совсѣмъ нѣтъ: я энтузіастка, и не довольствуюсь этимъ, мнѣ нужно болѣе простора [1])».

Въ августѣ великій князь возвратился изъ своего путешествія, а невѣсту ожидали десять дней спустя. Императрица писала:

«Не знаю сколько надо будетъ времени, чтобъ выучить её внятно и правильно прочесть по-русски исповѣданіе вѣры; но дѣло въ томъ, что чѣмъ скорѣе все это устроится, тѣмъ лучше. Г. Пастуховъ (чиновникъ у принятія прошеній, впослѣдствіи сенаторъ) поѣхалъ въ Мемель, чтобъ выучить её азбукѣ и символу вѣры въ дорогѣ; убѣжденіе придетъ послѣ. Вы видите изъ этого, что мы осторожны и предусмотрительны и что это обращеніе и исповѣданіе спѣшатъ на почтовыхъ. Черезъ восемь дней по совершеніи этого акта, я назначаю свадьбу. Если хотите потанцовать на ней, то поспѣшите [2]).

Въ этомъ же письмѣ императрица пишетъ:

«Я очень рада, что вы подтверждаете хорошую молву о дѣвицѣ, къ которой влечетъ меня мой инстинктъ; какъ ужасно было бы жаль, еслибъ вашъ молодой человѣкъ (братъ в. к. Натальи Алексѣевны) женился на ней». . . . «Но послушайте: какъ глава церкви, я оскорблена этими двумя строками: *Это имя Софіи во второй разъ будетъ потоплено въ спасительныхъ водахъ греческаго крещенія.* Въ священномъ гнѣвѣ скажу вамъ, что и философы говорятъ вздоръ, какъ и остальные смертные. Знайте, знайте, что у насъ не перекрещиваютъ никакого христіанина и что рѣчь идетъ только о конфирмаціи, при чемъ точно такъ же какъ и у католиковъ утверждается имя, и то имя, которое вы уже носите, а всѣ остальныя прячутся въ карманъ. Берегите это письмо: оно будетъ драгоцѣнно для антикварія черезъ двѣ тысячи лѣтъ, когда онъ станетъ говорить объ обычаяхъ и нравахъ этого времени» [3]).

Въ слѣдующемъ письмѣ говорится: «Черезъ три дня я увижу

---

[1]) Стр. 50.
[2]) Стр. 54.
[3]) Стр. 55.

мою принцессу, къ которой инстинктъ привлекаетъ меня какъ къ чуду совершенства; посмотримъ, обманетъ ли меня этотъ инстинктъ. Всѣ хвалятъ её. Телемакъ очень влюбленъ въ неё и она страстно любитъ Телемака; на это можно сказать: тѣмъ лучше, но это еще не все, какъ вы знаете: многаго можно бы желать [1])».... Здѣсь же императрица возобновляетъ свои приглашенія Гримму, говоря:

«Я хочу, чтобъ вы во всѣхъ отношеніяхъ были при дворѣ какъ въ первый разъ, если только вы сами этого желаете. Я останусь здѣсь въ Царскомъ Селѣ до 6-го сентября, и тогда возвращусь съ моей принцессой. Если вы застанете меня еще здѣсь, являйтесь ко мнѣ когда захотите, и мы будемъ болтать какъ кривыя сороки; извините за сравненіе.....

«Но вы, кажется, очень пристрастились къ нашей осени и зимѣ, желая провести ихъ здѣсь во второй разъ, какъ будто это лучшее время года. Какъ вы не понимаете, что плантоманъ не можетъ быть очень въ духѣ, если онъ лишенъ возможности надоѣдать всѣмъ своими зелеными газонами, своими пожалованными въ озёра прудами (ses étangs lacquisés) и извилистыми дорожками? Вы счастливы что по случаю дурной погоды избѣгнете скуки прогулокъ барона въ комедіи *Лунатикъ*» [1]).

Наконецъ императрица отъ 1-го сентября возвѣщаетъ прибытіе невѣсты слѣдующими строками: «Знайте, что моя принцесса пріѣхала вчера вечеромъ, что съ первой минуты она завоевала всѣ сердца, что она прелестна; послѣ этого какая возможность бесѣдовать о вашихъ Лагарпахъ и когортѣ, о ихъ предсказаніяхъ и другихъ неловкостяхъ? моя принцесса ловка. Я желала бы имѣть картину Менгса въ своей галереѣ; но моя принцесса занимаетъ мой умъ; Психея Сирьеля тоже пригодилась бы мнѣ, еслибъ въ эту минуту моя принцесса, столь же пригожая какъ Психея, не вскружила мнѣ голову.... Вашъ молодой чело-

[1]) Стр. 57.

вѣкъ не зналъ что́ дѣлалъ, если могъ покинуть мою принцессу безъ сожалѣнія»[1]).

Въ ожиданіи пріѣзда Гримма 2-го сентября императрица опять пишетъ ему:

«Мнѣ хочется послать это письмо часовому, стоящему у воротъ дворца, чтобъ оно было передано вамъ только что вы ступите на дворъ. Въ теченіе этой послѣдней недѣли вы заставили меня перепортить всѣ перья; я должна была отвѣчать на всѣ ваши письма изъ Рима, Болоньи, Берлина, Кёнигсберга и Риги. Богъ знаетъ, откуда только они не приходили. Изъ Риги пришелъ № 37. Только что я его получила, какъ приказала приготовить вамъ здѣсь комнату. Мнѣ сказали, что остается пустою только свадебная комната. Я отвѣчала: «тѣмъ лучше, дайте её». Но не воображайте, чтобъ эта свадебная комната была великокняжеская.— Нѣтъ, извините; въ ней живутъ тѣ новобрачные, которые вѣнчаются въ царскосельскомъ дворцѣ, придворныя дамы, камеръюнгферы. Тамъ примутъ васъ за новобрачнаго[2])».

Прощайте до свиданія.

Этимъ письмомъ, помѣченнымъ 2-го сентября 1776 года, прерывается переписка на цѣлый почти годъ пребыванія Гримма въ Петербургѣ.

Съ августа 1777 года, то есть съ отъѣзда Гримма изъ Россіи черезъ Стокгольмъ и Копенгагенъ, императрица Екатерина возобновила свою переписку съ нимъ. Послѣ новаго сближенія корреспонденція эта видимо принимаетъ еще болѣе задушевный характеръ и становится еще разнообразнѣе по содержанію.

Первое письмо изъ Царскаго Села отъ 22 августа начинается шуткою, что, не получая долго писемъ отъ Гримма, императрица опасалась уже, не находится ли онъ на днѣ Ботническаго залива, когда получила отъ него два письма и увидѣла, что ея пророкъ не утонулъ, и «вотъ онъ царапаетъ по-старому (voilà qu' il griffonne nach der alten Manier)». Въ этомъ письмѣ замѣтно впечат-

[1]) Стр. 59.
[2]) Стр. 60.

лѣніе продолжительныхъ празднествъ и увеселеній по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича и драгоцѣнно указаніе на то, какъ императрица чувствовала потребность сосредоточиваться на государственныхъ работахъ.

«Здоровье мое хорошо, но я не могу отыскать своей головы: она затерялась. Если вы её гдѣ-нибудь отыщете, извѣстите меня о томъ. Законодательство идетъ кое-какъ, ковыляя; я время отъ времени нахожу взгляды, но нѣтъ цѣлости. Эта цѣлость, гдѣ все устанавливалось само собою, иное концомъ вверхъ, другое концомъ внизъ, и великолѣпно приходилось къ одной рамкѣ, никогда не выступая изъ предѣловъ, теперь совершенно потеряна, и ужъ долгое время нѣтъ и слѣдовъ чего-либо подобнаго. Но впрочемъ, что вамъ за дѣло до этого? Надо сознаться, что съ моей стороны разсказывать вамъ все это можно только по двумъ побужденіямъ: или это наклонность къ болтовнѣ, или во мнѣ есть врожденное довѣріе къ вамъ. Это инстинктъ, а инстинктъ этотъ не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, что вы во всемъ этомъ принимаете большое участіе»[1]).

Слѣдующее письмо можетъ быть приведено почти цѣликомъ какъ образчикъ того разнообразія содержанія, того оживленія при переходѣ отъ одной матеріи къ другой, о которыхъ мы выше говорили: «Царское Село, 24 августа 1774 года».

«Сегодня мнѣ подали вашъ № 3-й, писанный изъ Стокгольма 19 августа. Я получила его въ ту минуту какъ кончала придумывать маленькую операцію — очень легкую и вовсе не сложную, — которая должна наполнить банковые сундуки двадцатью милліонами, не отнимая ни копейки изъ обращенія[2]). Но вамъ надо сказать, что я встала съ сильной головной болью, потому что очень вѣтрено; за то голова моя послѣ этихъ страшныхъ родовъ вдругъ совершенно облегчилась.

---

[1]) Стр. 61.

[2]) Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть того распоряженія, которое обнародовано въ указѣ 30 января 1778 г. о доставленіи изъ всѣхъ мѣстъ въ штатъ-контору денегъ, вырученныхъ съ купцовъ за рекрутъ, такъ какъ это сословіе, освобожденное отъ поставки рекрутъ въ натурѣ, обязано было платить за каждаго по 360 руб. (*П. С. З.* XX, 14. 702).

«Итакъ я была больна задержаніемъ воображенія. Но къ чему говорить вамъ это? Вы скажете, что это или фокусъ, или хвастовство; позволяю говорить что́ угодно, а я пойду своей дорогой, и операція моя будетъ хороша, и возлюбленный братъ мой, другъ и сосѣдъ Абдулъ Гамидъ можетъ гнѣваться сколько пожелаетъ. Я довольна и тотчасъ отвѣчаю на ваши посланія, потому что немножко подозрѣваю, что вы въ томъ же расположеніи духа, какъ г. Азоръ (негръ, кормившій черепахъ во дворцѣ).

«Но кстати объ Азорѣ: я думаю, вы знаете, что онъ писалъ своей матери, которая находится въ Гваделупѣ. Его письмо было туда отправлено. Третьяго дня онъ получилъ отвѣтъ. Мать его пишетъ: бѣлые, кажется, почитаютъ черныхъ едва выше звѣрей. — Азоръ собирается отвѣчаетъ ей, что въ Россіи негры достигаютъ самыхъ высокихъ чиновъ и что есть негры генералы, и онъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ посылаетъ свой сундукъ, который, кажется, извѣстенъ вамъ. Кромѣ того онъ претендуетъ, чтобъ его маменька и сестрица пріѣхали къ нему. Я смертельно боюсь, чтобъ онъ не вообразилъ сдѣлать изъ нихъ придворныхъ дамъ моей свиты; но сильно затронуло его амбицію извѣстіе, что онѣ находятся въ услуженіи у бѣдной женщины, тогда какъ онъ всѣмъ разсказывалъ, что онъ африканскій дворянинъ.

«Знаете ли новость? г. Эйлеръ предсказываетъ намъ конецъ міра въ іюлѣ будущаго года; онъ нарочно вызываетъ для этого двѣ кометы, которыя неизвѣстно что произведутъ въ Сатурнѣ, а тотъ въ свою очередь насъ уничтожитъ. Великая княгиня Марія Феодоровна говоритъ мнѣ, чтобъ я ничему не вѣрила, потому что пророчества Евангелія и Апокалипсиса еще не сбылись, именно не пришелъ еще Антихристъ и всѣ вѣроисповѣданія еще не соединились. Я на все это отвѣчаю какъ Севильскій цирюльникъ: одному говорю: «Богъ съ тобою», другой: «иди спать», а сама подвигаюсь впередъ своимъ шагомъ. Что вы объ этомъ думаете? надо дозволить болтать свѣту и особенно городамъ Москвѣ и Петербургу судить и рядить вкривь и вкось, подобно политическимъ болтунамъ (Kannegiesser), и искать тончайшихъ причинъ

моему переѣзду изъ Петергофа сюда, тогда какъ надо бы имѣть весьма немного здраваго смысла, чтобъ понять какъ глупо было бы въ дождливую погоду везти нѣсколько тысячъ человѣкъ за 40 верстъ отъ города. И зачѣмъ? Чтобъ отправить ихъ потомъ измокнувшими изъ Ораніенбаума въ городъ. Будьте веселы, я опять вамъ то же проповѣдую; поддерживайте себя въ радости; вѣрьте, нѣтъ ничего лучше этого.

«Опера Паизіелло (знаменитаго итальянскаго композитора, только что вызваннаго въ Петербургъ, гдѣ онъ послѣ того провелъ девять лѣтъ) будетъ дана только въ сентябрѣ; а покамѣстъ онъ гуляетъ здѣсь и говоритъ, что безъ ума отъ моего сада, хорошѣющаго со дня на день; устраиваютъ дорогу на Большой Капризъ, который кажется мнѣ великолѣпнымъ, но до сихъ поръ еще въ воображеніи, потому что деревья на немъ еще не посажены и проложены только два ряда газона.

«Князь Бѣлосельскій [1]) поразсказалъ мнѣ всѣ ваши и Шведскаго короля подвиги.

«Сколько дурачествъ въ этихъ четырехъ съ половиной страницахъ! Кстати о дурачествахъ: герцогиня Кингстонъ пріѣхала сюда подъ французскимъ флагомъ; у нея голова хороша и въ умѣ нѣтъ недостатка. Она находитъ меня очень любезной, но такъ какъ она глуха, а я не могу возвышать голоса, то она этой любезностью не воспользуется [2]).

«Посмотрите, какая невидимая связь мыслей: вотъ мнѣ вдругъ вздумалось поговорить съ вами о вдовствующей Шведской королевѣ; ну что, какъ показался вамъ обѣдъ въ Свартшё? Бѣлосельскій сообщилъ мнѣ все, что я ужъ знала о нынѣ-царствующей

---

[1]) Русскій посланникъ въ Стокгольмѣ.

[2]) Англійская герцогиня Кингстонъ, славившаяся своею красотой и приключеніями, пріѣхала въ 1777 г. въ Петербургъ и купила въ Эстляндіи имѣніе. Она домогалась званія статсъ-дамы, но, не успѣвъ въ томъ, удалилась во Францію, однако въ 1782 г. опять пріѣхала въ Петербургъ; но испытавъ полное разочарованіе въ своихъ надеждахъ и возвратясь во Францію, умерла близъ Фонтенбло въ 1788 году.

королевѣ. Такъ какъ я въ ударѣ, чтобъ говорить о королевахъ, я должна сказать вамъ, что если Португальская королева [1]) хочетъ быть послѣдовательною, она должна велѣть снять голову съ маркиза Помбаля; потрудитесь прочесть рѣчь генералъ-прокурора Португаліи въ день провозглашенія ея королевой, и вы увидите, ошибаюсъ ли я. Мнѣ очень жаль королевы сестрицы, потому что я очень интересуюсь всѣмъ сонмомъ своихъ братцевъ и сестрицъ, и желала бы, чтобъ они всѣ обладали умомъ, разсудкомъ и славою за четверыхъ.

«Помните изреченіе Пирона. Зачѣмъ, скажите, берете вы смиренный видъ, когда васъ ласкаетъ вся семья братцевъ и сестрицъ (владѣтельные дома) и зачѣмъ это самоуниженіе во вкусѣ Лютера? Лицемѣръ, подымите голову; я предписываю вамъ самоиспытаніе (Prüfung), и вы увидите, что семейство вполнѣ право, что принимаетъ васъ какъ нельзя лучше: я понимаю, что это такъ и слѣдуетъ. Вы скажете, что это отзывается величавымъ тономъ царей, а я доказываю, что это самая разумная фраза изо всего письма.

«Да благословитъ Господь путь вашъ; но зачѣмъ, скажите, ѣдете вы въ Штетинъ [2])? Крестовые походы ужъ давно вышли изъ моды. Прощайте, будьте здоровы.

«Найдете ли вы и въ этомъ письмѣ точность, глубину, величіе души, благородную гордость и дивную доброту? Если вы скажете что да, я отвѣчу что это игра воображенія. Покойной ночи [3])».

По поводу упоминаемаго въ этомъ письмѣ италіянскаго композитора Паизіелло, кстати будетъ привести сужденіе государыни объ италіянской музыкѣ оперы-буффъ и о французской:

«Знаете ли, что опера Паизіелло была прелестна? Я забыла съ вами поговорить объ этомъ; я была вся слухъ въ этой оперѣ,

---

[1]) Марія I, наслѣдовавшая престолъ послѣ отца своего Іосифа I, 24 февраля 1777 г. Она страдала душевною болѣзнью, сконч. въ 1816 г.

[2]) Мѣсторожденіе императрицы.

[3]) Стр. 64.

не смотря на природную нечувствительность моего слухового органа къ музыкѣ; я ставлю Паизіелло на ряду съ Галуппи. Пріѣхалъ комическій актеръ, который уморителенъ; музыка, которую онъ поетъ, смѣшитъ меня: Богъ знаетъ, какъ это придумано. Слушайте, вы человѣкъ развитія, развейте-ка мнѣ слѣдующій вопросъ: отчего музыка этого буффона смѣшитъ меня, тогда какъ музыка французскихъ комическихъ оперъ внушаетъ мнѣ негодованіе и презрѣніе, мнѣ, которая не любитъ и вовсе не знаетъ музыки [1])?

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ событій въ Петербургѣ осенью 1777 года было наводненіе, описанное императрицей въ письмѣ отъ 10-го сентября.

«Ваше письмо изъ Копенгагена было привезено мнѣ почталіономъ, который отъ почтамта до дворца пріѣхалъ *на лодкѣ. да, на лодкѣ.* Я очень довольна, что воротилась вчера въ полдень изъ Царскаго Села въ городъ. Была прекрасная погода, но я говорила: — будетъ буря, — потому что князь Потемкинъ и я весь вечеръ наперерывъ давали волю своему воображенію. Дѣйствительно, въ десять часовъ вечера вѣтеръ съ шумомъ открылъ окно въ моей комнатѣ; шелъ небольшой дождь, но съ этой минуты дождемъ посыпались всевозможные предметы: черепица, желѣзные листы, стекла, вода, градъ и снѣгъ. Я очень крѣпко спала; въ пять часовъ я проснулась отъ грохота бури, позвонила, и мнѣ объявили, что вода у дверей и просится войти. Я отвѣчала: коли такъ, то велите снять караулъ съ маленькихъ дворовъ, чтобъ онъ не погибъ, отстаивая дворецъ отъ воды. Это было тотчасъ исполнено. Я хотѣла видѣть событіе вблизи и перешла въ эрмитажъ. Буря и Нева напоминали разрушеніе Іерусалима: неоконченная еще набережная была покрыта купеческими трехмачтовыми кораблями; я сказала: Боже мой, вотъ рынокъ перемѣстился. Гр. Миниху придется устроить таможню тамъ, гдѣ былъ театръ эрмитажа. Сколько стеколъ перебитыхъ, сколько цвѣточныхъ горшковъ опрокинутыхъ! И вѣроятно для компаніи

[1]) Стр. 74.

цвѣточнымъ горшкамъ и фарфоръ съ камина разбросанъ былъ по полу и по диванамъ. Да, былъ дымъ коромысломъ, и къ чему это было нужно? Но не о томъ рѣчь. Ни одна изъ дамъ не получитъ нынѣче своего парикмахера, и вы увидите, что за обѣдней и на куртагѣ будетъ пусто».

«Послѣ обѣдни.

«Я обѣдаю у себя, вода сбыла, и, какъ видите, я не утонула; но мало еще кто выходитъ изъ своихъ берлогъ. Я увидѣла одного изъ своихъ камердинеровъ въ англійской каретѣ, вода покрывала заднюю ось кареты, а у лакея его, стоявшаго на запяткахъ, ноги были въ водѣ» [1]).

Въ послѣдующемъ письмѣ императрица еще дополняетъ подробностями разсказъ о наводненіи:

«Вообразите, что послѣднее наводненіе испортило болѣе двухсотъ саженъ набережной. Съ тѣхъ поръ я гнѣваюсь на городъ св. Петра. Во многихъ домахъ ѣли рыбу, наловленную на дворахъ. Графъ Панинъ имѣлъ рыбную ловлю въ своемъ манежѣ; почти всѣ окна моего эрмитажа были разбиты. Сто-сорокъ судовъ погибли на Невѣ и подъ моими окнами. Только многочисленность предметовъ ужаса уменьшала этотъ ужасъ и, развлекая вниманіе, заглушала чувствительность. На городѣ сильно отозвалось это бѣдствіе. Скажите мнѣ, какая отъ этого польза? [2])

Приближаясь къ Парижу, Гриммъ сообщилъ императрицѣ о смерти извѣстной г-жи Жофрень, съ которой она переписывалась въ началѣ своего царствованія. По этому поводу она замѣчаетъ «Вы найдете въ Парижѣ большую пустоту при посѣщеніи общества: многихъ будетъ недоставать вамъ, это очень непріятно; я не желала бы потерять ни одной души изъ тѣхъ, съ кѣмъ привыкла жить, включая сюда и Томасовъ большихъ и малыхъ» [3]).

Въ эту же эпоху переписки мы находимъ свидѣтельство о

---

[1]) Стр. 64—65.
[2]) Стр. 67.
[3]) Стр. 67.

перестройкѣ Зимняго дворца, устройствѣ эрмитажа и, отдѣльно наверху — императорскаго музея:

«Несмотря на ваше злословіе и при мнѣ и безъ меня, я превосходно живу эту зиму: у меня цѣлый лабиринтъ покоевъ, хотя я одна и во всемъ этомъ бѣшеная роскошь [1]); сервизъ Бретэля (купленный во Франціи) заставилъ вытащить изъ обширныхъ кладовыхъ моихъ подходящіе предметы изъ разнаго рода камня: и все это образовало прекрасную меблировку, весьма изрядную по богатству; это окрестили именемъ императорскаго музея, а когда въ немъ находишься, есть на что посмотрѣть и не хочется выйти, и среди всего этого нѣтъ ни одной вещи, которую вы когда-либо видѣли. Этотъ эрмитажъ образуетъ уголъ; къ нему приходятъ изъ Китая, а въ Китай черезъ Турцію, а въ послѣднюю черезъ Персію, которая прикасается къ антиподамъ; антиподы походятъ на зеркальный магазинъ; они соприкасаются съ комнатой для аудіэнціи великаго визиря съ одной стороны и съ готическимъ кабинетомъ съ другой и пр. Ну, теперь вы тамъ находитесь, не правда ли? О сервизѣ я уже много разъ говорила вамъ, что онъ доѣхалъ благополучно и нравится, то-есть всякая вещь въ отдѣльности; однако на петергофской мельницѣ гораздо лучше работаютъ. Библіотека Галіани забавляетъ меня; вы знаете, какъ я люблю планы. Я очень соболѣзную о потерѣ вами старшаго брата. Прощайте, будьте здоровы» [2]).

Въ другомъ письмѣ императрица описываетъ комнату, гдѣ хранится этотъ знаменитый сервизъ Бретэля:

«Сервизъ находится на антресоляхъ комнаты, именуемой музеемъ, со своими товарищами изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, собравшихся съ четырехъ концовъ міра ему въ компанію и со множествомъ яшмы и агата, привезенныхъ изъ Сибири; тамъ на все это любуются мыши да я; даже Томасы рѣдко туда приходятъ по причинѣ красоты ковровъ, но зато

---

[1]) Несомнѣнно подъ вліяніемъ вкусовъ Потемкина.

[2]) Стр. 68—69.

когда имъ случается туда попасть, это — общее веселье во всей семьѣ: подумаешъ, что они любятъ роскошную меблировку»[1]).

По пріѣздѣ Гримма въ Парижъ императрица пишетъ ему письмо, помѣченное такъ: «Изъ бывшаго утинаго гнѣзда, а нынѣ С.-Петербурга, 25 ноября 1777 г.» [2]). Это письмо любопытно по игривому остроумію и шуткѣ, которыми такъ оживлена эта переписка, составляющая видимо для государыни отдыхъ и забаву:

«Вчера, въ день моихъ именинъ, я не спала всю ночь, потому что голова моя, работая противъ воли, готовилась произвести или головную боль, или цѣлый рой мыслей, во время же обѣда она разрѣшилась удивительнымъ сравненіемъ: я классифировала головы какъ минералы: голова подобная желѣзу, столько же гибкая какъ оно, голова подобная мѣди, серебру, золоту; этотъ послѣдній матеріалъ самый лучшій и самый драгоцѣнный для скупыхъ — вы скупецъ! Вы не ожидали такого сюрприза, я полагаю. Если вы не умрете при этомъ со смѣху, не я буду виновата. Я предупреждаю васъ, что сегодня я напыщена гордостью и отчасти оттого пишу вамъ, что съ тѣхъ поръ какъ знаю васъ обрекла васъ быть моею жертвою (souffre-douleur) въ истинномъ значеніи; коллежскій совѣтникъ значитъ совѣтникъ въ политическомъ нездоровьи, а когда кто нездоровъ, то прибѣгаетъ къ совѣту. Но пора кончить, прощайте; что скажутъ почтовые чиновники? Перечитывая это дивное посланіе, вы пожалуй вообразите, что мнѣ не по себѣ; но мнѣ очень пріятно васъ увѣрить, что я ничего подобнаго не чувствую» [3]).

Но вотъ мы приходимъ къ знаменательному событію въ жизни государыни: къ рожденію великаго князя Александра Павловича, на котораго августѣйшая бабушка положила самую горячую нѣжность и заботливость и воспитаніе котораго, какъ обнаруживается

---

[1]) Стр. 76—77.
[2]) Стр. 70.
[3]) Стр. 71.

изъ этой переписки, она съ самыхъ первыхъ дней его жизни всецѣло взяла въ свои руки. Веселымъ письмомъ отъ 14 декабря 1777 г. возвѣщаетъ она это радостное семейное событіе Гримму.

«Знаете ли вы г. Александра? Часто ли вы бываете въ Версали? Знаете ли вы приказчиковъ приказчиковъ г. Александра, ну по крайней мѣрѣ того г. Александра, о которомъ столько говорится въ «Простодушномъ» (Ingénu — повѣсть Вольтера). Но я бьюсь объ закладъ, что вы вовсе не знаете того г. Александра, о которомъ я буду вамъ говорить. Это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ, который родился 12-го этого мѣсяца въ девять и три четверти часа утра. Все это конечно значитъ, что у великой княгини только что родился сынъ, который въ честь св. Александра Невскаго получилъ великолѣпное имя Александра и котораго я зову господиномъ Александромъ, потому что онъ позволяетъ себѣ существовать и непремѣнно со временемъ его приказчики будутъ имѣть приказчиковъ. Посмотрите однако, что значатъ предупредительныя предсказанія и сплетни кумушекъ [1]). Не есть ли это доказательство удивительной и блестящей проницательности? Но, Боже мой, что то выйдетъ изъ мальчика? Я утѣшаюсь съ Бэйлемъ и отцомъ Тристана Шанди, бывшими того мнѣнія, что имя оказываетъ вліяніе на того, кто его носитъ: а это имя знаменито. Его носили иногда матадоры; только бы тузы не перешли въ эту компанію. Думаете ли вы, что семейные примѣры имѣютъ въ этомъ случаѣ значеніе? Иногда и затруднишься въ выборѣ. Примѣръ тутъ не при чемъ. По слову евангелія знаменитаго пастора Вагнера (наставника императрицы) природа тутъ все: но её-то гдѣ отыскать? Развѣ на днѣ мѣшка, именуемаго хорошимъ сложеніемъ? Это, кажется, здѣсь есть, лишь бы масса, тѣло, кости не поглотили летучаго вещества: все это теребитъ мысль то направо, то налѣво. Я пошлю это на обсужденіе вдовствующей Швед-

[1]) Вѣроятно предсказывали, что у великой княгини родится сынъ.

ской королевы; она это рѣшитъ лучше меня. Жаль, что волшебницы вышли изъ моды: онѣ одаряли ребенка чѣмъ хотѣли; я бы поднесла имъ богатые подарки и шепнула бы имъ на ухо: «сударыни, неиспорченной природы, поболѣе неиспорченной природы, а опытность додѣлаетъ все остальное[1])».

Уже въ этихъ строкахъ замѣтно безсознательное вліяніе вѣка и школы Руссо, стремившагося возвратить человѣка отъ искуственнаго и механически заученнаго къ сознательному и естественному, что́, какъ мы увидимъ, и старалась императрица положить въ основу первоначальнаго воспитанія нѣжно любимаго внука. Эта материнская и вполнѣ женственная сторона ея характера, по обстоятельствамъ и постороннимъ вліяніямъ мало проявившаяся въ воспитаніи сына, пробудилась съ особенной силой при рожденіи перваго внука, и заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія. Насъ плѣняетъ во всей дальнѣйшей перепискѣ эта трогательная нѣжность бабушки, какъ все простое и истинно-человѣчное среди блеска и часто обманчиваго земного величія.

Отъ 22-го декабря императрица пишетъ: «Г. Александръ былъ окрещенъ третьяго дня и всѣ здоровы, исключая Англичанъ, сильно повѣсившихъ носы со времени несчастнаго приключенія съ генераломъ Бургоиномъ, (положившимъ оружіе при Саратогѣ передъ американской арміей въ 1777 году). Есть отъ чего покусать себѣ пальцы по примѣру князя Потемкина. Это приводитъ кровь въ движеніе; если кровообращеніе великобританскаго парламента останется спокойнымъ, я объявляю, что они почтенные чудаки (Passgänger). Тутъ можно принять двадцать различныхъ рѣшеній, по-моему одно прекраснѣе и блистательнѣе другихъ. Посмотримъ, что́ они сдѣлаютъ, и если они хорошо поступятъ, это умудритъ насъ, заставитъ держать свое мнѣніе про себя и обуздывать воображеніе[2]).

Въ этомъ же письмѣ императрица высказываетъ замѣчательныя мысли по поводу присланнаго ей Вольтеромъ сочиненія по

[1]) Стр. 72.
[2]) Стр. 73.

вопросу объ уголовномъ законодательствѣ [1]). «Патріархъ сдѣлалъ мнѣ честь и прислалъ мнѣ книгу, которую онъ озаглавилъ: «*Награда справедливости и человѣколюбія*. Онъ хочетъ, чтобъ она послужила къ составленію уголовнаго кодекса, который надѣется получить за сто червонцевъ: это умѣренно. Я думаю, что онъ будетъ написанъ даромъ или вовсе не будетъ написанъ; чтобъ его написать, надо почерпнуть его въ сердцѣ, въ опытѣ и законахъ, въ нравахъ и обычаяхъ народа, а не въ кошелькѣ; академическія преміи возбуждаютъ умъ молодёжи: тутъ же дѣло людей зрѣлыхъ и просвѣщенныхъ, которые имѣли случай управлять кое-чѣмъ и для которыхъ сто червонцевъ ничего не значатъ» [2]).

Обиліе пировъ по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича, закончившихъ 1777 годъ и продолжавшихся до самаго поста, такъ утомило императрицу, что она сдѣлала себѣ шуточную эпитафію, парафразируя ту, которую написала своей собачкѣ Тому Андерсону. Вотъ эта любопытная эпитафія, писанная ея рукою и сохранившаяся въ ея бумагахъ:

«Здѣсь покоится Екатерина II, родившаяся въ Штетинѣ 21 апрѣля 1729 г. Она переѣхала въ Россію въ 1744 году, чтобъ выйти замужъ за Петра III. На четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ она поставила себѣ тройную цѣль—понравиться своему мужу, Елисаветѣ и націи. Она ничего не упускала, чтобъ успѣть въ томъ. Восемнадцать лѣтъ скуки и уединенія заставили её прочитать множество книгъ. Достигши россійскаго престола, она стремилась къ добру и старалась доставить своимъ подданнымъ счастіе, свободу и собственность. Она легко прощала и ни къ кому не питала ненависти. Снисходительная, уживчивая, отъ природы веселая, съ республиканской душой и добрымъ сердцемъ, она пріобрѣла друзей. Трудъ для нея былъ легокъ, общество и искуство ей нравились» [3]).

[1]) Это сочиненіе Вольтера было напечатано въ Бернской газетѣ; онъ предлагалъ 50 луи въ дополненіе преміи, назначенной за составленіе проекта новыхъ уголовныхъ законовъ.

[2]) Стр. 74.

[3]) Стр. 77.

Въ одномъ изъ писемъ говорится, что около масляницы, за двѣ недѣли до великаго поста, предполагалось одиннадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые приглашена была императрица.

Но изо всѣхъ праздниковъ подробно распространилась она только объ одномъ, самомъ оригинальномъ — «праздникѣ Азора» бывшемъ во дворцѣ, въ комнатахъ музея 13-го февраля 1778 г. Во время опернаго спектакля, на которомъ публика была очень немногочисленна, розданы были избраннымъ афиши отъ имени «Азора, африканскаго дворянина», который, какъ представитель страны золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и чудовищъ, не могъ выбрать минуты болѣе благопріятной для своего праздника, какъ такое время, когда земля, небо, воды и всякаго рода твари призваны ознаменовать блестящую эпоху. Далѣе сказано, что на каждомъ изъ столовъ, приготовленныхъ для игры въ макао, будетъ стоять коробка съ брильянтами, и каждая девятка будетъ оплачиваться камнемъ въ одинъ каратъ. Афишки приложены въ подлинникѣ къ письму, описывающему праздникъ.

По многимъ соображеніямъ можно предположить, что подъ именемъ Азора являлся переодѣтымъ самъ князь Потемкинъ, который и былъ устроителемъ праздника. На это указываетъ самое время безпрерывныхъ маскарадовъ, такъ что императрица самому Гримму выражаетъ сожалѣніе, что онъ не нарядился въ летучую мышь, чтобъ явиться въ Петербургъ пополнить вереницу маскированныхъ. Но еще болѣе утверждаетъ въ этомъ предположеніи одно изъ послѣдующихъ писемъ, гдѣ Екатерина говоритъ: Африканскаго дворянина (то-есть настоящаго Азора, ея негра) теперь зовутъ не иначе, какъ Григорій Александровичъ изъ Гваделупы, ибо имя Азора, кормильца черепахъ, сдѣлалось несноснымъ для его ушей» [1]).

Въ самомъ описаніи императрицей, какъ гости поднялись по узенькой лѣстницѣ въ комнаты музея, какъ этой игрой въ золото

[1]) Стр. 88.

и драгоцѣнные камни были особенно поражены дипломаты (les soupes aux pois[1]), какъ послѣ полуторачасовой игры гости подѣлили между собой оставшіеся брильянты, какъ въ сосѣднихъ залахъ горѣли два огромные вензеля А[2]) изъ самыхъ крупныхъ брильянтовъ и жемчуговъ короны, а подъ ними стояло двадцать пажей, одѣтыхъ въ глазетъ съ голубыми шарфами черезъ плечо, какъ въ видѣ десерта противъ зеркалъ стояли въ разныхъ сосудахъ сервиза Бретэля всѣ драгоцѣнные камни четырехъ шкаповъ эрмитажа, — во всемъ этомъ описаніи мы видимъ доказательство вѣрности нашего предположенія. Кому могли войти въ голову такія роскошныя затѣи и кто могъ исполнить ихъ сюрпризомъ императрицѣ и гостямъ, кромѣ всемогущаго Потемкина?

Но всѣ эти шумныя пиршества не мѣшали императрицѣ дѣлиться всѣми своими впечатлѣніями съ Гриммомъ; какую потребность и наслажденіе находила она въ этой перепискѣ, свидѣтельствуютъ собственныя слова письма ея:

«Пожалуйте, пожалуйте г. баронъ: мнѣ надо съ вами побесѣдовать. Сегодня сильный вѣтеръ, и вотъ два письма ваши, № 14 и 15, требуютъ отвѣта. Правда, что передо мною два письма Прусскаго короля, три отъ Шведскаго, два отъ Вольтера и еще втрое Богъ знаетъ отъ кого, всѣ по числамъ старѣе вашихъ, но такъ какъ они не забавляютъ меня, потому что ихъ надо *писать*, а съ вами *я болтаю*, но никогда не *пишу* (замѣтьте это, потому что это ново), я предпочитаю забавляться и даю волю рукѣ, перу и головѣ итти туда, куда имъ нравится. Ну чтожъ! Громите, громите меня письмами; это хорошо, потому что развеселяетъ меня, я читаю и перечитываю ваши посланія и говорю: Какъ онъ понимаетъ меня! О Небо, только онъ одинъ меня понимаетъ. — Если я когда-нибудь напишу молитвенникъ, то затѣмъ чтобъ вымолить у Неба разумѣніе г. барона для тѣхъ, кто меня не понимаютъ.

---

[1]) Этимъ именемъ императрица часто называетъ дипломацію и дипломатовъ.

[2]) Вензель новорожденнаго внука.

Я прибавлю къ этому еще молитву, чтобъ нѣкоторымъ былъ данъ вашъ талантъ развитія.

«Что касается г. Александра, то о немъ и рѣчи нѣтъ, какъ будто бы его не было. Ни крошки безпокойства съ тѣхъ поръ какъ онъ появился на свѣтъ. Благословеніе Господне да будетъ надъ душою его, какъ и надъ тѣломъ. Это принцъ, который здоровъ, вотъ и все [1])».

Несмотря на все свое благоговѣніе къ Вольтеру, какъ писателю, императрица въ мартѣ того же 1778 года такъ отклонила его пріѣздъ въ Петербургъ:

«Ради Бога, посовѣтуйте же осьмидесятилѣтнему старцу остаться въ Парижѣ. Что же онъ станетъ здѣсь дѣлать? Онъ отъ холода, долгаго пути и дурныхъ дорогъ, пожалуй, умретъ или въ дорогѣ, или здѣсь. Это будетъ стоить визита Шведскаго короля. Помните, какъ я этого страшилась. Вы можете между другими приличными предлогами представить ему, что Като (Cathos) лучше видѣть издали. Я очень смѣялась этому Като. Но, кстати, въ Голландіи выбили медаль, гдѣ императрица-королева (Марія Терезія) и императрица Россійская сидятъ вмѣстѣ въ каретѣ, а Прусскій король на козлахъ. Ихъ спрашиваютъ, куда онѣ ѣдутъ, а онѣ отвѣчаютъ: «куда кучеру заблагоразсудится насъ везти». Я нашла это очень смѣшнымъ; тутъ недостаетъ только правды или музыки французской оперетки; первой — чтобъ это было остроумно, второй — чтобъ это была совершенная пошлость» [2]).

Въ этомъ же письмѣ императрица насмѣшливо разсказываетъ Гримму объ экцентрической идеѣ ея братца и сосѣда Густава III ввести въ Швеціи національный костюмъ.

Нѣсколькими строками отъ 24 марта императрица извѣщаетъ Гримма о новомъ своемъ трудѣ:

«Еслибъ вы знали какой большой 16-тилѣтній отчетъ мы предприняли! Да, можно сказать, что такое самоиспытаніе не

---

[1]) Стр. 83.
[2]) Стр. 84. .

всякому придетъ въ голову и не всякій можетъ его выполнить по недостатку матеріаловъ и другимъ причинамъ; наши же матеріалы такъ обильны, что отъ одного перечисленія ихъ возьметъ скука» [1]).

Въ слѣдующихъ строкахъ государыня извѣщаетъ Гримма о пристройкѣ къ царскосельскому дворцу извѣстнаго Екатерининскаго флигеля:

«Императрица не хочетъ болѣе жить въ двухъ жалкихъ комнатахъ; она велитъ уничтожить большую — и единственно большую — лѣстницу въ концѣ дома; она хочетъ жить среди трехъ садовъ, она хочетъ изъ оконъ наслаждаться видомъ большой террасы. Большая лѣстница будетъ отнесена къ маленькому флигелю со стороны гатчинскаго подъѣзда; у нея будетъ десять комнатъ, для которыхъ любимая ея библіотека будетъ вся истощена, и воображеніе ея даетъ себѣ полную волю, а все вмѣстѣ не будетъ имѣть здраваго смысла, какъ эти двѣ страницы» [2]).

Въ Царскомъ Селѣ въ маѣ 1778 г. императрица почувствовала себя сильно нездоровою, и вотъ какъ она сама объясняетъ свой недугъ:

«У меня голова совсѣмъ разстроена; я замѣтила, что эти припадки слѣдуютъ всегда послѣ законодательной маніи; ею я была одержима въ декабрѣ, и она продолжалась до сихъ поръ съ сплой и энергіей; все было огонь и геній до восторженности. Увы! теперь я не ѣмъ, не пью, не сплю. Г. Кельхенъ съ трудомъ отыскиваетъ мой пульсъ; у меня стѣсненіе въ груди. Друзья мои бранятъ меня; они утверждаютъ, что это никуда не годится; я и сама это знаю. Они совѣтуются съ докторами, почитаютъ меня больною, предписываютъ лѣкарства; я соглашаюсь, съ тѣмъ чтобъ мнѣ позволили выбирать; вѣдь не трудно проглотить что-нибудь. Что вы объ этомъ скажете?

«Я могла написать только эти строки; притомъ у меня отвращеніе отъ чернилъ, перьевъ и бумаги, какъ у бѣшеныхъ собакъ

[1]) Стр. 85.
[2]) Стр. 86.

отъ воды; я не слышу, что́ мнѣ говорятъ и читаютъ; я хочу читать, но не вижу; глаза мои устремляются на одну точку. Я вяжу себѣ оборки; это можно, потому что оно позволяетъ думать о другомъ и успокоиваетъ; я молчалива и не промолвлю слова; хотятъ меня заставить говорить, и это выводитъ меня изъ терпѣнія. Вотъ чертовская болѣзнь, любезная легисломанія; высокій разумъ, чудный садъ, прекрасное время года, пробудите вы меня по-одиночкѣ, или всѣ вмѣстѣ. Но и всѣ эти прелести — ложи Рафаэля, Титовы бани, Бибіена и Блэкстонъ, все мнѣ надоѣло... Ужъ черезъ чуръ сильно сказано; но этого пожалуй слишкомъ много за одинъ разъ; надо отдохнуть, я возвращусь къ перу, когда буду въ состояніи».

«Черезъ четыре дня беру перо, чтобъ сказать вамъ, что мнѣ немножко лучше: пульсъ мой крѣпче, лихорадка уменьшилась, но плохо будетъ, если не уберегусь отъ возврата! [1]).

Конецъ этого письма писанъ въ Осиновой рощѣ, близъ Парголова, — помѣстьи, подаренномъ князю Потемкину въ предыдущемъ году, въ 23 верстахъ отъ Петербурга, на Финляндскомъ берегу. Императрица хвалится новымъ своимъ трудомъ — отчетомъ своего царствованія и описаніемъ Россіи по провинціямъ,—«краткимъ, точнымъ, сильнымъ и яснымъ», трудомъ, который многіе по словамъ ея находятъ академическимъ, и выписываетъ изъ него нѣсколько строкъ описанія Финляндіи. Потомъ она переходитъ къ описанію мѣстности:

«Петербургъ и море у ногъ вашихъ: передъ глазами всѣ дачи по петергофской дорогѣ, и потомъ озера, холмы, лѣса, поля, скалы и хижины. Англійскій садовникъ и архитекторъ въ нашей свитѣ, и мы весь вчерашній день блуждали, и Богъ знаетъ сколько насажали, настроили. Царское Село, Гатчино и даже Царицыно по мѣстоположенію дрянь въ сравненіи съ Осиновой рощей. Теперь весь дворъ живетъ въ домѣ изъ десяти комнатъ, но что за видъ изъ каждаго окна!» [2]).

[1]) Стр. 87—88.
[2]) Стр. 90.

Слѣдущее за тѣмъ письмо, писанное изъ Петергофа, уже отличается обычной веселостью, и императрица пишетъ:

«Поболтаемъ немного; знаете ли, почему я боюсь посѣщеній королей? Потому что они по большой части люди скучные, безцвѣтные, и что надо держаться съ ними прямо, на вытяжку. Еще знаменитости нѣсколько внушаютъ мнѣ уваженіе; я желаю быть съ ними умна за четверыхъ; иногда я за четверыхъ напрягаю мой умъ, чтобъ ихъ слушать, а такъ какъ я люблю болтать, то молчаніе мнѣ надоѣдаетъ. Вотъ, скажете вы, она тутъ вся вылилась! Бьюсь объ закладъ, что вы будете восхищаться этой страницей вранья, потому что замѣтила, что вамъ именно нравятся тѣ изъ моихъ писемъ, которыя я считаю пустыми и о которыхъ г-жа Кардель (воспитательница Екатерины II) сказала бы, что они не имѣютъ здраваго смысла. Но мнѣ хочется поврать сегодня. Вы мнѣ говорите: «Какая доброта!» Отвѣтъ: можетъ быть. Діалогъ между нѣмецкимъ барономъ и мною. *Нѣмец. баронъ.* Какая смѣсь величія, чувства и характера, веселости и доброты и проч. *Я.* Величія! Вспомните, кто я. Чувствъ. Я женщина. Характера... Ну, ужъ выработали же мнѣ его на этомъ свѣтѣ. Веселости? Это моя сильная сторона. Доброты... Когда есть доброе сердце, оно всюду суетъ ее; когда оно злое, это тоже во всемъ чувствуется. Никогда я не прочла страницы, чтобъ не сказать, имѣетъ ли написавшій её доброе или злое сердце. Всякій кандидатъ на епископство, который проповѣдуетъ при мнѣ, выбирается мною не по краснорѣчію или учености, а по той добротѣ душевной, которая намъ открылась въ его рѣчи. Что бы онъ тамъ ни дѣлалъ, это не ускользнетъ, потому что доброта проникаетъ нечувствительно всюду, всюду; оттого у насъ собраніе епископовъ, какое рѣдко встрѣтишь гдѣ-либо, несмотря на то, что надо ихъ избирать изъ положенія противоестественнаго: изъ сословія монаховъ. Но св. Александръ Невскій тоже сдѣлался монахомъ, а онъ имѣлъ добродѣтели героическія, за которыя я напишу ему похвальное слово, потому что я никогда не была довольна тѣми, которыя произносили въ день его праздника Я велю прочесть это похвальное слово, когда

г. Александръ будетъ въ состояніи принять тутъ участіе, такъ однакожъ, чтобъ его самого при этомъ не хвалили» [1]).

Отъ внучка своего императрица переходитъ къ желанію видѣть у него брата, но не сестеръ, и говоритъ:

«Дочери весьма невыгодно выйдутъ замужъ, потому что не будетъ ничего несчастнѣе и несноснѣе, какъ россійская принцесса. Онѣ ничѣмъ не будутъ довольны, все имъ будетъ казаться жалкимъ; онѣ будутъ капризны, упрямы, насмѣшливы, прекрасны собой, вѣтрены, будутъ ставить себя выше предразсудковъ, этикета и молвы; у нихъ конечно найдутся свои поклонники, но все это будетъ имѣть безчисленныя причуды, и хуже всѣхъ окажется та, которая будетъ называться Екатериной; по одному этому имени у ней будетъ болѣе причудъ, чѣмъ у ея сестеръ [1])».

Но не угадала императрица будущности и свойствъ своихъ внучекъ, изъ которыхъ ни одна не оправдала ея опасеній, благодаря конечно вліянію и примѣру кроткой и добродѣтельной матери. Въ іюнѣ 1778 года государыня поражена была вѣстію о смерти Вольтера, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ писала Гримму:

«До сихъ поръ я надѣялась, что извѣстіе о кончинѣ Вольтера ложно, но вы мнѣ подтверждаете его, и я почувствовала мгновенно какой-то общій упадокъ духа и большое презрѣніе къ дѣламъ міра сего. Май мѣсяцъ былъ для меня роковымъ: я потеряла двухъ людей, которыхъ никогда не видала, — которые любили меня и которыхъ я чтила: — Вольтера и лорда Чатама (Вильяма Питта); долго, долго, а можетъ-быть и никогда не будутъ они замѣнены равными, и никогда никто не превзойдетъ ихъ, а для меня они невозвратно потеряны; я хотѣла бы кричать. Но возможно ли, чтобъ гдѣ-нибудь такъ быстро переходили отъ почета къ безчестію, отъ разума къ безумію, какъ тамъ, гдѣ вы живете (въ Парижѣ)? Еще нѣсколько недѣль тому назадъ воздавали публичныя почести человѣку, котораго нынѣче не смѣютъ похоронить. И какого человѣка! Перваго въ цѣлой націи и ко-

[1]) Стр. 91—92.

торымъ должны по справедливости гордиться. Зачѣмъ вы не овладѣли его тѣломъ и притомъ отъ моего имени? Вамъ бы слѣдовало послать его ко мнѣ, и вотъ вы въ первый разъ въ жизни оказались недогадливы: ужъ конечно здѣсь онъ имѣлъ бы самую великолѣпную гробницу; но если я не имѣю его праха, по крайней мѣрѣ у меня будетъ его памятникъ. Когда я вернусь осенью въ городъ, я соберу письма, писанныя ко мнѣ этимъ великимъ человѣкомъ, и пришлю их вамъ. У меня ихъ множество; но если возможно, купите его библіотеку и всѣ остающіяся послѣ него бумаги, включая и мои письма. Я щедро заплачу его наслѣдникамъ, которые, полагаю, всему этому не знаютъ цѣны.

«Вы мнѣ также доставите большое удовольствіе, если пріобрѣтете у Крамера — женевскаго книгопродавца — не только самое полное изданіе его сочиненій, но даже до послѣдняго памфлета, вышедшаго изъ-подъ пера его. Я устрою особую залу, гдѣ помѣщу его произведенія» [1]).

Говоря о почестяхъ, оказанныхъ Вольтеру въ Парижѣ незадолго до смерти его, императрица напоминаетъ здѣсь обстоятельство, по поводу котораго она писала отъ 16 мая 1778 года: «Восторгъ образованныхъ людей къ патріарху не удивляетъ меня; но восторгъ черни, которая едва знаетъ его имя, ясно показываетъ стадообразность народа (moutonnerie). Я желала бы знать были ли духовныя лица въ толпѣ. Если да, то это доказало бы многое и повело бы меня къ весьма поучительнымъ сравненіямъ насчетъ образа мыслей различныхъ націй» [2]).

Смерть Вольтера привела императрицѣ на память почти одновременную смерть другого великаго человѣка, и вотъ что говоритъ она о послѣднемъ:

«Вольтера нѣтъ, а лорда Чатама недостаетъ Англіи. Вы находите, что англійская нація воздала должное памяти лорда Чатама и достойно наградила его потомство. А я не могла не по-

---

[1]) Стр. 94.
[2]) Стр. 89.

чувствовать негодованія, прочитавъ то и другое. Мнѣ казалось, что враги его оскорбляли его память: какъ! этотъ продажный парламентъ, радующійся его смерти, велитъ похоронить его и даетъ пенсію его дѣтямъ! Это напоминаетъ того тирана — Римскаго императора, который говорилъ, что тѣло умершаго врага хорошо пахнетъ. А зачѣмъ же не чтили его, когда онъ былъ полезенъ отечеству? Зачѣмъ единогласно не слѣдовали его мыслямъ и указаніямъ? Послѣдняя его рѣчь въ парламентѣ содержитъ именно тѣ мысли, которыя я ему приписывала два года тому назадъ. Еслибы баронъ Гриммъ былъ моимъ посланникомъ, я побранила бы его за то, что онъ моимъ именемъ не потребовалъ тѣла Вольтера, оставшагося безъ погребенія въ отечествѣ. Но надо судить каждаго по справедливости: князя Барятинскаго я не могу бранить, такъ же какъ и аббата Миньйо (племянника Вольтера), что они не прислали мнѣ его въ видѣ посылки» [1]).

Чтобъ понять этотъ энтузіазмъ императрицы къ Вольтеру, надо вспомнить, что она называла его своимъ учителемъ: ему считала она себя обязанной всѣми своими знаніями, прямымъ, здравымъ взглядомъ, вкусомъ, благороднымъ честолюбіемъ и любовью къ прекрасному. Все это было подробно развито въ статьѣ: «Воспитаніе Екатерины II» [2]). Но послушаемъ, какъ говоритъ объ этомъ сама императрица:

«Вольтеръ — мой учитель: онъ или, лучше сказать, его произведенія, развили мой умъ и мою голову. Я, кажется, не разъ уже говорила вамъ это: я его ученица. Когда я была моложе, мнѣ пріятно было ему нравиться. Я не могла одобрить ни одного поступка своего, если онъ не былъ достоинъ сообщенія ему, и тотчасъ его увѣдомляла о сдѣланномъ. Онъ такъ къ этому привыкъ, что бранилъ меня, когда какое-нибудь новое извѣстіе доходило къ нему не отъ меня, а другимъ путемъ. Моя акуратность въ этомъ отношеніи ослабѣла въ послѣдніе годы по быстротѣ событій до и послѣ мира; а по причинѣ большихъ трудовъ, мною

[1]) Стр. 102—103.

[2]) См. журналъ «Древняя и новая Россія», февраль 1875 года.

предпринятыхъ, я потеряла привычку писать письма и теперь чувствую менѣе расположенія и легкости писать» [1]).

Это увлеченіе благодарнаго сердца Екатерины выражается всего лучше въ слѣдующихъ словахъ ея:

«Я буду читать сегодня похвальное слово Вольтеру, которое мнѣ прислали изъ Берлина: я согласна съ мнѣніемъ Фридриха: его слава пройдетъ изъ рода въ родъ, какъ слава Гомера и Виргилія. Греческій, латинскій и французскій языки отнынѣ стоятъ рядомъ, какъ до сихъ поръ стояли два первые» [2]).

Называя Вольтера въ письмахъ своихъ «божествомъ веселости», императрица оправдывала ту истину, что всякій извлекаетъ изъ обстоятельствъ, изъ чтеній и столкновеній съ людьми то, что сообразно съ его собственнымъ характеромъ и настроеніемъ. Въ то самое время, какъ Екатерина почерпала въ его твореніяхъ юморъ и ясную веселость, и по смерти его, выражая желаніе достать полный экземпляръ его сочиненій, надѣялась тѣмъ «обновить въ себѣ естественную свою наклонность къ смѣху» [3]), тотъ же Вольтеръ производилъ на людей мрачныхъ и холодныхъ, на людей съ упадшимъ духомъ вѣры и нравственности, дѣйствіе раздражающее и озлобляющее.

Замѣчательно, что даже когда Гриммъ по смерти Вольтера прислалъ императрицѣ экземпляръ одного изъ ненапечатанныхъ и вѣроятно самыхъ саркастическихъ произведеній Вольтерова пера, она отвѣчала ему:

«Полученный мною образчикъ писаній Вольтера — вещь ужасная, и, несмотря на то, видно, что у автора не дурное сердце: вся злоба у него въ умѣ или, еще лучше, въ языкѣ, но что бы онъ тамъ ни говорилъ о Волохахъ (Velches) [4]), видно, что самъ онъ французъ до мозга костей» [5]).

Распорядившись о фернейской библіотекѣ и выславъ Гримму

---

[1]) Стр. 102. [2]) Стр 116. [3]) Стр. 97.

[4]) Названіе, которое Вольтеръ обыкновенно давалъ презрительно французамъ.

[5]) Стр 127.

кредитивъ въ тридцать тысячъ рублей, императрица присоединила къ этому подарки г-жѣ Дени [1]): портретъ свой, брильянты и драгоцѣнную шубу. Но наслѣдники Вольтера, черезъ племянника его, аббата Миньйо, старались просьбами отклонить государыню отъ этой покупки, на что она отвѣчала, «что очень непослѣдовательно стремиться удержать въ странѣ то, за что лишаютъ погребенія» [2]), при чемъ предостерегала Гримма, чтобъ онъ не далъ что-нибудь похитить изъ библіотеки или подмѣнить, такъ какъ, по мнѣнію ея, родные его пожалуй не прочь всенародно предать её сожженію. Когда присланы были два бюста Вольтера, Екатерина поставила ихъ въ свой эрмитажъ; но говоритъ, что предпочитаетъ бюстъ безъ парика, потому что къ парикамъ чувствуетъ отвращеніе и ей всегда кажется, что парикъ надѣвается ради шутовства» [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ императрица заботится о подпискѣ на новое изданіе Вольтера. «Дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ новаго изданія сочиненій моего учителя, чтобъ я ихъ размѣстила вездѣ, вездѣ. Я хочу, чтобъ они служили образцами; я хочу, чтобъ ихъ изучали, затверживали наизусть, чтобъ умы питались ими. Это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и писателей; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые иначе потеряются во тмѣ невѣжества» и проч. . . . [2]).

«Пожалуйста, достаньте мнѣ фасадъ фернейскаго замка и, если можно, внутренній планъ комнатъ Царскосельскій паркъ не долженъ существовать, если въ немъ не будетъ фернейскаго замка» [3]).

Эта мысль государыни построить въ царскосельскомъ саду фернейскій замокъ объясняется ею самою въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ: «Итакъ скажите мнѣ свое мнѣніе, подписанное и скрѣпленное: не лучше ли эта моя мысль, чѣмъ идея гробницы или всякаго другого памятника, которыми переполненъ міръ въ воспо-

---

[1]) Племянницѣ Вольтера, которая до самой его смерти жила у него. Екатерина удостоила ее сочувственнаго письма.

[2]) Стр. 104.

[3]) Стр. 105.

минаніе лицъ гораздо менѣе достойныхъ [1])». Однакожъ этотъ планъ, вѣроятно найденный вскорѣ неудобнымъ, остался безъ исполненія.

Еще въ послѣдній годъ жизни Вольтера книгопродавецъ Панкукъ (изъ Лилля) ѣздилъ въ Ферней и испросилъ у него позволеніе на новое пересмотрѣнное имъ самимъ изданіе его сочиненій. Когда Вольтеръ умеръ, Панкукъ просилъ покровительства и содѣйствія Екатерины II для исполненія своего плана. Но отвѣтъ такъ долго не приходилъ, что Панкукъ рѣшился продать свое право извѣстному Бомаршэ. Такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ преданіе, съ такимъ притомъ дополненіемъ, что на другой же день послѣ заключенія сдѣлки полученъ былъ отъ императрицы самый благопріятный отвѣтъ съ векселемъ въ 150,000 франковъ, но Бомарше будто бы не захотѣлъ уничтожить контракта, завелъ въ Келѣ (на Рейнѣ) типографію, и предпринятое имъ изданіе вышло въ 1785—1789 гг. [2]). Въ письмахъ Екатерины нѣтъ никакихъ свѣдѣній, которыя служили бы къ подтвержденію этихъ извѣстій, но по поводу предпріятія Вольтера императрица излагаетъ замѣчательныя мысли о необходимости хронологическаго порядка сочиненій въ изданіяхъ писателей:

«Я не одобряю идеи книгопродавца Панкука издать прежде все новѣйшее изъ сочиненій Вольтера; я хотѣла бы видѣть все вмѣстѣ хронологически расположеннымъ, т. е. по годамъ, въ томъ порядкѣ какъ оно было писано. Я педантъ и люблю видѣть ходъ ума автора въ его твореніяхъ, и повѣрьте мнѣ, что такое расположеніе гораздо важнѣе чѣмъ обыкновенно думаютъ: чѣмъ болѣе вы поразмыслите объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣдитесь, что я права. Я могу вамъ написать объ этомъ цѣлую диссертацію, въ которую войдетъ зеленое, зрѣлое и перезрѣлое, и выяснится какимъ образомъ убѣжденіе выходитъ изъ развитія мысли, но, Боже мой! все это требуетъ черезъ чуръ глубокаго изученія, и не надо

[1]) Стр. 112.

[2]) 72 тома въ 8 д. л. или 92 въ 12 д. л. (Quérard, La France littéraire, т. 374).

все высказывать, потому что иногда высказанное звучитъ безумiемъ [1])». Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ объ этомъ же предметѣ:

«Что́ бы вы тамъ ни говорили, а планъ изданiя Панкука, гдѣ онъ все раздѣляетъ по матерiямъ, показываетъ, что его новое изданiе Вольтера никакъ не будетъ хронологическимъ, а по-моему всего интереснѣе было бы видѣть все смѣшаннымъ, такъ какъ оно выходило изъ этой единственной головы, и только тогда свѣту явилась бы эта голова такою, какою она въ самомъ дѣлѣ была, то-есть прекраснымъ, великимъ и единственнымъ зрѣлищемъ,— головой трескучей, головой полезной человѣчеству съ разныхъ сторонъ, головой, сочиненiя которой, при чтенiи ихъ, не могли бы не ускорять обращенiя крови въ жилахъ, не укрѣплять тѣла, сердца и ума, не веселить души ... [2]).

Собранныя Екатериной письма Вольтера, вмѣстѣ съ деньгами и подарками г-жѣ Дени, были отправлены къ Гримму, но императрица не разрѣшила печатать ихъ, какъ она говоритъ, по тремъ причинамъ: «первая та, что меня обвинятъ въ тщеславiи, если я отдамъ въ печать письма, которыя полны лестныхъ для меня отзывовъ; вторая, что въ нихъ много острыхъ шутокъ насчетъ маменьки (Manman) человѣка съ двойной физiономiей [3]); третье, что piccolo bambino (малютка) [4]) еще хуже потерпѣлъ въ нихъ, а если выбирать изъ остальныхъ, то ничего и не останется [5])».

Что же касается ея писемъ къ Вольтеру, то императрица поручала Гримму убѣдительно попросить г-жу Дени никому не давать съ нихъ копiй и не позволять ихъ печатать, говоря, что она боится печати какъ огня, потому что для этого недовольно хорошо пишетъ. Несмотря на эти просьбы, письмо императрицы къ г-жи Дени вдругъ явилось въ печати, на что она выразила свое неудовольствiе Гримму. Впрочемъ она была вообще довольна своими переговорами съ г-жей Дени и говоритъ въ

---

[1]) Стр. 105. [2]) Стр. 125. [3]) Императрицы Маріи Терезіи. [4]) Іосифа II.
[5]) Стр. 106.

одномъ письмѣ, что Вольтеръ не даромъ любилъ эту женщину, а о благодарственномъ письмѣ ея замѣтила, что отъ него «вѣетъ духомъ Вольтера [1])».

Устроивъ дѣло пріобрѣтенія библіотеки Вольтера, Гриммъ предлагалъ, чтобъ для храненія ея вызванъ былъ секретарь и библіотекарь покойнаго Ваньеръ, о которомъ государыня была очень хорошаго мнѣнія. Она сгоряча согласилась на это, но потомъ раскаялась, такъ какъ особаго зданія для библіотеки не было, и видимо затруднялась, какое положеніе и занятія дать секретарю своего друга. Между тѣмъ Гриммъ, получивъ ея согласіе, уже отправилъ библіотеку, а при ней и Ваньера. Когда же Гриммъ извинялся въ этой поспѣшности, то императрица брала вину на себя, находя, что она въ этомъ случаѣ сама показала нерѣшительность—«и хотѣла и не хотѣла». На предложеніе Гримма употребить Ваньера при музеѣ она писала: «Я не знаю, какое занятіе дать ему. Диктовать я не умѣю» (то-есть, люблю сама все писать), «а бездѣлушки, которыя вы называете собраніемъ драгоцѣнностей, не довольно многочисленны, чтобъ занять человѣка дѣятельнаго и трудолюбиваго. Онъ можетъ мнѣ читать вслухъ, и если мы сойдемся, я сдѣлаю его своимъ чтецомъ, вотъ и все, ибо мой чтецъ Бецкій становится старъ, начинаетъ читать невнятно и лѣниво» [2]).

Когда Ваньеръ уже пріѣхалъ 30 іюля 1779 года онъ заболѣлъ желтухой, и государыня не тотчасъ его увидѣла. Послѣ представленія онъ получилъ отъ нея порученіе разобрать библіотеку, при чемъ она замѣчала, что онъ кажется очень плохого здоровья. Въ послѣдствіи, заплативъ ему долгъ Вольтера, она его отпустила и навсегда сохранила объ немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ честномъ и *благодарномъ*, что̀ считала большою рѣдкостью между людьми.

Одною изъ важныхъ статей переписки императрицы Екате-

---

[1]) Стр. 122.
[2]) Стр. 144.

рины съ Гриммомъ являются ея порученія и заказы по разнымъ отраслямъ искуства, также пріобрѣтеніе книгъ и замѣчательныхъ изданій, выписка архитекторовъ, скульпторовъ, различныя поощренія и награды художественнымъ и литературнымъ знаменитостямъ того времени. Послѣ чернильницы Потемкина и сервиза Бретэля, о которыхъ говорено выше, императрица писала о заказѣ севрскаго сервиза: «Севрскій сервизъ заказала я для перваго кусателя ногтей въ мірѣ, для милаго моего и возлюбленнаго князя Потемкина, и чтобъ сервизъ вышелъ на славу, я сказала, что онъ для меня» [1]).

Уже въ самомъ началѣ переписки видно, что императрица ждала цѣлую партію картинъ Губера, изображавшаго сцены изъ жизни Вольтера; но эти картины не произвели на неё особенно хорошаго впечатлѣнія, и она шутливо замѣтила, «что сэръ Томъ лаялъ на нихъ, я не могла догадаться, почему» [2]).

Со времени путешествія Гримма въ Италію и пребыванія его въ Римѣ собственно представляется поводъ къ сближенію Екатерины съ художественнымъ міромъ и начинаются серьёзные заказы и покупки ея для обогащенія разныхъ коллекцій.

Комиссіонеромъ императрицы въ Италіи былъ первый знатокъ древностей въ Римѣ — Рейфенштейнъ, которому за хлопоты его было назначена (въ 1779 г.) пенсія въ 500 голландскихъ дукатовъ. Этотъ Рейфенштейнъ, уроженецъ прусской Литвы, другъ Винкельмана, посвятилъ себя изученію искуствъ и древностей въ Римѣ и могъ бы по смерти Винкельмана занять его мѣсто, еслибъ согласился перейти въ католичество. Онъ служилъ обыкновенно чичероне всѣмъ знаменитымъ иностранцамъ, посѣщавшимъ Римъ, и всячески поддерживалъ художниковъ. Императрица постоянно прилагаетъ къ нему эпитетъ божественнаго (le divin). Самымъ крупнымъ заказомъ при посредствѣ Рейфенштейна были копіи съ плафоновъ и стѣнъ Рафаэлевскихъ ложъ, испол-

---

[1]) Стр. 84.
[2]) Стр. 56.

ненныя на полотнѣ и доставленныя въ Петербургъ по частямъ въ сверткахъ. При заказѣ ихъ императрица писала:

«Сегодня рисунки Рафаэлевскихъ ложъ попались мнѣ въ руки. И только одна надежда меня поддерживаетъ. Пожалуйста спасите меня: напишите Рейфенштейну, чтобъ онъ заказалъ мнѣ копіи этихъ плафоновъ, какъ и стѣнъ, въ натуральную величину. Я приношу обѣтъ св. Рафаэлю во что бы то ни стало построить его ложи и поставить въ нихъ копіи, потому что я непремѣнно должна ихъ видѣть какъ они есть. Я питаю такое благоговѣніе къ этимъ ложамъ, къ этимъ плафонамъ, что не пожалѣю расхода на зданіе и не успокоюсь, пока все это не будетъ поставлено. Увы! еслибъ мнѣ сдѣлали ужъ и маленькую модель самаго зданія, снявъ его размѣры въ городѣ моделей-Римѣ, меня приблизили бы къ цѣли. И опять таки одинъ божественный Рейфенштейнъ можетъ исполнить это чудное порученіе, если того захочетъ баронъ Гриммъ» [1]).

Ложи эти были воспроизведены подъ надзоромъ живописца Унтербергера. Теперь эти копіи имѣютъ то достоинство, что онѣ сохранились гораздо лучше самыхъ подлинниковъ въ Ватиканѣ, пострадавшихъ отъ сырости, такъ какъ галерея, гдѣ они находятся, долго была отчасти открыта. Копіи помѣщаются въ такъ называемой Рафаэлевской галереѣ эрмитажа, построенной въ размѣрѣ Ватиканскихъ ложъ архитекторомъ Кваренги. Императрица, рѣшивъ эту постройку, которая должна была служить связью между дворцомъ и Шепелевскимъ домомъ [2]), сообщаетъ Гримму, что она будетъ сдѣлана по идеѣ Рейфенштейна и компаніи, и прибавляетъ къ этому:

«Вѣроятно, они воображаютъ, что я проживу лѣтъ сто, потому что по окончаніи ложъ, за которыми проработаютъ нѣсколько лѣтъ, они предполагаютъ скопировать ложи Ватикана, галерею Фарнезе и Богъ знаетъ, что еще. О, какъ легко вызвать воздушные замки въ головахъ тѣхъ, кого занимаетъ великое и прекрасное и кто безпрестанно видитъ предъ собою подобные предметы!» [3]).

---

[1]) Стр. 101. [2]) Стр. 118. [3]) Стр. 120.

За исполненіемъ этихъ ложъ государыня слѣдила издали съ величайшимъ участіемъ. Часто она въ шутку выражала опасеніе, чтобъ папа (Пій VI) какъ-нибудь не умеръ прежде чѣмъ кончатъ ея работу и чтобъ тогда заказъ не былъ остановленъ конклавомъ, который всѣхъ выгонитъ изъ ложъ, чтобъ запереться тамъ для избранія новаго папы. Когда ложи прибыли въ Петербургъ, она писала: «Ложи Рафаэля, скопированныя въ Римѣ, очень мнѣ по вкусу: я не могу на нихъ насмотрѣться, и Богъ знаетъ что́ происходитъ въ головѣ, когда глядишь на нихъ» [1]).

Изъ безпрестанныхъ сношеній съ Рейфенштейномъ видно, что императрица особенно высоко цѣнила Рафаэля Менгса и страстно желала имѣть картины его работы. Она говоритъ: «Придетъ ли наконецъ тотъ день, въ который я скажу, что видѣла работу Рафаэля Менгса?» [2]). Дѣлая ему свои заказы, между прочимъ поручивъ написать двѣ картины съ сюжетами изъ Иліады, она сердилась, что онъ былъ заваленъ работой для папы и св. отцовъ, и часто выражала опасеніе, чтобъ усиленные труды не надорвали его слабаго здоровья. Когда же Рафаэль Менгсъ дѣйствительно умеръ отъ своихъ недуговъ, въ 1779 году, она оказала негласное пособіе его дѣтямъ, старалась пріобрѣсти его портфели, а позже еще помогла дочерямъ его. Не менѣе желала она также имѣть произведенія кисти Анжелики Кауфманъ.

Видно также, что императрицѣ безпрестанно предлагали со всѣхъ сторонъ картины и предметы искуства, но она принимала ихъ съ большою разборчивостью. Никогда не отказываясь отъ произведеній Рафаэля, Корреджіо, Леонардо да Винчи, Карраччи, Пальмы, Пуссена, она однако просила Рейфенштейна, чтобъ со-

---

[1]) Стр. 161. Нѣсколько разъ Екатерина, называя Рафаэля, рядомъ съ нимъ упоминаетъ о Бибіэнѣ, какъ особенно даровитомъ художникѣ и авторѣ сочиненія объ архитектурѣ, но трудно сказать, котораго изъ двухъ замѣчательныхъ братьевъ этого имени она разумѣетъ, такъ какъ оба написали по книгѣ, относящейся къ тому же искуству. Во всякомъ случаѣ это былъ не кардиналъ Бибіэна, какъ ошибочно показано мною въ одномъ примѣчаніи XXIII тома *Сборника Истории. Общ.* (стр. 66).

[2]) Стр. 110.

временные извѣстные живописцы: Менгсъ, Баттони, Маронъ, Гакертъ свидѣтельствовали ихъ подлинность. Она не любила быть обманутой и возмущалась, когда ей предлагали посредственныя вещи за безумныя цѣны. Такъ, на одно изъ предложеній Гримма пріобрѣсти за 40.000 семь картинъ Лемуана, она отвѣчала, что находитъ ихъ страшно дорогими, прибавляя безъ церемоній: «Какъ, 40 т. за семь картинъ! Слава Богу, я никогда еще не платила такихъ цѣнъ: у меня нѣтъ денегъ!» [1]).

Въ другой разъ случилось, что Рейфенштейнъ какъ-то ошибся въ покупкѣ нѣкоторыхъ картинъ, оказавшихся плохими. Императрица очень рѣзко выразила Гримму свое неудовольствіе:

«Я сегодня ѣздила смотрѣть, что́ адмиралъ Борисовъ привезъ мнѣ изъ Италіи: и къ великому удивленію моему, кромѣ Менгса и нѣкоторыхъ другихъ бездѣлицъ, все остальное, исключивъ конечно изъ этого ложи Рафаэля, скверная мазня; я велѣла Мартинелли, живописцу, завѣдующему моей галереей, отобрать ихъ и послать на аукціонъ въ пользу городской больницы. Непонятно, какимъ образомъ божественный Рейфенштейнъ на этотъ разъ вдался въ обманъ! Зато прошу васъ очень рѣшительно наказать ему не покупать болѣе ничего у г. Дженкинса. Право, стыдно выдавать подъ именемъ того или другого великаго художника подобную дрянь. Служащіе при моемъ эрмитажѣ стыдились пустить туда кого бы то ни было ранѣе меня, такъ велико было разочарованіе по поводу этой мазни» [2]).

Дѣлая заказы прямо черезъ посредство Гримма и Рейфенштейна, императрица говоритъ:

«Признаюсь, я предпочитаю поручать это вамъ, а не графу Шувалову (оберъ-камергеру Ивану Ивановичу), потому что онъ всюду вноситъ сомнѣніе, а для людей моего характера нѣтъ въ мірѣ ничего мучительнѣе сомнѣнія» [3]).

Въ другой разъ она прибавляетъ: «Если божественный Рейфенштейнъ будетъ продолжать предлагать покупки черезъ г. Шу-

---

[1]) Стр. 145. [2]) Стр. 221. [3]) Стр. 101 — 102

валова, онъ можетъ быть увѣренъ, что не я буду покупщицей, потому что, во-первыхъ, г. Шуваловъ боленъ разслабленіемъ въ ногахъ и уже два мѣсяца и не выѣзжаетъ; во-вторыхъ, и здоровый онъ всегда долго колебался, говорить ли мнѣ о предложеніи, или нѣтъ; онъ жалѣетъ моихъ денегъ и притомъ въ доброе старое время обходились безъ этихъ вещей, и съ бо́льшей экономіей сидѣли и безъ денегъ, и безъ картинъ. Все это въ ущербъ новому времени, ибо старое надо уважать. А вѣдь это значитъ не имѣть къ нему уваженія—догадаться тамъ, гдѣ прежде не догадывались. Короче сказать, всякій разсуждаетъ по-своему; но во всякомъ случаѣ не это лучшій путь, чтобъ продать или купить; вдобавокъ онъ сдѣлался такъ набоженъ, что никогда не предложитъ мнѣ Тиціановой Венеры: это грѣхъ. Гр. Караманъ укрѣпилъ его въ такомъ благодатномъ настроеніи, и эта набожность не мало способствовала къ разслабленію его ногъ, потому что прошедшее лѣто онъ проводилъ въ Царскомъ цѣлыя ночи въ молитвѣ на колѣняхъ» [1]).

Полюбивъ постройки, императрица нуждалась въ архитекторахъ и писала изъ Царскаго Села 16-го апрѣля 1779 г.:

«Если синьйоръ маркизъ Гриммъ хочетъ доставить мнѣ удовольствіе, то онъ поручитъ божественному Рейфенштейну: пріискать мнѣ двухъ хорошихъ архитекторовъ, италіянцевъ родомъ, искусныхъ въ своемъ дѣлѣ, пригласить ихъ на службу Императрицы Всероссійской, по контракту на столько-то лѣтъ, и прислать ихъ изъ Рима въ Петербургъ какъ тюкъ съ инструментами. Онъ не посулитъ имъ милліоновъ, но дастъ приличное и разумное жалованье, и людей выберетъ честныхъ и разумныхъ, не такія головы какъ Фальконетъ,— людей, ходящихъ по землѣ, а не летающихъ по воздуху; онъ ихъ адресуетъ ко мнѣ или къ барону Фридрихсу, или къ графу Брюсу, или къ Эку, или къ Безбородкѣ, или къ сатанѣ и его бабушкѣ, только бы я ихъ имѣла, потому что всѣ мои либо ужъ слишкомъ стары, либо слѣпы, либо медлительны, либо лѣнивы, либо слишкомъ молоды, либо слишкомъ праздны, либо

---

[1]) Стр. 123 — 124.

черезъ-чуръ важные господа, или слишкомъ богаты, то слишкомъ тяжеловѣсны, то слишкомъ легкомысленны, однимъ словомъ все, что угодно, только не то, что мнѣ нужно» [1]).

О французскихъ же архитекторахъ Екатерина позднѣе такъ отзывалась: «Я хотѣла двухъ италіянцевъ, потому что у насъ есть французы, которые слишкомъ много знаютъ и строятъ дома дрянные и внутри и снаружи, все отъ того, что слишкомъ много знаютъ» [2]).

Узнавъ о выборѣ двухъ архитекторовъ: Джакомо Трóмбара, родомъ изъ Пармы, и Іеронимо Кваренги, изъ Бергамо, императрица ждала ихъ съ нетерпѣніемъ. Изъ нихъ послѣдній оказался особенно даровитъ и дѣятеленъ, и она часто хвалила его. Онъ сперва былъ ученикомъ Рафаэля Менгса въ Римѣ, но впослѣдствіи пристрастился къ архитектурѣ. Съ особенной любовью изучалъ онъ Палладія, и способствовалъ къ возстановленію здраваго вкуса и благородной простоты въ формахъ. Вотъ какъ государыня, отзывалась о немъ: «Кваренги не тратитъ здѣсь времени по-пустому: онъ работаетъ какъ лошадь [3])... Этотъ Кваренги дѣлаетъ намъ прелестныя вещи: весь городъ полонъ его постройками. Онъ строитъ банкъ, биржу, множество магазиновъ, лавокъ и партикулярныхъ домовъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ въ эрмитажѣ театръ, который вмѣщаетъ человѣкъ триста, однако никакъ не болѣе, но и этого черезъ-чуръ довольно для эрмитажа» [4]). Рафаэлевская галерея и установка ложъ были произведены имъ же. Еще до пріѣзда этихъ двухъ архитекторовъ у императрицы былъ уже одинъ талантливый исполнитель ея строительныхъ замысловъ, работавшій преимущественно въ Царскомъ Селѣ. Это былъ шотландецъ Камеронъ, о которомъ она говоритъ въ августѣ 1779 года:

---

[1]) Стр. 135.

[2]) Стр. 157.

[3]) Стр. 270. О прибытіи Тромбара и Кваренги она увѣдомила Гримма въ самомъ началѣ 1780 года, стр. 168 и 173.

[4]) Стр. 365.

«Теперь я завладѣла мистеромъ Камерономъ, шотландцемъ по рожденію, якобинцемъ по профессіи, великимъ рисовальщикомъ, который напитанъ изученіемъ древнихъ и извѣстенъ своею книгой «О древнихъ баняхъ». Мы съ нимъ мастеримъ здѣсь въ Царскомъ Селѣ садъ съ террасами, съ банями внизу и съ галереей наверху [1]). Это будетъ прелесть!» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ императрица опять хвалитъ Камерона: «Это голова, и голова воспламеняющаяся, большой поклонникъ Клериссо. Потому картоны послѣдняго служатъ ему для украшенія моихъ комнатъ здѣсь (въ Царскомъ Селѣ), и эти комнаты превосходны. Только одна или двѣ изъ нихъ готовы, и всѣ бѣгаютъ ихъ смотрѣть, потому что до сихъ поръ ничего подобнаго не видали. Сознаюсь, и я вотъ уже девять недѣль не устаю на нихъ любоваться» [3]).

Камеронъ построилъ также соборъ Св. Софіи въ Царскомъ Селѣ (въ Софіи), и императрица, описывая его Гримму и напоминая, что Камеронъ отстроилъ царскосельскую колоннаду съ большой лѣстницей, прибавляетъ: «все это зданія недюжинныя, отличающіяся солидностью и красотою». Тутъ же она упоминаетъ, что Кваренги еще построилъ дворецъ въ Англійскомъ паркѣ въ Петергофѣ и строитъ новый домъ въ Царскомъ Селѣ для великаго князя Александра Павловича.

О слабости своей къ постройкамъ она говоритъ: «Знайте, между-прочимъ, что моя строительная страсть сильнѣе чѣмъ когда-либо, и никакое землетрясеніе не истребляло еще столько зданій, сколько мы воздвигаемъ. Стройка — вещь заколдованная: она пожираетъ деньги, и чѣмъ болѣе строишь, тѣмъ болѣе хочется строить. Это болѣзнь, какъ пьянство, или также родъ привычки» (П. 23 августа 1779 года) [4]).

Клериссо, о которомъ сейчасъ упоминалось, былъ французскій живописецъ и архитекторъ, долго работавшій въ Римѣ и прославившійся воспроизведеніемъ памятниковъ древняго зодче-

[1]) Знаменитая Камеронова галерея въ Царскомъ Селѣ.
[2]) Стр. 157—158. [3]) Стр. 207. [4]) Стр. 157.

ства. Какъ авторъ, онъ извѣстенъ сочиненіемъ «Antiquités de France». Въ 1773 г. Екатерина II черезъ Фальконета, жившаго тогда въ Петербургѣ, заказала Клериссо рисунокъ бесѣдки для царскосельскаго сада (Maison antique); но вмѣсто того Клериссо начертилъ планъ огромнаго зданія, за который требовалъ значительной суммы. Возникли недоразумѣнія, заставившія императрицу отказаться отъ дальнѣйшихъ сношеній съ этимъ художникомъ. Однакожъ, позднѣе, заинтересованная отзывами Рейфенштейна въ пользу его, она благодаритъ Гримма за то, что онъ посѣтилъ Клериссо, и проситъ передать ему заказъ сдѣлать модель воротъ при въѣздѣ съ московской дороги въ Петербургъ. «Черезъ эти ворота», говоритъ императрица, «я проѣхала, чтобъ принять корону: черезъ нихъ же я въѣзжала послѣ коронаціи. Не то, чтобъ я желала видѣть на нихъ барельефы, изображающіе все это, но нужно дать понять хорошей головѣ, какъ Клериссо, что черезъ ворота, ведущія изъ одной столицы въ другую, случается проѣзжать во многихъ торжественныхъ случаяхъ» [1]). Тутъ же императрица заказываетъ ему сдѣлать фасадъ дворца и прибавляетъ: «ибо возбужденіе фантазіи рисунками Клериссо очень велико» [2]).

Модель воротъ Клериссо поручено было распаковать архитектору Кваренги. Съ нею же были привезены и нѣкоторыя его картины, которыя императрица очень хвалитъ. Любопытно, что когда великій князь Павелъ Петровичъ и супруга его Марія Федоровна путешествовали въ 1782 году подъ именемъ Сѣверныхъ графа и графини, Екатерина писала:

«Мнѣ нравится, какъ Клериссо разговаривалъ съ императоромъ и съ ихъ высочествами. Это научаетъ людей, подобныхъ имъ, что есть различные тоны разговоровъ на свѣтѣ, что не всѣ имѣютъ охоту льстить, и что въ мірѣ существуетъ болѣе одного кружка [3]). При расчетахъ съ Клериссо вышли новыя недоразумѣнія, и онъ даже позволилъ себѣ жаловаться на государыню принцу Ангальтъ-Дессаускому, который при собственноручномъ

[1]) Стр. 196. [2]) Стр. 196. [3]) Стр. 266.

письмѣ препроводилъ къ ней эту жалобу, что́ очень её оскорбило, такъ что она писала къ Гримму 28-го октября 1785 года:

«Я нашла эти два письма довольно странными: во-первыхъ, потому что его высочество пишетъ ко мнѣ въ первый разъ, и письмо его содержитъ какъ будто упрекъ, что я дурная плательщица, что́ въ сущности несправедливо. Во вторыхъ, я думаю, что г. Клериссо могъ бы быть доволенъ мною, такъ какъ продажа была хорошая и выгодная; и если онъ прислалъ что-либо сверхъ требованнаго мною, то я не сознаю, чтобъ когда-нибудь выражала о томъ просьбу, приказаніе или давала на то согласіе. Но впрочемъ пусть будетъ по его желанію: прошу васъ поскорѣе заплатить все, что́ я могу быть ему должна по прежнимъ и новѣйшимъ счетамъ, и попросите его, для избѣжанія новыхъ недоразумѣній, не присылать мнѣ своихъ работъ, развѣ я того потребую, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ можетъ натравить на меня еще много высочествъ подъ такимъ же предлогомъ, а я не всегда расположена отвѣчать тѣмъ, кто вмѣшиваются въ мои дѣла непрошенные. Впрочемъ я полагаю, что вы получите мои письма, посланныя съ двумя курьерами. Послѣдній повезъ также кредитивы: итакъ у васъ есть чѣмъ заплатить всѣмъ возможнымъ Клериссо. Я полагаю, что принцъ Ангальтъ-Дессаусскій, повздоривъ со мною насчетъ уплаты Клериссо, пристанетъ къ германской лигѣ трехъ курфирстовъ, чтобъ поддержать своего протежэ, если вы ему не заплатите»[1]).

Принцу же Дессаускому императрица отвѣчала иронически, что она очень радуется случаю, который доставилъ ей удовольствіе въ первый разъ получить письмо отъ его высочества, что она кажется до сихъ поръ всегда была акуратной плательщицей и что на этотъ разъ, если счеты Клериссо не вполнѣ очищены, то онъ самъ въ томъ виноватъ, потому что присылалъ ей безпрестанно вещи, которыхъ она вовсе не просила [2]). Гримму же

[1]) Стр. 364.
[2]) Стр. 371.

императрица рѣшительно объявляетъ, что проситъ Клериссо впредь не присылать ей больше ничего [1]).

Гравюры и эстампы императрица также выписывала во множествѣ, какъ скоро появлялось что-нибудь замѣчательное. Вотъ напримѣръ одинъ изъ списковъ ея требованій отъ апрѣля 1781 года; заказывая иллюминованные эстампы она проситъ *божественнаго* дополнить этотъ списокъ всѣмъ, что ей неизвѣстно или что она могла забыть: «Не забудьте доставить по два экземпляра каждаго рисунка. 1) Арабески Рафаэля. 2) Предвѣчный Отецъ со всѣмъ, что Его сопровождаетъ. 3) Титовы бани. 4) Афинская школа. 5) Фарнезе. 6) Фарнезина. 7) Вилла Мадама. 8) Вилла Негрони. 9) У меня много плафоновъ гравированныхъ и иллюминованныхъ въ Римѣ, но я не умѣю ихъ назвать; мнѣ надо ихъ два экземпляра. 10) Виды Рима и его окрестностей, Гаккерта. 11) Виды Сицилiи, Гаккерта» [2]) Ранѣе она уже выписывала изданія неаполитанскія, виды Везувія, Этны и пр.

Какъ любила императрица архитектуру, тому мы безпрестанно видимъ доказательства въ ея письмахъ. Такъ, получивши разъ письмо отъ неаполитанскаго аббата Галіани, — автора нѣсколькихъ остроумныхъ сочиненій политико-экономическаго содержанія, обѣщавшаго присылать ей книги, она пишетъ къ Гримму: «Его присылка книгъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе: я съ ума схожу отъ архитектурныхъ книгъ: вся комната моя ими завалена, а мнѣ все еще не довольно. Теперь Пиранези очень въ модѣ. Жаль, что его только пятнадцать томовъ» [3]).

Этотъ Пиранези былъ знаменитый артистъ, родомъ изъ Венеціи, занимавшійся гравированіемъ и болѣе всего славившійся искуствомъ изображать произведенія архитектуры и развалины. Его «Oeuvres» содержатъ изображенія всѣхъ памятниковъ древняго и новаго Рима и состоятъ изъ 16-ти томовъ.

Вообще Екатерина, какъ великая цѣнительница искуства, неутомимо слѣдившая за всѣмъ, что̀ являлось прекраснаго въ

---

[1]) Стр. 391. [2]) Стр. 203. [3]) Стр. 53.

этой области, всегда восторгалась художественнымъ богатствомъ Рима и въ одномъ изъ писемъ своихъ восклицаетъ: «О Римъ, Римъ! какъ весь остальной міръ далекъ отъ тебя въ отношеніи къ художествамъ, къ остаткамъ величественныхъ памятниковъ древности!» [1]) . . . .

Говоря о пріобрѣтеніи драгоцѣнныхъ предметовъ искуства, нельзя умолчать о развившемся уже позднѣе въ 80-хъ годахъ вкусѣ государыни къ коллекціямъ камеевъ, медалей и проч., вкусѣ, о которомъ она говоритъ въ началѣ 1785 года:

«Этотъ бѣдный маленькій кабинетъ рѣзныхъ камней (pierres gravées), которые мы собрали, еще очень ничтоженъ; когда милордъ Карисфортъ, г. Эллисъ и Фитцъ-Гербертъ видѣли его, они говорили, что лучшаго и болѣе полнаго нѣтъ во всей Европѣ; но я такъ ревниво его оберегаю, что кромѣ этихъ трехъ господъ только пять, шесть человѣкъ его видѣли. Но зато ваша покорная слуга видитъ и увеличиваетъ его ежедневно: въ настоящую минуту онъ состоитъ изъ 125 ящиковъ. Коллекція Альджернона Перси еще въ дорогѣ; камеевъ будетъ болѣе четырехъ тысячъ, выключая слѣпковъ, а этихъ у насъ только одиннадцать тысячъ. Богъ знаетъ какое удовольствіе ежедневно возиться съ ними: тутъ скрываются безконечные источники знанія. Что вы объ этомъ скажете?» [2]).

Къ этимъ первоначальнымъ коллекціямъ безпрестанно присоединялись другія, изъ которыхъ самая богатая была куплена у герцога Орлеанскаго. Отъ нѣкоторыхъ слишкомъ дорогихъ императрица отказывалась, и замѣчательно, что Французы всегда были неумѣреннѣе въ своихъ запросахъ (расчеты съ Клериссо), такъ что въ одномъ письмѣ она говоритъ: «Вообще я нахожу, что я теперь покупаю въ Англіи дешевле, чѣмъ во Франціи» [3]).

Время покупки главныхъ коллекцій совпадаетъ со временемъ возвышенія Мамонова [4]), который является въ письмахъ подъ именемъ краснаго кафтана (l'habit rouge). Онъ такъ сильно при-

[1]) Стр. 134. [2]) Стр. 328. [3]) Стр. 387. [4]) Съ сентября 1786 года.

страстился къ разборкѣ и сортированію камеевъ, что принималъ ихъ съ каталогомъ въ рукахъ, внимательно слѣдя, чтобъ не было подлоговъ и неисправностей. Потомъ онъ самъ сталъ пробовать себя въ рѣзаньи на камнѣ [1]). Великая княгиня Марія Федоровна также занималась этимъ искуствомъ: въ 1790 году императрица посылаетъ Гримму головку, вырѣзанную самой великой княгиней, и въ томъ же письмѣ распространяется о художественныхъ богатствахъ, которыя успѣла собрать въ свое царствованіе:

«Мой музей въ эрмитажѣ состоитъ, кромѣ картинъ и ложъ Рафаэля, изъ 38 тысячъ книгъ; четыре комнаты полны книгъ, гравюръ; 10,000 камеевъ; около 10,000 рисунковъ, и кабинетъ натуральной исторіи, заключающійся въ двухъ большихъ залахъ; ко всему этому прибавьте хорошенькій театръ, въ которомъ видно и слышно прекрасно, гдѣ сидишь покойно и безъ сквозниковъ. Мой маленькій уголокъ таковъ, что пройти туда изъ моей комнаты составляетъ три тысячи шаговъ; тамъ я гуляю среди множества предметовъ, которые люблю и которыми наслаждаюсь, и эти-то зимнія прогулки поддерживаютъ меня здоровой и бодрой» [2]).

Изъ русскихъ художниковъ, находившихся въ Италіи и упоминаемыхъ въ перепискѣ, можно назвать гравёра Скородумова и скульптора Щедрина. Изъ писемъ государыни видно, что Гриммъ обратилъ вниманіе ея на обоихъ этихъ художниковъ, работавшихъ за границей, и писалъ о нихъ, на что она отвѣчаетъ въ іюнѣ 1782 года. «Если Скородумовъ хочетъ пріѣхать сюда и гравировать въ моей галереѣ, я дамъ ему упомянутые тысячу двѣсти рублей и тысячу рублей на путешествіе, только бы онъ обѣщалъ не лѣниться» [3]). Въ ноябрѣ говорится о его пріѣздѣ, о томъ что онъ снабженъ всѣмъ нужнымъ и началъ работать, а Гримму выражена благодарность и похвала за все, что онъ для него сдѣлалъ [4]). Тогда Гриммъ рѣшился ходатайствовать и за Щедрина, чтобъ и онъ былъ также устроенъ на постоянномъ со-

[1]) Стр. 436. [2]) Стр. 499—500. [3]) Стр. 240. [4]) Стр. 254.

держаніи отъ императрицы, но она отвѣчаетъ: «Право, я не могу взять г. Щедрина какъ Скородумова, потому что и этого даже удовлетворить трудно, и я велѣла сказать ему, что если онъ ничѣмъ не доволенъ, я не держу его: онъ можетъ отправляться искать счастія по бѣлу свѣту; то одно не такъ, то другое, то ему слишкомъ жарко, то слишкомъ холодно. Нѣтъ ничего хуже какъ артисты на жалованьи» [1]). Это видимое нерасположеніе императрицы происходило отъ медлительности художника, несоотвѣтствовавшей ея живой дѣятельности и той высокой цѣнѣ, которую она придавала времени. Черезъ годъ послѣ прибытія гравёра она говоритъ: «Я считаю Скородумова существомъ самымъ лѣнивымъ: съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, ни одна живая душа не видала его работы. Да благословитъ Господь способности г. Щедрина и оградитъ его отъ всякой пенсіи, которая отнимаетъ талантъ у артиста» [2]). Наконецъ, въ слѣдующемъ году государыня сама пріостановила Скородумову пенсію до появленія его работы, предупредивъ этимъ совѣтъ Гримма [3]).

На ходатайство Гримма о пособіи Щедрину, жившему въ Парижѣ, государыня говоритъ: «Ну, выдайте вашему протежэ, творцу Геркулеса и Эндиміона, пятьсотъ экю, чтобъ ѣхать въ Римъ или остаться въ Парижѣ, смотря по его желанію» [4]).

Работая за статуей Геркулеса. Щедринъ прислалъ свою статую Эндиміона въ Петербургъ къ Самойлову, племяннику Потемкина, и Гриммъ, отзываясь съ похвалами о его работѣ, совѣтовалъ императрицѣ взглянуть на эту послѣднюю статую. Но она не могла её увидѣть, потому что Самойловъ былъ въ то время въ Крыму и отвѣчала на это: «Итакъ заставляйте работать Щедрина за Геркулесомъ для генерала Каменскаго, пока я справлюсь о его Эндиміонѣ, но только бы онъ не вздумалъ взять этого генерала моделью для своей статуи» [5]). Позже, когда императрица увидѣла Эндиміона, она помѣстила его въ эрмитажѣ [6]) и писала,

[1]) Стр. 260—261. [2]) Стр. 284. [3]) Стр. 304. [4]) Стр. 262.
[5]) Стр. 260. [6]) Стр. 297.

чтобъ Гриммъ уплатилъ за него Щедрину [1]). Въ 1785 году Щедринъ сдѣлалъ бюстъ Екатераны II для Гримма.

Портретовъ императрицы Екатерины было написано и распространено много и въ Россіи и за границей. Въ Италіи, по разсказу Шувалова, артисты дѣлали ея профиль по бюсту или медали Александра Македонскаго и находили сходство совершенно удовлетворительнымъ [2]). Самые извѣстные портреты были писаны Эриксономъ и Росленомъ; съ нихъ дѣлались многочисленныя копіи, но оба они не нравились ей. Вотъ что она говоритъ о нихъ: «Я велѣла, во что бы то ни стало, скупить у Эриксона всѣ мои портреты, будь ихъ хоть тридцать. Кромѣ того въ моей галереѣ дѣлаютъ множество копій съ Рослена. Всякій будетъ ихъ имѣть, но отъ этого никто не пополнѣетъ и не похудѣетъ, да и мнѣ все равно, есть ли они у кого, или нѣтъ. Клянусь вамъ, что всѣ портреты моихъ предшественниковъ по бо́льшей части валяются на чердакахъ, и у меня самой два шкапа полны ими» [3]). Когда же принцъ Генрихъ просилъ ея портрета, то она и о портретѣ Рослена отозвалась такъ: «хочетъ ли онъ имѣть копію съ Рослена; другого портрета не существуетъ, да и то онъ будетъ имѣть весьма плоскую, вылизанную и подлую кухарку-шведку» [4]).

По эскизу Эриксона знаменитый Грёзъ сдѣлалъ портретъ государыни для Гримма, копію же съ него на эмали прислалъ Ланскому, въ благодарность за то, что тотъ уступилъ ему портретъ великихъ князей Александра и Константина, сдѣланный Бромптономъ. Гриммъ желалъ также заказать гравёру Скородумову копію съ этого портрета Грёза, но получилъ такой отвѣтъ: «принципалъ (Шуваловъ), находитъ его слишкомъ лѣнивымъ, чтобъ предложить ему эту работу» [5]). О портретѣ, находившемся у Фальконета государыня хлопотала, чтобы въ случаѣ его смерти Гриммъ выручилъ этотъ портретъ. Миніатюра Жаркого въ мѣховой шапкѣ была сдѣлана въ 1790 году и подарена графу Сегюру на табакеркѣ, а копія съ нея была послана гр. Шомбергу.

---

[1]) Стр. 339. [2]) Стр. 70. [3]) Стр. 100. [4]) Стр. 220. [5]) Стр. 313.

Въ томъ же году, Левицкій сдѣлалъ по выраженію самой государыни ея «портретъ-картину» для князя Безбородко. О портретѣ Лампи, писанномъ въ 1790 году государыня говоритъ: «Лампи, живописецъ, пріѣхавшій къ намъ изъ Вѣны, недавно сдѣлалъ огромный портретъ вашей покорной слуги, о которомъ всѣ единодушно говорятъ, что ничего подобнаго еще не было» [1]).

Страстно увлекаясь прекраснымъ въ области живописи, ваянія, архитектуры, Екатерина II не любила музыку и откровенно сознавалась въ томъ, даже во время возвышенія Корсакова, который былъ большой музыкантъ и о которомъ она говоритъ:

«Удивленіемъ и восторгами наполняютъ насъ образцовыя произведенія природы: все мелко красивое падаетъ и разбивается передъ характеромъ величія, какъ идолы передъ кивотомъ Господнимъ. Когда Пирръ [2]) заиграетъ на скрыпкѣ, собаки его слушаютъ; когда онъ запоетъ, птицы прилетаютъ внимать ему какъ Орфею. Никогда Пирръ не дѣлаетъ жеста, движенія, которые не были бы благородны и изящны. Онъ свѣтитъ какъ солнце и вокругъ себя разливаетъ сіяніе. И при всемъ этомъ ничего женоподобнаго; напротивъ, все въ немъ въ высшей степени мужественно. Однимъ словомъ, это Пирръ царь Эпирскій; все въ немъ гармонія, ничего не выдѣляется рѣзко. Таково дѣйствіе драгоцѣнныхъ даровъ природы, которые она сосредоточила въ единой красотѣ. Тутъ искуство не при чемъ, а изысканности нѣтъ и тѣни» [3]).

Но говоря о музыкальности Корсакова, о томъ что рѣдко встрѣтишь человѣка, который такъ страстно упивался бы гармоническими звуками, императрица тутъ же прибавляетъ:

«Вѣдь это зависитъ отъ организма, не правда ли? Въ моей организаціи есть недостатки. До смерти хотѣлось бы мнѣ слушать и любить музыку, но что́ я ни дѣлаю, — для меня это шумъ и больше ничего. Мнѣ хочется послать въ ваше новое медицинское

[1]) Стр. 566.

[2]) Подъ именемъ Пирра, царя Эпирскаго, разумѣется Корсаковъ.

[3]) Стр. 107.

общество премію въ пользу того, кто изобрѣтетъ дѣйствительное средство отъ нечувствительности слуха къ гармоніи звуковъ» [1]).

Единственнымъ исключеніемъ по отношенію къ музыкѣ была для государыни веселая италіянская музыка, о которой мы уже говорили по поводу пріѣзда въ Петербургъ композитора легкихъ операъ Паизіелло. Объ одной изъ его операъ императрица говоритъ: «Паизіелло вчера угостилъ меня на моемъ театрѣ въ эрмитажѣ комической оперой въ своемъ вкусѣ, сочиненной въ три недѣли и уморительной до нельзя. Это «le Philosophe ridicule ou le faux savant»; тамъ есть арія, въ которой кашель положенъ на музыку, въ которой одинъ поетъ la Pulmonia, а другой отвѣчаетъ опасеніемъ, чтобъ синьйоръ Агафонтидасъ не пришелъ «crepare in mia casa» (околѣть въ моемъ домѣ), — сцена, которой ни одна живая душа не выдержитъ безъ смѣху. Это доставило госпожѣ Паизіелло брильянтовый цвѣтокъ, а ему табакерку» [2]).

Пьеса эта была играна въ Царскомъ Селѣ (того же 1779 г.) и императрица опять повторяетъ, что она хохотала до упаду надъ той же аріей и еще надъ другой, которая начиналась словами: Salve tu, domine Agaphontidas, salutem tibi per me, и прибавляетъ: «Я такъ хорошо пою эту арію, что на маскарадѣ 22-го іюля я подошла къ Паизіелло, напѣвая ему его арію, чѣмъ онъ не преминулъ похвастаться передъ своими знакомыми. Святѣйшій синодъ присутствовалъ при вчерашнемъ представленіи, и онъ хохоталъ до слезъ вмѣстѣ съ нами» [3]).

Императрица находила, что Паизіелло можетъ заставить смѣяться или плакать, что онъ влагаетъ въ душу, умъ и сердце какое чувство захочетъ, и называетъ его волшебникомъ, а иногда великимъ Паизіелло [4]). Она удивляется, какъ онъ умѣетъ примѣнять тоны и звуки такъ, что самые нечувствительные къ музыкѣ органы воспринимаютъ его музыку: «Когда я выхожу съ его представленія, голова моя полна музыки. Я узнаю и даже сама напѣваю его аріи. О, какая удивительная голова этотъ Паи-

---

[1]) Стр. 111. [2]) Стр. 127—128. [3]) Стр. 155. [4]) Стр. 156 и 248.

зіелло!» [1]). Въ 1784 г. этотъ композиторъ покинулъ Петербургъ, и вотъ что говорится о его отъѣздѣ: «Паизіелло насъ покидаетъ. Онъ поссорился съ новой дирекціей, или эта послѣдняя съ нимъ» [2]).

Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ этихъ обѣихъ дирекціяхъ. Елагинъ, прежній директоръ театровъ, по мнѣнію государыни, отличался большимъ упрямствомъ, надъ которымъ она часто подшучиваетъ. Увѣдомляя Гримма объ успѣшномъ ходатайствѣ своемъ у г. директора за Паизіелло, который просилъ увеличенія содержанія, она вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ, что Елагинъ внезапно потребовалъ отставки и былъ тотчасъ же замѣненъ Бибиковымъ. Новому директору императрица конечно внушила, чтобъ онъ избѣгалъ всего того, чѣмъ она была недовольна въ управленіе Елагина, и, по собственнымъ ея словамъ, дающимъ намъ понятіе о тогдашнемъ состояніи театра, ему при опредѣленіи его было положительно запрещено «сочинять или представлять галиматью въ формѣ программы для балетовъ, оперъ, комедій или прологовъ, запрещено кромѣ того употреблять аллегорію и заставлять танцовать гнилую горячку (la fièvre putride), запрещено зажигать ночники вмѣсто солнца, также давать по нѣскольку разъ публикѣ то, что ей не нравится, хотя бы дѣло шло о возлюбленной г. директора» [3]).

Екатерина II вообще любила театръ, но особенно веселую оперу, комедію и даже остроумный фарсъ, какъ отдохновеніе ума отъ серіозныхъ заботъ и дѣловыхъ обязанностей. Сама она сознается въ томъ не разъ въ своихъ письмахъ: «вы знаете какъ я люблю театръ, праздники и вязанье». Присутствуя разъ на представленіи двухъ веселыхъ нѣмецкихъ пьесъ, изъ которыхъ ей особенно понравилась «Die schöne Wienerin», она говоритъ: «Я на этихъ дняхъ смотрѣла «Die schöne Wienerin» и очень забавлялась; три дня я всѣхъ посылала смотрѣть эту пьесу; наконецъ, обѣдая за круглымъ столомъ и не имѣя предметовъ для разговора, я обратилась къ г. Барману, своему главному шутни-

[1]) Стр. 152. [2]) Стр. 295. [3]) Стр. 142.

стеру, съ вопросомъ: Видѣли ли вы die schöne Wienerin? Какъ она вамъ нравится? — Онъ отвѣчалъ мнѣ: Да Богъ знаетъ, оно какъ-то грубо. — Господинъ Барманъ находитъ слишкомъ грубымъ весь этотъ шумъ, который мнѣ очень нравится! Я тотчасъ сказала себѣ: надо это сообщить г. Гримму, чтобъ онъ употребилъ свой талантъ развитія на объясненіе мнѣ, отчего г. Барманъ находитъ слишкомъ грубымъ то, въ чемъ я не подозрѣвала никакой грубости. Я желала бы, чтобъ мой главный кухмистеръ имѣлъ такой же тонкій вкусъ (на кушанья), какъ онъ имѣетъ тонкія понятія! воскликнула я, кажется, съ досады. Ну, такъ развейте же мнѣ все это и почему понятія г. Бармана чувствительнѣе моихъ» [1]).

Въ Царскомъ Селѣ, 27 апрѣля 1779 года, родился великій князь Константинъ Павловичъ, и въ тотъ же день императрица пишетъ Гримму:

«Сегодня въ 9 часовъ великая княгиня родила второго сына и всѣ здоровы, и я также; но я очень устала, и потому не расположена писать, за что вы должны благодарить меня, ибо такимъ образомъ вы избавлены отъ скуки читать слишкомъ длинное посланіе» [2]). 5-го мая были крестины, а въ письмѣ отъ 7-го говорится:

«Меня спрашиваютъ, кто будетъ крестнымъ отцомъ. Я отвѣчаю: только другъ мой Абдулъ Гамидъ могъ бы быть воспріемникомъ; но такъ какъ никакой турокъ не можетъ крестить христіанина, то почтимъ султана хоть тѣмъ, что назовемъ новорожденнаго Константиномъ. И всѣ воскликнули: Константинъ!—И вотъ этотъ Константинъ не болѣе какъ съ кулачекъ, а я очутилась съ Александромъ по правую и Константиномъ по лѣвую сторону... Но этотъ гораздо деликатнѣе старшаго, и чуть коснется его холодный воздухъ, онъ ужъ прячетъ голову въ пеленки, онъ ищетъ тепла... мы знаемъ что́ знаемъ... но промолчимъ.... не надо треножника» [3]).

Еще прежде, до рожденія Константина Павловича, Екате-

[1]) Стр. 114. [2]) Стр. 136. [3]) Тамъ же.

рина почему-то полагала, что не старшій, а второй изъ внучковъ будетъ похожъ на неё, и говорила въ шутку: «Я непремѣнно напишу его исторію, предполагая впрочемъ, что онъ будетъ имѣть ловкость Кесаря, способности Александра (Великаго), потому что если онъ будетъ обыкновенный, ограниченный господинъ, я буду кричать, чтобъ мнѣ дали третьяго» [1]). Имя Константина возбудило конечно много толковъ въ Европѣ, и эти толки нашли вѣроятно отголосокъ въ письмахъ Гримма, такъ какъ государыня пишетъ ему: «Но позволительно ли сплетничать по поводу именъ, даваемыхъ при крещеніи? Надо быть очень празднымъ, чтобъ къ этому придираться. Слѣдовало ли назвать г. А. и г. К. Никодимомъ или Фаддеемъ? Не надо ли было каждому дать свое имя? Ангелъ перваго — святой того города, гдѣ онъ родился; второй родился за нѣсколько дней до празднованія своего ангела. Тутъ послѣдовали только обычаю, соблюдаемому у насъ при рожденіи: это все очень просто. Случайно это звучныя имена, но о чемъ тутъ болтать? Я вовсе въ томъ не виновата. Я не отрицаю, что звучныя имена мнѣ нравятся; послѣднее изъ нихъ воспламенило воображеніе рифмачей, которые мнѣ прожужжали уши всякимъ вздоромъ, гдѣ перебиралось и то и сё: я велѣла имъ сказать, чтобъ они отправлялись во-свояси, не называли ни кума, ни кумушки, и оставили меня въ покоѣ, такъ какъ я, слава Богу, держу миръ свой въ рукахъ. Вы не знаете худшаго: того, что къ несчастію въ продолженіе первыхъ пяти дней крестникъ моего кума имѣлъ кормилицу красивую какъ день, родомъ гречанку, которую звали Еленой. И вотъ Елена, какъ многія другія Елены, производила ужасный шумъ. Къ счастію, Елена захворала, и Елену отослали, и шумъ, произведенный Еленой, затихъ къ моему великому удовольствію, потому что я не хочу слышать, чтобы щебетали о вещахъ, въ которыхъ нѣтъ смысла» [2]).

Здоровьемъ великій князь Константинъ Павловичъ въ первые годы жизни былъ очень слабъ, и бабушка его, восхищаясь стар-

[1]) Стр. 91.

[2]) Стр. 147—148.

шимъ внучкомъ, говоритъ о новорожденномъ: «Что касается другого, я за него не дамъ десяти копеекъ; я сильно ошибусь, если онъ останется живъ [1]).... Это — слабое существо: крикливъ, угрюмъ, никуда не смотритъ, избѣгаетъ свѣта» и проч. [2]). Зато къ маленькому Александру Павловичу бабушка питала нѣжность чрезвычайную. Все, что разсѣяно въ ея письмахъ о его дѣтствѣ и воспитаніи, достойно быть собрано и сгруппировано въ полную картину развитія этого замѣчательнаго ребенка, какъ свидѣтельство чуткости воспитательнаго такта его великой бабушки. Ея разсказы о г. Александрѣ, это цѣлый курсъ педагогики, полный ума, знанія, наблюдательности и горячей материнской любви и заботливости. Здѣсь мы представимъ первые годы его дѣтства до перехода его на руки гр. Салтыкова и Лагарпа.

1779 годъ.

(великій князь по второму году.)

Марта 28-го. «Что касается будущаго вѣнценосца, я намѣрена держаться съ нимъ одного плана: воспитывать его какъ можно проще (schlecht u recht); теперь ухаживаютъ за его тѣломъ, не стѣсняя этого тѣла ни швами, ни тепломъ, ни холодомъ и ничѣмъ чопорнымъ. Онъ дѣлаетъ что́ хочетъ, но у него отнимаютъ куклу, если онъ съ ней дурно обращается. Зато, такъ какъ онъ всегда веселъ, то исполняетъ все, что отъ него требуютъ; онъ очень здоровъ, силенъ и крѣпокъ и почти голъ; онъ начинаетъ ходить и говорить. Послѣ семи лѣтъ мы пойдемъ дальше, но я буду очень заботиться, чтобъ изъ него не сдѣлали хорошенькой куклы, потому что не люблю ихъ» [3]).

Мая 29-го, въ Царскомъ Селѣ. «Знаете ли, что, говоря о господинѣ Александрѣ [4]), вы затрогиваете мою слабую струну? Я вамъ

---

[1]) Стр. 152. [2]) Стр. 145. [3]) Стр. 130.

[4]) Говоря о двухъ внукахъ своихъ, императрица постоянно называетъ только старшаго monsieur, конечно припоминая обычай, по которому въ монархической Франціи этимъ названіемъ пользовался исключительно старшій братъ короля; великому князю Константину она даетъ только менѣе почетный титулъ sieur.

прежде говорила, что это принцъ, который здоровъ, но теперь можно сказать ужъ болѣе. Онъ показываетъ необыкновенную для своего возраста понятливость; я отъ него безъ ума, и еслибъ дать ему волю, этотъ мальчуганъ всю жизнь свою остался бы со мною. Онъ всегда въ ровномъ расположеніи духа, потому что здоровъ, и оттого всегда веселъ, ласковъ, предупредителенъ, ничего не боится и хорошъ собой какъ Амуръ. Этотъ ребенокъ всѣхъ приводитъ въ восторгъ, особливо меня. Я все могу изъ него сдѣлать; онъ ходитъ одинъ, и когда у него идутъ зубки, даже боль не измѣняетъ его расположенія; смѣясь и рѣзвясь, онъ показываетъ, гдѣ чувствуетъ боль; онъ все понимаетъ, что̀ ему говоришь; знаками и звуками онъ создалъ себѣ языкъ, для него понятный. Веселую музыку онъ болѣе всего любитъ: Паизіелло разскажетъ вамъ, какую роль онъ играетъ въ концертахъ, которые иногда устраиваетъ и разстраиваетъ по-своему, и какъ онъ приходитъ просить музыкантовъ, чтобъ ему играли всѣ любимыя его аріи, послѣ чего благодаритъ ихъ по-своему» [1]).

Іюля 1-го, въ Петергофѣ. «Что касается Александра, предоставьте его самому себѣ; зачѣмъ хотите вы, чтобъ онъ размышлялъ и зналъ все именно такъ, какъ размышляли и знали до него? Учиться не трудно; но по-моему нужно, чтобъ голова ребенка была развита прежде чѣмъ станутъ набивать её хламомъ прошедшаго, и изъ этого хлама надо строго разбирать то, что ему сообщать. Боже мой, чего не сдѣлала природа, того не дастъ никакое ученье, но ученье часто заглушаетъ природную остроту, и нѣтъ ничего хуже, какъ люди натертые умомъ и знаніемъ, какъ говорила покойная г-жа Жофрень» [2]).

Іюля 5-го. «Утромъ я занимаюсь законодательствомъ; потомъ текущія дѣла; въ $10\frac{1}{2}$ часовъ г. Александръ, пока я одѣваюсь; мнѣ говорятъ, что я вырабатываю изъ него забавнаго мальчугана, который готовъ дѣлать все, что я захочу; мнѣ его было испортили въ четыре дня, что я его не видала; но все поправлено, къ

[1]) Стр. 143.

[2]) Стр. 147.

замѣтному удовольствію папеньки и маменьки, — (ахъ! а это не бездѣлица), которые не могутъ съ нимъ сладить. Я ужъ вамъ говорила, что я безъ ума отъ этого малютки. Мы ежедневно узнаемъ что-нибудь новое, то-есть изъ всякой игрушки дѣлаемъ десять или двѣнадцать, смотря по тому, кто изъ насъ двухъ выкажетъ въ этомъ болѣе геніальности; мы становимся необыкновенно искусны. Что вы объ этомъ думаете? Получимъ ли мы отъ этого раскрытіе головы или безголовье? Госпожа Природа создала насъ крѣпкимъ и понятливымъ. Всѣ кричатъ, что бабушка дѣлаетъ чудеса, всѣ требуютъ, чтобъ мы продолжали вмѣстѣ играть. Послѣ обѣда мой мальчуганъ приходитъ сколько разъ ему вздумается и проводитъ до трехъ и четырехъ часовъ въ моей комнатѣ. Часто я имъ вовсе не занимаюсь: если онъ соскучится, то уходитъ; но этого никогда не случается» [1]).

Іюля 14-го. «Теперь отгадайте, чѣмъ я здѣсь забавляюсь. Вы навѣрное того не подозрѣваете: показываю азбуку г. Александру, который еще не умѣетъ говорить и которому всего только полтора года. Онъ такъ хорошо знаетъ А, которое замѣтилъ на собачкѣ, что отличаетъ его вездѣ, гдѣ ни увидитъ, а теперь мы заняты другими гласными, послѣ чего перейдемъ къ слогамъ. Это забавный мальчуганъ, которому доставляетъ удовольствіе перенимать все, что я ни дѣлаю... Третьяго дня мы крестили съ г. Александромъ, который, услышавъ, что дитя кричитъ, сказалъ на своемъ односложномъ языкѣ, чтобъ новорожденному дали грудь. Услышавъ это, я сейчасъ велѣла исполнить предложеніе г. Александра, на томъ основаніи, что торговецъ лукомъ знаетъ толкъ и въ чеснокѣ, по старой пословицѣ Санхо-Пансы, и ребенокъ дѣйствительно тотчасъ замолчалъ» [2]).

Августа 23-го, въ Царскомъ Селѣ. «Но вотъ является г. Александръ. Я дѣлаю изъ него прелестнаго малютку; удивительно, что, не выучившись еще говорить, этотъ крошка имѣетъ въ двадцать мѣсяцевъ познанія, превышающія способности трехлѣтняго

[1]) Стр. 148—149.
[2]) Стр. 152 и 154.

ребенка. Бабушка творитъ изъ него все, что ей угодно: о! онъ будетъ любезенъ, я въ этомъ не обманусь. Какъ онъ веселъ и послушенъ! и ужъ съ этихъ поръ думаетъ о томъ, чтобъ нравиться. Прощайте, надо итти играть съ нимъ»[1]).

Сентября 25, въ Петербургѣ. «Этотъ мальчикъ любитъ меня по какому-то инстинкту, и какъ только увидитъ меня; бываетъ совершенно доволенъ. Онъ исполняетъ все, что́ я ни скажу ему: если онъ плачетъ и я войду, онъ тотчасъ перестаетъ; если онъ веселъ, то становится еще веселѣе. Я съ нимъ говорю вразумительно, по его понятіямъ; онъ тотчасъ сдается и уступаетъ разумному слову. Намедни князь Орловъ, увидѣвъ это, сказалъ: — Вотъ ребенокъ, которому нѣтъ еще двухъ лѣтъ, который говорить еще неумѣетъ, а уже повинуется голосу разума. Но не со всѣми онъ такъ послушенъ»[2]).

1780.

(по третьему году.)

Февраля 2-го, передъ поѣздкой въ западный край. «Правда, что г. Александръ не будетъ доволенъ моимъ отъѣздомъ, но что дѣлать? Когда онъ уходитъ отъ меня къ себѣ, то еще не выражаетъ сожалѣнія, но если я отъ него ухожу, онъ кричитъ; изъ своей комнаты онъ пишетъ ко мнѣ письма. Если онъ боленъ, то посылаетъ за мною, и въ самомъ дѣлѣ, оживляется, когда я прихожу, какъ будто бы и не было болѣзни. Это очень странный мальчуганъ; онъ весь состоитъ изъ инстинктовъ. Кто не слѣдитъ за нимъ, тотъ не предполагаетъ въ немъ ни ума, ни изобрѣтательности, а я утверждаю, что въ немъ будетъ очень рѣдкое соединеніе чутья и познаній. Онъ въ эту пору болѣе знаетъ, чѣмъ ребенокъ четырехъ, пяти лѣтъ. Вдобавокъ, его особенно поражаютъ аналогическія явленія, и опять таки я должна все это объяснять ему, и такъ какъ я говорю съ нимъ по внушенію простого, здраваго смысла и никогда его ни въ чемъ не обманывала, то онъ считаетъ, что хорошо знаетъ только то, что́ знаетъ отъ меня: это удивительный мальчикъ»[3]).

[1]) Стр. 158. [2]) Стр. 160. [3]) Стр. 173—174.

Мая 14-го, во Псковѣ. «Вотъ уже два мѣсяца, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять для забавы и въ пользу г. Александра маленькую азбучку изреченій, которая постоитъ за себя. Всѣ видѣвшіе её, отзываются о ней очень хорошо и прибавляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ. Сначала ему говорится безъ обиняковъ, что онъ, малютка, родился на свѣтъ голый, какъ ладонь, что всѣ такъ родятся, что по рожденію всѣ люди равны, что только познанія производятъ между ними безконечное различіе и потомъ, нанизывая одно правило за другимъ, какъ бисеръ, мы переходимъ отъ предмета къ предмету. У меня только двѣ цѣли впереди: одна раскрыть умъ для внѣшнихъ впечатлѣній, другая возвысить душу, образуя сердце. Моя азбука начинена картинками, но все это наглядно и ведетъ къ цѣли; всѣ, даже папенька и маменька, говорятъ, что это хорошо, очень хорошо. Что до него, — онъ въ этомъ ничего не смыслитъ, рѣзвится и время отъ времени у него вырываются очень странные отвѣты. Намедни, когда я велѣла снять съ него портретъ Бромптону, доброму англійскому живописцу, и малютка не хотѣлъ смирно сидѣть, я спросила его: Какъ сидишь ты передъ живописцемъ? — Онъ отвѣчалъ: Не знаю, я себя не вижу. Я была поражена этимъ отвѣтомъ, который показался мнѣ очень глубокимъ, тѣмъ болѣе, что наскучивши сеансомъ, онъ ударялъ меня по пальцамъ» [1]).

Сентября 7-го, по возвращеніи изъ путешествія. «Да благословитъ Господь Александра. Онъ есть и будетъ старшій, воспитывается какъ старшій, по системѣ старшинства, это кровь и плоть старшаго и старшій дѣлецъ..... Да, тутъ есть уже воля и нравъ: теперь уже безпрестанно задаются вопросы: зачѣмъ, отчего, къ чему? Мальчикъ хочетъ все знать основательно, и Богъ вѣсть, чего уже онъ не знаетъ. Онъ даже не любитъ играть съ тѣми, кто знаетъ менѣе его, потому что они не могутъ отвѣчать на наши распросы: а слово бабушки — это наше самое до-

---

[1]) Стр. 176.

рогое слово, и ему мы болѣе всего вѣримъ. Къ тому же въ насъ есть привѣтливость и насмѣшливая веселость, которая родилась съ нами и просто обворожительна. Ей, ей, ужъ если этотъ не удастся, не знаю что́ можетъ быть удачно въ этомъ мірѣ. У этого будетъ и душа и тѣло — или ужъ я ничего тутъ не смыслю, или самъ онъ перемѣнится изъ бѣлаго въ черное, и тогда перестанетъ быть тѣмъ, что онъ теперь. Все это весьма таинственно, загадочно, пророчественно и можетъ заставить призадуматься головы, воспитанныя Вагнеромъ, привыкшія мучиться надъ истолкованіемъ пророческихъ писаній»[1]).

«Большіе бары все знаютъ не учившись, сказываетъ поговорка; точно такъ же есть люди, которые все видятъ, ничего не видя, или видятъ все въ одну минуту: ну, это искуство, которымъ г. Александръ и его бабушка не обладаютъ; мы не такъ прытки и не такъ поспѣшны»[2]).... Азбука г. Александра отдыхаетъ; т. е. вы её не такъ скоро получите. Она написана только по-русски и никто еще ея не видалъ»[3]).

Апрѣля 14-го. «Поблагодарите отъ меня премного автора «Разговоровъ Эмиліи» (г-жу д'Эпинэ); я употребляю ея методу со старшимъ изъ моихъ внучковъ, и это мнѣ очень удается. Я беру ея книжку на дачу и льщу себя надеждой, что тамъ буду посвободнѣе»[4]).

1781.

(ПО ЧЕТВЕРТОМУ ГОДУ.)

Мая 24, въ Царскомъ Селѣ. «Вотъ какъ одѣтъ г. Александръ съ шестимѣсячнаго возраста (приложенъ сдѣланный перомъ рисунокъ костюма). Все это сшито вмѣстѣ и надѣвается сразу и застегивается сзади четырьмя или пятью крючечками. Вокругъ платьица бахрома, и эта одежда очень красива. Король Шведскій, принцъ Прусскій просили и получили выкройку платьица г. Александра. На всемъ этомъ нѣтъ ни одного шва, и ребенокъ почти не знаетъ, что его одѣваютъ: ему всунутъ ручки и ножки въ

[1]) Стр. 184. [2]) Стр. 185. [3]) Стр. 190. [4]) Стр. 201.

платьице вдругъ, и вотъ онъ готовъ; это платье—геніальная черта съ моей стороны, и я хотѣла, чтобъ вы о немъ знали. Надо еще сообщить вамъ, что оба мальчугана растутъ и развиваются необыкновенно и моя метода удается съ ними удивительно. Богъ вѣсть, чего, чего не знаетъ старшій: онъ складываетъ изъ буквъ слова, онъ рисуетъ, пишетъ, копаетъ землю, фехтуетъ, ѣздитъ верхомъ, изъ одной дѣлаетъ двадцать игрушекъ; у него удивительное воображеніе и нѣтъ конца его вопросамъ. Намедни онъ хотѣлъ знать, отчего есть люди на свѣтѣ и зачѣмъ самъ явился на свѣтъ или на землю. Я не знаю, но въ складѣ ума этого мальчика есть какая-то особенная глубина, и притомъ онъ чрезвычайно веселъ; поэтому я очень берегусь, чтобъ ни въ чемъ не напрягать его: онъ дѣлаетъ что́ хочетъ; ему не позволяютъ только вредить себѣ и другимъ» [1]).

«Вы будете имѣть копію съ портрета верхомъ—Эриксона. Если хотите, я присоединю къ нему копію одного изъ тѣхъ, которые теперь рисуетъ Бромптонъ, англійскій живописецъ, живущій здѣсь и очень талантливый. Онъ ученикъ Менгса; онъ написалъ обоихъ моихъ внучковъ, и вышла прелестная картина; старшій забавляется тѣмъ, что разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ, а другой дерзко поднялъ на плечо знамя Константина» [2]).

Іюня 25, въ С.-Петербургѣ. «Изъ Александровой азбуки мы извлекли то, что пригодно ко всеобщему употребленію, и теперь — это *Русская азбука*. Этой азбуки въ двѣ недѣли продано здѣсь въ городѣ двадцать тысячъ экземпляровъ; она сдѣлается бабкой-повитухой всѣхъ нашихъ будущихъ головъ» [3]).

Іюля 10, въ Петергофѣ. «Что касается до Александра, не знаю будетъ ли онъ поглотитель (glotiton [4]), но его любопытство и любознательность преобладаютъ надъ всѣми другими его вкусами, и въ настоящую минуту онъ проводитъ до часу и двухъ надъ книгами съ

---

[1]) Стр. 205. [2]) Стр. 206. [3]) Стр. 209.

[4]) Императрица передъ тѣмъ называла себя поглотительницею въ области пріобрѣтенія предметовъ искуства, и говорила, что всѣ ея приближенные заражаются этой болѣзнію, которая прилипчива какъ чесотка.

картинками, и Богъ знаетъ, съ чѣмъ этотъ ребенокъ не ознакомился. Онъ начинаетъ чинить воскомъ свои игрушки и напримѣръ сдѣлаетъ вамъ изъ набалдашника трости фигуру человѣка очень отчетливо, съ головой, руками и ногами. Я видѣла, какъ онъ иногда производилъ и уродливыя вещи, смотря по тому, какая мысль ему взбредетъ на умъ. Господинъ братецъ его такъ живъ, что эта живость не позволяетъ ему ни на чемъ останавливаться, но глазки у него преумные; впрочемъ у него фигура Бахуса, что́ составляетъ полный контрастъ со старшимъ, котораго скульпторъ могъ бы взять за образецъ Купидона» [1]).

«Какъ полезно, когда каждый молодой человѣкъ въ умѣ своемъ беретъ кого-нибудь за образецъ: въ моей молодости я все хотѣла поступать по идеямъ и писаніямъ Вольтера: ну, а что изъ этого вышло, можете судить сами. Г. Александръ говоритъ: да, бабушкѣ это понравится, и онъ выдѣлываетъ солдатика изъ набалдашника палочки» [2]).

Сентября 16, въ Царскомъ Селѣ. «Позвольте мнѣ исправить небольшую ошибку. Вы называете маленькую азбуку, написанную для низшихъ школъ, азбукою г. Александра: эта маленькая азбука извлечена изъ азбуки Александра, но послѣдняя еще не напечатана и представляетъ что-то совершенно особое» [3]).

Декабря 11, въ Петербургѣ. «Намедни г. Александръ началъ съ ковра моей комнаты и довелъ мысль свою по прямой линіи до фигуры земли, такъ что я принуждена была послать за глобусомъ эрмитажной библіотеки И когда онъ его получилъ, то принялся отчаянно путешествовать по земному шару и черезъ полчаса, если не ошибаюсь, онъ зналъ почти столько же, сколько покойный г. Вагнеръ пережевывалъ со мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Теперь мы за ариѳметикой, и не принимаемъ на вѣру, что дважды два четыре, если мы сами ихъ не сосчитали. Я еще не видала мальчугана, который такъ любилъ бы спрашивать, такъ былъ бы любопытенъ, жаденъ на знанія, какъ этотъ.

---

[1]) Стр. 214. [2]) Стр. 215. [3]) Стр. 220.

Онъ очень хорошо понимаетъ по-нѣмецки, знаетъ порядочно по-французски и англійски. Кромѣ того, онъ болтаетъ какъ попугай. Онъ любитъ разсказывать, вести разговоры, а если ему начнутъ разсказывать, онъ весь слухъ и вниманіе. У него прекрасная память, и его не проведешь. При всемъ томъ онъ вполнѣ ребенокъ и въ немъ нѣтъ ничего преждевременнаго кромѣ развѣ только вниманія»[1]).

1782.

(по пятому году.)

Марта 4. «Вотъ уже полгода какъ Сѣверные графъ и графиня путешествуютъ. Когда воротятся, они очень удивятся изумительнымъ успѣхамъ Александра: онъ до того любознателенъ, что няня должна журить его, чтобъ заставить оторваться отъ книжки, тогда какъ другихъ дѣтей журятъ за то, что они не берутъ книжки въ руки. Такъ какъ ему всего четыре года и пониманіе его соразмѣрно съ этимъ возрастомъ, то надо было написать для него доступную ему книжку, и эта книжка доставляетъ ему большое наслажденіе. Теперь мы уже печатаемъ ему третью (въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ)»[2]).

Апрѣля 2. «Еслибъ вы знали, что́ такое Александръ лавочникъ, Александръ поваръ, Александръ, проходящій самолично разные роды ремеслъ: онъ краситъ, оклеиваетъ обоями, растираетъ и составляетъ краски, рубитъ дрова, чиститъ мебель, исполняетъ должность кучера, конюха, выдѣлываетъ всякія математическія фигуры, учится самоучкой читать, писать, рисовать, считать, пріобрѣтать всякаго рода свѣдѣнія откуда и какъ случится и имѣетъ въ тысячу разъ болѣе познаній чѣмъ всякое другое дитя тѣхъ же лѣтъ. И эти знанія вовсе не превышаютъ его возраста, потому что они ему не навязываются, а онъ самъ ихъ отыскиваетъ»[3]).

Іюня 1, въ Царскомъ Селѣ. «Выставляйте сколько угодно имя мое на новомъ изданіи «Разговоровъ Эмиліи». Вы видите, какъ много я оттуда нахватала для Александра и Константина. Скажите

[1]) Стр. 222—223. [2]) Стр. 231. [3]) Стр. 233.

мнѣ, что́ вы думаете объ этихъ книжечкахъ, для нихъ составленныхъ [1]).... Сосновые ящички съ географическими картами на деревѣ для Александра дошли благополучно. Послушайте: эта сказка о царевичѣ Хлорѣ такая бездѣлка, что я удивляюсь, зачѣмъ её перевели. Присоедините её къ тому, что́ у васъ есть, и у васъ будетъ весь Александровъ запасъ; но на маленькую головку Александра онъ дѣйствуетъ правильно, и мальчуганъ отлично знаетъ все, чему до сихъ поръ учили его. Въ настоящую минуту онъ рыскаетъ по царскосельскимъ садамъ. Эти сады, между нами сказать, становятся такими, что имъ нѣтъ подобныхъ по отзыву самихъ Англичанъ, также путешественниковъ всѣхъ націй и нашихъ, бывавшихъ въ чужихъ краяхъ [2]). Будьте такъ добры, купите на мои деньги двѣ игры бирюлекъ и пришлите мнѣ ихъ: вы очень утѣшите гг. Александра и Константина, падкихъ на новыя знакомства этого рода» [3]).

Сентября 30, въ Петербургѣ. «Я въ восхищеніи, что тетрадки дѣтской библіотеки удостоились вашего вниманія. Правда, что головки г. Александра и компаніи удивительно начинаютъ наполняться и что нѣтъ имени города или страны, котораго при чтеніи Александръ не находилъ бы на своемъ глобусѣ. Онъ его съ большимъ удовольствіемъ ставитъ возлѣ себя, когда читаетъ. А читать онъ такъ любитъ, что поутру, только что откроетъ глаза, также и послѣ обѣда, уже бѣжитъ къ своей книгѣ. Это лѣто онъ часто говорилъ своимъ приставницамъ, вскакивая съ постели: я теперь хочу тотчасъ почитать, а то послѣ мнѣ больше захочется гулять, чѣмъ читать, и если я теперь не почитаю, то день у меня пропадетъ». — Замѣтьте, что никогда его не заставляли читать или учиться; но самъ онъ смотритъ на это какъ на удовольствіе и на долгъ. Онъ прочелъ свои четыре книжки и перечелъ ихъ по нѣскольку разъ; такое повтореніе онъ любитъ, и оно его забавляетъ. Кромѣ того, Александръ — сама доброта; онъ столько же послушенъ, какъ и внимателенъ, и можно сказать, что онъ

[1]) Стр. 236. [2]) Стр. 239. [3]) Стр. 243.

самъ себя воспитываетъ. Нынче осенью ему пришла охота ѣхать смотрѣть фарфоровую фабрику и арсеналъ. Рабочіе и офицеры были озадачены его вопросами, его вниманіемъ и вдобавокъ вѣжливостью: ничто не ускользаетъ отъ этого мальчугана, которому нѣтъ еще пяти лѣтъ; его ребяческія выходки даже очень интересны и въ его мысляхъ есть послѣдовательность, рѣдкая въ дѣтяхъ. Я приписываю это его превосходной организаціи, потому что онъ прекрасенъ какъ ангелъ и удивительно строенъ; братъ его будетъ уменъ, но не такъ превосходно сложенъ Кстати о Кваренги, о которомъ вы мнѣ пишете, я разскажу вамъ, что по мнѣнію Александра онъ слишкомъ громко говоритъ. Александръ спросилъ у меня, отчего это. Я ему отвѣчала: оттого, что въ дѣтствѣ его никто не останавливалъ, когда онъ возвышалъ голосъ, а Константинъ замѣтилъ, что у него носъ очень толстый, вѣрно оттого, что онъ маленькій часто трогалъ его пальцами» [1]).

«Папенька и маменька не узнаютъ своихъ дѣтей, когда воротятся, такъ они выросли; если они такъ будутъ продолжать, то сдѣлаются великанами [2]). Я опоздала съ своимъ письмомъ, потому что, сказать по совѣсти, сочиняла и должна была спѣшить окончить для маленькаго Александра сказку, въ которой является красавецъ принцъ — большой краснобай и разумникъ» [3]).

Декабря 10-го. «Г. Александръ говоритъ своимъ приставницамъ, когда боится: — я боюсь, но я всетаки пойду впередъ Онъ, какъ мнѣ кажется, отъ природы созданъ быть послѣдовательнымъ и смѣлымъ въ дѣлахъ, которыя будетъ предпринимать: предпріятія же его, я полагаю, не будутъ во вредъ ближнему, потому что у него слёзы на глазахъ, когда онъ видитъ или думаетъ, что ближній находится въ бѣдѣ... Г. Александръ не получалъ никакого кирасирскаго полка. Онъ учится читать и писать, чтобъ получить шарфъ и бляху, которыхъ домогается его честолюбіе. Отъ этого онъ уже два года какъ учится примѣрно. Честолюбіе же Константина покамѣстъ заключается въ томъ, чтобъ хорошо поку-

---

[1]) Стр. 250. [2]) Стр. 255. [3]) Стр. 258.

шать, подражать своему братцу и быть веселымъ до безумія» [1]). «Надо сказать правду, что вотъ уже четыре мѣсяца, какъ судьба словно тѣшится тѣмъ, чтобъ огорчать меня: даже гг. Александръ и Константинъ хвораютъ; я вчера застала перваго у дверей его комнаты, закутаннаго въ плащъ. Спрашиваю: Что это за церемонія? — Онъ отвѣчаетъ мнѣ: Это часовой, умирающій отъ холода. — Какъ такъ? — Не прогнѣвайтесь: у него лихорадка, и чтобъ позабавиться и посмѣшить меня, онъ во время озноба надѣлъ плащъ и сталъ на часы. Вотъ веселый больной, который переноситъ болѣзнь свою съ большимъ мужествомъ, не правда ли?» [2])

1783.

(по шестому году.)

Марта 9-го. «Чтобъ писать вамъ, я должна была поневолѣ оторваться отъ второй эпохи Россійской исторіи, составляемой мною для гг. Александра и Константина. А надо сказать, что всѣ читавшіе первую эпоху этой исторіи нашли, что это въ своемъ родѣ геніальное твореніе; въ томъ числѣ находятся: князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, господинъ фактотумъ (гр. Безбородко) и многіе другіе, которые не легко удовлетворяются. [3])... Очень настоятельно прошу васъ сдѣлать милость купить для г. Александра карманную книгопечатную машину; надо также, чтобъ были буквы и нѣсколько дюжинъ дощечекъ для печатанія картинокъ. Это будетъ знатное угощеніе для Александра, который о сю пору рыскаетъ по всѣмъ фабрикамъ, гдѣ онъ надѣется разыскать подобную» [4]).

Апрѣля 19-го. «Вы затрясетесь отъ страха, когда услышите, что для васъ переводится на нѣмецкій языкъ первая эпоха Русской исторіи, — то-есть отъ сотворенія міра до 862 года. Это составляетъ страницъ сорокъ и войдетъ въ библіотеку Александро-Константиновскую. Кромѣ того, г. Февей предстанетъ предъ вашимъ превосходительствомъ въ точномъ французскомъ переводѣ, какъ вы того желали.... Вторая эпоха начинается съ 862 года и оканчивается въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка; все это

[1]) Стр. 264—265. [2]) Стр. 266. [3]) Стр. 269. [4]) Стр. 273.

мы смастерили въ три мѣсяца времени, или около того.... Это выйдетъ противоядіе тѣмъ негодникамъ, которые унижаютъ Россійскую исторію, каковы докторъ Леклеркъ и учитель Левекъ; оба глупцы, и, не прогнѣвайтесь, глупцы скучные и отвратительные. Заранѣе прошу у васъ извиненія за весь этотъ вздоръ. Отъ васъ зависитъ бросить его въ огонь и сдѣлать то же съ тремя послѣдними эпохами, которыя непосредственно выйдутъ за двумя первыми, ибо всѣхъ будетъ пять. Вы скажете, что Ея Величество становится лицомъ скучнымъ и невыносимымъ. Какъ быть? Всякій принимаетъ тонъ и складъ своего положенія; таково мое. Не пожалѣете ли вы моихъ внучковъ, что они должны переваривать такіе большія порціи? А покамѣстъ они начали учиться писать, рисовать; учителя Александра говорятъ, что онъ оказываетъ для своего возраста удивительные успѣхи, что другія дѣти бѣгаютъ отъ своихъ учителей, а ему все мало сидѣть съ ними; но они очень акуратно уходятъ съ урока въ назначенный часъ. Мы открыли эту зиму въ Александрѣ странное желанье. Разъ онъ отозвалъ въ уголокъ одну изъ моихъ приближенныхъ дамъ, съ которой онъ особенно любитъ возиться, и неотступно просилъ её сказать ему, на кого онъ похожъ. Она отвѣчала ему, что у него, кажется, черты лица матери. — Я не это спрашиваю: мой характеръ, мои манеры на кого похожи? Дама отвѣчала: Ну въ этомъ вы можетъ-быть похожи болѣе на бабушку, чѣмъ на кого другого. — А! воскликнулъ онъ, это-то именно мнѣ и хотѣлось узнать, бросился на шею къ дамѣ, и сталъ цѣловать ее за то, что́ она ему сказала....[1]). Сегодня Александръ пришелъ опять просить у меня книги. Вотъ завзятый чтецъ! Я ему сунула въ руки книгу для чтенія въ нормальныхъ школахъ, чтобъ поскорѣй отъ него отдѣлаться, и посулила ему первую эпоху Россійской исторіи. Это дитя крѣпкое; оно будетъ очень умно и притомъ такъ весело, и на пятомъ словѣ всегда бабушка, и еслибъ дать ему волю, то онъ ужъ давно поселился бы въ моей комнатѣ. Но

---

[1]) Стр. 273—274.

полно; не надо надоѣдать вамъ нашимъ хозяйствомъ, которое очень забавно и многихъ потѣшаетъ» [1]).

Іюня 3-го, въ Царскомъ Селѣ. «Воротившись изъ саду, гдѣ я оставила гг. Александра и Константина по шею въ ручьѣ, гдѣ они ловятъ рыбу....

«Поговоримъ о пріятныхъ вещахъ. Еслибъ вы видѣли, какъ Александръ копаетъ землю, сѣетъ горохъ, сажаетъ капусту, пашетъ сохой, боронитъ, потомъ весь въ поту идетъ мыться въ ручьѣ, послѣ чего беретъ свою сѣть и съ помощью Константина принимается ловить рыбу! они отдѣляютъ щукъ отъ окуней, потому что щука, говорятъ они, поѣдаетъ другихъ рыбъ; стало быть, ее надо держать особо. Въ видѣ отдыха, онъ идетъ отъискивать своего учителя письма или рисованья; онъ учится у обоихъ по методѣ нормальныхъ училищъ (écoles normales). Все это дѣлается по собственному почину и съ одинакимъ усердіемъ: мы не замѣчаемъ даже, что мы все это дѣлаемъ, потому что насъ ни къ чему не принуждаютъ. Зато мы веселы и живы, какъ рыбка. Нѣтъ ни выговоровъ, ни дурного расположенія, ни упрямства, ни слезъ, ни крика. Мы беремъ книгу, чтобъ читать съ тою же охотой, съ какою вскакиваемъ въ лодку, чтобъ грести. И надо еще посмотрѣть на насъ, когда мы правимъ этой лодкой. Александръ удивительно силенъ и ловокъ. Намедни генералъ Ланской принесъ панцырную рубашку, которую я едва могла поднять одной рукой. Г. Александръ овладѣлъ ею и началъ въ ней бѣгать такъ проворно, что его едва могли поймать» [2]).

Августа 16-го. «Моя компанія увеличилась на этихъ дняхъ барышней, которая въ честь старшаго брата названа Александрой [3]). По правдѣ сказать, я гораздо болѣе люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Мои пользуются превосходнымъ здоровьемъ, бѣгаютъ, прыгаютъ, ловки, проворны, смѣлы, гребутъ на лодочкахъ и сами ими управляютъ по каналамъ, гдѣ не болѣе фута

[1]) Стр. 276.
[2]) Стр. 279.
[3]) Великая княгиня Александра Павловна род. 27 іюля 1783 г.

воды, и Богъ знаетъ, чего они не производятъ: читаютъ, пишутъ, рисуютъ, танцуютъ, и все съ великой охотой. На этихъ дняхъ я брала ихъ съ собою въ Пстергофъ, гдѣ мы жили въ Монплезирѣ, и гдѣ они поспѣвали всюду, куда только могла достать рука или ступить нога ихъ. Они входили и выходили равно изъ оконъ какъ изъ дверей. Да, вотъ такъ жизнь! Еслибъ вы видѣли, сколько отчаянныхъ работъ мы предпринимали совершенно хладнокровно, и при этомъ мы очень рѣдко, или никогда не падаемъ» [1]).

Сентября 27-го «Дѣвица Александра Павловна — совершенная дурнышка, въ сравненіи со своими братьями. Г. старшій ея братецъ долженъ былъ крестить ее, но была слишкомъ большая жара́: Надо разсказать вамъ черту г. Александра, которая сто́итъ вниманія. У него явились разные страхи; между прочимъ пѣвецъ Маркетти сдѣлался его пугаломъ: онъ находитъ его непріятнымъ, а гримасы его ужасными; наконецъ явилось отвращеніе ко множеству другихъ вещей, которое принимали за боязнь. Его стыдили трусостью и причудами, съ нимъ вели разумныя рѣчи; я часто говорила, чтобъ его не мучили, а страхи его и отвращенія оставили бы въ покоѣ, какъ будто не замѣчаютъ ихъ. Вотъ въ одинъ прекрасный день г. Александръ начинаетъ разсуждать съ окружающими и объявляетъ имъ, что онъ рѣшился всегда итти взглянуть поближе на то, что его пугаетъ, и въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе недѣли, онъ ходилъ посмотрѣть какъ можно ближе на предметы своего страха, и теперь онъ ничего не боится и веселѣе чѣмъ когда-либо [2]).

1784.

(По седьмому году.)

Марта 28-го. «Я написала прекрасную инструкцію для воспитанія гг. Александра и Константина, которую пришлю вамъ, какъ скоро буду имѣть порядочный переводъ ея. А покамѣстъ высо-

[1]) Стр. 282.
[2]) Стр. 288—289.

корожденные господа занимаются изученіемъ столярнаго мастерства подъ руководствомъ г. Мейера, столяра-нѣмца, и большую часть дня пилятъ, стругаютъ. Вотъ забавное воспитаніе для маленькихъ царей — учиться столярному ремеслу? Но такъ какъ игрушки уже не забавляютъ г. Александра, столярное искуство замѣнило игрушки, наполняетъ наше время и не позволяетъ намъ быть безъ дѣла. Г. Лагарпъ назначается однимъ изъ тѣхъ, кто будетъ состоять при вышеупомянутомъ г. Александрѣ, съ особымъ приказаніемъ говорить съ нимъ по-французски. Другому поручено говорить по-нѣмецки [1]); по-англійски онъ ужъ говоритъ: наконецъ мы идемъ впередъ понемножку какъ можемъ. Г. Александръ по всему: по росту, силѣ, разуму, любезности, познаніямъ, гораздо выше своего возраста; по-моему, изъ него выйдетъ превосходная личность, лишь бы второй (la secondaterie) не задерживалъ его успѣховъ. Правда, что способности наши — это широкая рѣка, которую трудно остановить въ ея теченіи. Я боюсь послать вамъ образцы его рисованья, письма, счета, потому что вы бы не повѣрили, чтобъ ребенокъ могъ въ шесть лѣтъ такъ рисовать, писать, считать. Я не говорю объ его скачкáхъ и прыжкахъ: все это въ тѣхъ же размѣрахъ и обѣщаетъ мощнаго человѣка. Я вамъ сообщу характерную черту: у его брата былъ насморкъ, и ему запретили подходить къ окну, выходящему на балконъ, отъ котораго очень дуетъ. Малютка, по вѣтренности, безпрестанно подходилъ къ нему. Ему намѣтили на паркетѣ черту и не позволили ее переходить, а онъ все-таки переступилъ ее; тогда старшій говоритъ ему: «братъ, когда мнѣ говорятъ не ходить далѣе, какъ до сихъ поръ, то я, чтобъ не забыть этого, въ умѣ провожу себѣ за этой чертой еще черту, и когда, по забывчивости, переступлю за ту, которую

[1]) Для упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ приглашаемъ былъ къ великому князю сынъ пастора лютеранской Екатерининской церкви Іоакима Христіана Грота, отецъ издателя писемъ къ Гримму. Дѣдъ обратилъ на себя особенное вниманіе императрицы своими проповѣдями въ защиту оспопрививанія, за что удостоился получить отъ нея золотую медаль. Эти проповѣди напечатаны и составляютъ цѣлый томъ.

самъ себѣ начертилъ, тогда я вспомню, что не надо переходить слѣдующую» [1]).

«Такъ какъ Лонгпрэ вамъ многое передалъ, онъ вѣрно разсказалъ вамъ, какъ весь русскій дворъ катался на лодкахъ и какъ г. Александръ гребъ на лодкѣ своей бабушки, имѣя только пять съ половиной лѣтъ отъ роду» [2]).

Этимъ заканчиваются свѣдѣнія о первыхъ дѣтскихъ годахъ императора Александра I, почерпнутыя изъ разсказовъ самой бабушки и воспитательницы его. Въ мартѣ 1785 года она извѣщаетъ Гримма: «Гг. Александръ и Константинъ между тѣмъ перешли въ мужскія руки и въ ихъ воспитаніи установлены неизмѣнныя правила; но они всетаки приходятъ прыгать вокругъ меня и тонъ нашъ не измѣнился» [3]).

Дошедши въ нашемъ очеркѣ до поѣздки императрицы Екатерины въ Бѣлоруссію, на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, мы предпошлемъ этому свиданію бѣглый обзоръ тогдашнихъ политическихъ отношеній государыни, насколько они до сихъ поръ выяснились.

Хотя осторожность не дозволяла ей сообщать Гримму свои взгляды на европейскія событія слишкомъ прямо и открыто, но теперь, когда вся переписка соединена въ одно цѣлое, многія вымышленныя имена и маскированныя сужденія становятся ясными. Почти каждое письмо ея обнаруживаетъ, какъ зорко она слѣдила за всѣмъ, что происходило въ другихъ государствахъ, какъ ловко умѣла всегда выбирать время и пользоваться обстоятельствами для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ, наконецъ какъ часто она провидѣла далёкое будущее и заранѣе предсказывала совершавшіяся вокругъ нея событія. Съ пера ея безпрестанно срывались такія замѣчанія о современныхъ ей государяхъ, владѣтельныхъ князьяхъ, крупныхъ и мелкихъ, и ихъ сотрудникахъ, она набрасывала въ немногихъ чертахъ такія вѣрныя и мѣткія характеристики, что ея письма доставляютъ намъ драгоцѣнный матеріалъ для оцѣнки лицъ и событій.

[1]) Стр. 297—298. [2]) Стр. 299. [3]) Стр. 326.

Переписка начинается съ изображенія характера ландграфини Гессенской Каролины, матери великой княгини Натальи Алексѣевны († 30 марта 1774): «Г. Гриммъ. Я получила вчера ваше письмо изъ Риги отъ 19 апрѣля. Не вы одни плакали съ Ридезелемъ [1]); и меня онъ заставилъ расплакаться. Эта ландграфиня была единственная женщина. Какъ она умѣла умереть. Когда придетъ моя очередь, я постараюсь взять съ нея примѣръ и, какъ она, прогоню отъ себя всѣхъ плаксъ. Я хочу, чтобъ въ эти минуты были вокругъ меня только сердца твердыя какъ скала, или завзятые смѣхотворы» [2]).

Франція и Французы.

О смерти Людовика XV императрица такъ отзывается, предостерегая вмѣстѣ съ тѣмъ Гримма отъ докторовъ: «Эти шарлатаны всегда причиняютъ болѣе вреда нежели пользы; примѣръ тому Людовикъ XV, у котораго ихъ было десять, и онъ тѣмъ не менѣе mortuus est. А я говорю: чтобъ умереть отъ рукъ ихъ, девять были тутъ излишни. Я нахожу также, что стыдно французскому королю, живущему въ XVIII вѣкѣ, умереть отъ оспы; это по волошски [3]). Мнѣ сказали, что русская императрица осмѣлилась дать Людовику XVI, черезъ г. Дюрана, разумный, человѣколюбивый и дружескій совѣтъ: чтобъ онъ, не медля ни секунды, велѣлъ Димсдэлю привить себѣ оспу. Мнѣ также сказывали, что она, болѣе нежели кто-либо другой, была въ правѣ дать этотъ совѣтъ, потому что сама сдѣлала такой опытъ надъ собой и надъ сыномъ» [4]). Узнавъ, что французскій король послѣдовалъ ея совѣту, она пишетъ: «У васъ во Франціи будетъ сильное царствованіе, такъ какъ король и всѣ братья его дали себѣ привить оспу» [5]).

Французскіе посланники до г. Жюиньe, пріѣхавшаго въ Рос-

---

[1]) Баронъ Ридезель, гессенъ-дармштадтскій полковникъ, принадлежалъ къ свитѣ ландграфини.

[2]) Стр. 1.

[3]) Velche: такъ Вольтеръ называлъ не одно французское въ дурномъ смыслѣ, но и все варварское по нѣмецкому наименованію романскихъ народовъ.

[4]) Стр. 3. [5]) Стр. 5.

сію въ 1775 году, во время пребыванія двора въ Москвѣ, не были въ милости у государыни. Своими интригами, сплетнями и безтактностью своей политики они не могли внушить ей ни малѣйшаго уваженія, и вотъ какъ она объ нихъ отзывается (въ августѣ 1775 года): «Вашъ г. Жюинье пріѣхалъ. Я видѣла его вчера: этотъ не смотритъ вѣтрогономъ. Я молю Господа, чтобъ онъ возвысилъ его разумѣніе надъ пустыми мечтаніями, горячками, грубыми и тяжелыми клеветами, всѣми дурачествами и политическимъ сумасбродствомъ его предшественниковъ, и особливо, чтобъ онъ уберегъ его отъ страсти послѣдняго изъ нихъ болтать зря о всякихъ матеріяхъ, отъ злобы, желчи и мрачной ипохондріи всей мелкой министерской сволочи, которая предшествовала имъ обоимъ» [1]). Вотъ еще другой отзывъ о Жюинье: «Этотъ человѣкъ мнѣ довольно нравится. Онъ обходителенъ, кротокъ, хорошаго происхожденія и, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ злобы и мрачнаго воображенія. Остается узнать, удержится ли онъ такимъ и не разстроятъ ли хода вѣрныхъ часовъ. Время намъ это покажетъ» [2]). И далѣе: «Правда, что онъ служитъ въ самомъ любезномъ министерствѣ (Броліо), какое когда-либо существовало, и для угожденія которому нѣтъ надобности прибѣгать къ желчи и злобѣ, чтобъ поддерживать его виды и политику» [3]). Впрочемъ Жюинье недолго оставался въ Петербургѣ. Въ 1777 году онъ, страдая лихорадкой, возвратился во Францію.

Положеніе дѣлъ во Франціи со времени Людовика XV и слабость ея верховной власти не могли быть по душѣ такой энергической правительницѣ, какова была Екатерина. Она часто подсмѣивается надъ тамошними порядками, надъ теоретическими мудрствованіями экономистовъ, о которыхъ она уже сначала переписки отзывается такъ: «Какъ бы то ни было, мною никогда не будутъ руководить экономисты. Я безъ ума полюбила парижскій парламентъ, съ тѣхъ поръ какъ тамъ были нелѣпые споры и разглагольствія о томъ, считать ли ихъ (т. е. экономистовъ)

[1]) Стр. 31. [2]) Стр. 34. [3]) Стр. 38—39.

сектою, или сектою *вредною для государства*. Здравый смыслъ заключается по-моему въ трехъ подчеркнутыхъ словахъ» [1]).

Вообще государыня нерѣдко говоритъ съ ироніей о легкомыслiи и непостоянствѣ Парижанъ, о ихъ преклоненiи передъ модою, о мелочной привязанности ихъ къ внѣшнимъ формамъ. Такъ, получивши разъ отъ Гримма коробку турскаго чернослива, она пишетъ: «Тысячу разъ благодарю за вашъ черносливъ, котораго я получила коробку и который поѣдаю, прогуливаясь по комнатѣ. Вы опять найдете, что это ни на что не похоже, оттого что вы, парижскiе жители, формалисты на всѣ мелочи» [2]). Мы уже говорили, что она не разъ была непрiятно поражена въ своихъ сношенiяхъ и расчетахъ съ французскими художниками, такъ что однажды у нея сорвалось замѣчанiе: «Вотъ виконтъ Лаваль-Монморанси (посѣтившiй Россiю гостемъ въ 1775 году), единственный французъ изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, былъ чувствителенъ къ добрымъ поступкамъ съ нимъ и признателенъ за нихъ, кромѣ впрочемъ Дидро, который во всемъ не похожъ на другихъ людей» [3]). Когда же Гриммъ похвалилъ подарки, посланные госпожѣ Дени, государыня отвѣчала: «Я очень довольна, что гостинцы г-жѣ Дени не показались вамъ ничтожными, потому что до полученiя вашего письма я смертельно боялась, чтобъ меня при этомъ случаѣ не обвинили въ скупости. Вы знаете какова я: нѣтъ человѣка, который бы менѣе меня зналъ цѣну вещамъ. Или я даю слишкомъ много, или слишкомъ мало» [4]). Въ одномъ изъ писемъ государыня сообщаетъ: «Герцогиня Лавальеръ велѣла сказать мнѣ черезъ Шувалова, что она меня безъ ума любитъ; я поручила передать ей, что чувствительно ей благодарна. Вотъ опять кокетство» [5]). По поводу смерти г-жи Жофрень говорится: «О г. баронъ, я вовсе не довольна ни похвальными словами, ни портретами госпожи Жофрень: они всѣ имѣютъ мѣщанскiй тонъ. Подумаешь, ихъ писалъ король Англiйскiй или какой-нибудь добродушный буржуа, ибо это синонимы. Я хочу сдѣлать вамъ нѣ-

---

[1]) Стр. 44. [2]) Стр. 20. [3]) Стр. 46. [4]) Стр. 126. [5]) Стр. 71.

сколько вопросовъ насчетъ г-жи д'Эонъ [1]). Зачѣмъ эта дѣвица переодѣвалась мужчиною? Какъ поступила она въ военную службу? Какъ открылось, что она женщина? Зачѣмъ ей велѣли надѣть женское платье? И зачѣмъ ей запретили носить то, которое она считала для себя удобнымъ? Письмо къ ней Людовика XV съ извѣщеніемъ, что онъ велитъ её схватить, черезъ-чуръ рѣзко. По содержанію его непонятно, кто въ то время былъ королемъ во Франціи; конечно ужъ не Людовикъ XV. Къ этому письму можно бы сдѣлать забавныя примѣчанія. Да Богъ съ нимъ: оно само за себя говоритъ» [2]).

Что отношенія двора Людовика XVI къ Россіи улучшились и были примирительнаго характера, явствуетъ изъ слѣдующихъ строкъ: «Зачѣмъ вашъ молодой монархъ со всѣми качествами, составляющими его девизъ, станетъ бояться собакъ? (les dogues). Его роль — итти своей дорогой и оставлять ихъ лаять сколько угодно» [3]). Когда же государыня ждала новаго посланника Верака (лѣтомъ 1779 года), она пишетъ: «Г. де Веракъ будетъ принятъ радушно и какъ нельзя лучше, особливо подъ клеймомъ графа де Морепа. Вы знаете какъ я думаю обо всѣхъ занимающихъ первыя мѣста въ счастливое царствованіе Людовика XVI» [4]). По поводу разсужденій Гримма о всеобщей политикѣ Европы Екатерина отвѣчаетъ ему въ томъ же 1779 году: «Оставьте въ покоѣ фокусниковъ и святоборцевъ (les Taschenspieler et les Heiligenfresser); они мнѣ такъ надоѣли, что я не желала бы слышать о нихъ. Что же касается до *раскаивающихся* (французскій дворъ),—это другое дѣло: я ихъ уважаю, отдаю имъ справедливость и жду того же съ ихъ стороны, послѣ чего весьма вѣроятно возникнетъ взаимная польза» [5]). Съ этого времени самъ Верженъ, заклятый врагъ Россіи, начинаетъ дѣйствовать въ ея пользу,

---

[1]) Извѣстный chevalier d'Eon, пріѣхавшій въ Россію въ 1775 году съ французскимъ агентомъ Дугласомъ, носилъ по приказанію Людовика XV женское платье. Объ этой загадочной личности см. статью Карновича въ Древней и Новой Россіи 1875 г. № 7.

[2]) Стр. 75—76. [3]) Стр. 12. [4]) Стр. 154. [5]) Стр. 126.

принужденный къ тому желаніемъ отвлечь её отъ Англіи, предпринявшей войну съ Франціей.

Германія и Нѣмецкіе принцы.

Отношенія Екатерины II къ Германіи и Нѣмцамъ были всегда нѣсколько ироническія. Она любитъ шутить надъ нѣмецкимъ бюрократическимъ строемъ и претензіями маленькихъ германскихъ дворовъ, надъ обильнымъ письмоводствомъ въ Вецларѣ [1]), надъ мелочностью и педантизмомъ чиновниковъ, надъ любознательностью служащихъ при почтахъ и надъ дурнымъ воспитаніемъ мелкихъ нѣмецкихъ принцевъ. Воспоминанія объ учителѣ ея Вагнерѣ часто подаютъ ей поводъ подсмѣиваться надъ Лютеромъ, котораго она очень не жалуетъ и называетъ мужиковатымъ (rustre). Употребляя иногда длинныя и тяжелыя нѣмецкія фразы съ глаголами на концѣ, она сопровождаетъ ихъ восклицаніями въ родѣ слѣдующаго: «Вотъ нѣмецкое усиліе, достойное г. Вагнера» [2]). Или: «Уфъ! послѣ трехъ нѣмецкихъ строкъ подобнаго свойства я полагаю, что всякій честный человѣкъ имѣетъ право вздохнуть и откашляться немножко, какъ бургомистры германскихъ городовъ, когда они собой вполнѣ довольны» [3]).

Будучи по наружности въ хорошихъ отношеніяхъ съ Фридрихомъ II, Екатерина не довѣряетъ ему и всегда держится съ нимъ на сторожѣ, хорошо понимая, что онъ не можетъ искренно радѣть о пользахъ Россіи. Позже она его называетъ даже Иродомъ. По отъѣздѣ Гримма изъ Петербурга въ 1774 году и послѣ пребыванія его въ Берлинѣ, она говоритъ: «Я была въ восхищеніи отъ пріема, оказаннаго вамъ Прусскимъ королемъ, и очень рада, что вы другъ за другомъ ухаживали» [4]). Когда Гриммъ въ другой разъ сообщаетъ государынѣ (въ эпоху второго сватовства великаго князя Павла Петровича въ 1776 году) свой разговоръ о ней съ королемъ Фридрихомъ, она отвѣчаетъ: «Ваша бе-

[1]) Мѣстопребываніе камеры, разсматривавшей споры между имперскими владѣніями.

[2]) Стр. 68. [3]) Стр. 17. [4]) Стр. 4.

сѣда обо мнѣ съ королемъ Прусскимъ, не въ обиду вамъ будь сказано, доказываетъ только, что вы оба благопріятно предупреждены въ мою пользу. Надо бы противопоставить вамъ тѣхъ, кто видитъ меня въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ, и потомъ одного или двухъ Англичанъ, чтобъ взвѣсить безпристрастно и не горячась *за* и *противъ*, послѣ чего можно бы вывести окончательное заключеніе съ пари, или безъ пари со стороны зрителей, смотря по ихъ удобству, чтобъ всякій чувствовалъ себя вполнѣ свободнымъ» [1]).

Къ брату Фридриха II, принцу Генриху, императрица видимо питаетъ расположеніе, сблизившись съ нимъ уже въ первый пріѣздъ его для совѣщаній о раздѣлѣ Польши (въ 1772 году). Его общительный характеръ, любезность и веселость оставили въ ней пріятныя воспоминанія; она цѣнитъ солидность его ума, а онъ часто говоритъ съ Гриммомъ о достоинствахъ государыни. Она съ удовольствіемъ опять ждетъ его къ себѣ, но, какъ уже было сказано, поѣздка ея въ Москву отодвигаетъ его путешествіе, и судьба приводитъ его въ Россію въ грустную эпоху смерти великой княгини Натальи Алексѣевны. Изъ писемъ государыни видно, что онъ старался быть полезнымъ при этомъ случаѣ, принималъ сердечное участіе въ горѣ императорскаго семейства, довольно долго гостилъ въ Царскомъ Селѣ, раздѣляя тихую жизнь двора и развлекая великаго князя. Наконецъ онъ взялся быть посредникомъ въ задуманномъ второмъ бракосочетаніи Павла Петровича съ принцессой Виртембергской, на что императрица намекаетъ въ письмѣ отъ 2-го іюня 1776 года: «Принцъ Генрихъ ѣдетъ отсюда 15-го этого мѣсяца. Вы скоро узнáете причину. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: вы увидите, что этотъ годъ будетъ прозванъ, по волѣ Всемогущаго, годомъ ложныхъ расчетовъ» [2]).

Что касается разныхъ нѣмецкихъ принцевъ, изъ которыхъ многіе посѣщали Петербургъ, то они очень часто затрогиваются

---

[1]) Стр. 54. [2]) Стр. 43

въ перепискѣ, со времени пребыванія въ Россіи принца Людовика Дармштадтскаго, оставшагося послѣ свадьбы сестры своей, великой княгини Натальи Алексѣевны, чтобъ вступить въ русскую службу. Сначала Екатерина признавала въ немъ нѣкоторыя достоинства, называя его добрымъ малымъ и не гордымъ. Но узнавъ его короче, она уже высказываетъ объ немъ другія сужденія, прибавляя: «Боже мой, какъ удивительно, право, отчего дѣти тогда именно похожи на отцовъ, когда было бы лучше для нихъ походить на матерей. Это нелѣпо: госпожа Природа очень часто глупа. Я на это когда-нибудь напишу диссертацію и посвящу её вамъ» [1]). По отъѣздѣ же этого принца осенью 1775 года, государыня узнала, что онъ не хорошо отзывается о своемъ пребываніи въ Россіи и даже о своей сестрѣ, что̀ не помѣшало ему однако опять пріѣхать въ Петербургъ послѣ ея смерти. Но императрица не видалась съ нимъ и назначила ему пенсію въ 10,000 рублей, съ тѣмъ, чтобъ онъ болѣе никогда не возвращался въ Россію [2]).

Съ тѣхъ поръ она часто поддразниваетъ Гримма, что онъ питаетъ слабость къ нѣмецкимъ принцамъ, находитъ ихъ великими геніями и прелестными, что онъ очень щекотливъ на ихъ счетъ, изъ чего видно, что уже готовится въ делегаты одного изъ нихъ, что для него величайшее наслажденіе говорить о двадцати германскихъ принцахъ вдругъ, при чемъ она такъ отзывается объ одномъ изъ нихъ, котораго Гриммъ и многіе другіе ей очень хвалили: «Это одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ мѣшковъ, какихъ я когда либо встрѣчала, а его прежній воспитатель отчаянно глупъ. Такъ вотъ кого находятъ милѣйшимъ и прелестнѣйшимъ человѣкомъ въ этой странѣ! Право, это одна изъ лучшихъ странъ въ мірѣ, если и глупцамъ въ ней приписываютъ достоинства» [3]). Не менѣе зло подсмѣивается государыня надъ титуломъ барона, даннымъ Гримму, и разъ восклицаетъ: «О Боже мой, сколько хлопотъ на свѣтѣ доставляютъ нѣмецкіе бароны, банкиры и носители париковъ!» [4]).

[1]) Стр. 22. [2]) Стр. 50. [3]) Стр. 128. [4]) Стр. 144.

Англія.

Отношенія государыни къ Англіи уже нѣсколько обрисовались въ ея отзывѣ о Чатамѣ и непризнаніи страной и парламентомъ его политическихъ идеаловъ и принциповъ. Мы видѣли, какъ оскорбительнымъ для памяти этого великаго человѣка показалось Екатеринѣ рѣшеніе парламента назначить пенсію его дѣтямъ. Не такъ понимала она признаніе достоинствъ и талантовъ. Она полагала его гораздо болѣе въ умѣніи при жизни человѣка употребить его въ дѣло на пользу государства. И потому знаменательными кажутся намъ слова, высказанныя ею при другомъ случаѣ. Находя, что достойные люди не всегда стоятъ на своемъ мѣстѣ, она говоритъ: «Когда мнѣ въ молодости случалось встрѣтить умнаго человѣка, во мнѣ тотчасъ рождалось горячее желаніе видѣть его употребленнымъ ко благу страны» [1]). Около того же времени, государыня высказываетъ Гримму объ Англіи слѣдующее замѣчательное сужденіе, говоря: «Я очень гнѣваюсь эти четыре дня; вотъ что мнѣ пишутъ: «Что касается Англіи, то слишкомъ справедливо, что она утратила самое счастливое и цвѣтущее состояніе. Когда вспомнишь, въ какомъ блестящемъ положеніи было это королевство тому 19 лѣтъ и въ какомъ оно теперь, то сердце обливается кровью. Эта конституція, это управленіе, считавшіяся лучшими въ Европѣ, сдѣлались самыми худшими, потому что правительство не смѣетъ наказывать виновныхъ. Всѣ ихъ пренія, уставы, даже разсужденія о проектахъ публичны, и партіи заговорщиковъ все задерживаютъ, все затрудняютъ», и пр.... «Это заставляетъ скрежетать зубами и все потеряно, если ужъ на мѣстахъ такъ думаютъ. Что до меня, то я говорю: вотъ что значатъ мальчишки (des galopins), но Георгъ II и его предшественники дѣйствовали иначе. Стало-быть, не формы, а дѣятели виноваты» [2]).

Гриммъ принялъ къ сердцу, что императрица взглянула на

---

[1]) Стр. 86.
[2]) Стр. 92.

поступокъ англійскаго парламента по отношенію къ семейству Чатама иначе нежели онъ, жаловался на это и получилъ такой отвѣтъ: «Вы говорите, что я хотѣла васъ унизить и огорчить; но я *не хотѣла* ни того, ни другого. Я вамъ просто откровенно сказала, что́ я думаю о наградахъ, данныхъ наслѣдникамъ милорда Чатама. Но такимъ образомъ, какимъ, по вашему мнѣнію, я васъ унизила, вовсе того не желая, знайте, что вы меня унижали нѣсколько сотъ разъ съ тѣхъ поръ какъ я васъ знаю, потому что навѣрно нѣсколько сотъ разъ въ жизни я сознавала, что ваши взгляды яснѣе, вѣрнѣе и шире моихъ; но вы въ правѣ сказать, какъ и всякій другой: — «не всегда и не во всемъ догадаешься; всѣ мы люди, и на этотъ разъ она увидѣла то, что мнѣ по разсѣянности не пришло въ голову» [1]).

Въ 1779 году Екатерина пишетъ объ Англичанахъ, которые въ это время принуждены были вести войну и въ Америкѣ, и въ Европѣ: «Поговоримъ о суконщикахъ: я полагаю, что никогда они не будутъ въ положеніи болѣе критическомъ; у нихъ двойныя хлопоты на рукахъ; это сдѣлаетъ ихъ посговорчивѣе, особливо если они поймутъ, что все спотыкаются уже много лѣтъ. Теперь, сколько ни мечтай въ ихъ пользу, все напрасно. Они похожи на *стриженаго* (le tondu, вѣроятно вѣнскаго архіепископа Мигацци): они всегда тамъ, гдѣ ихъ менѣе всего ожидаешь. Я вертѣла и поворачивала мысли въ головѣ, но ничего болѣе не придумала, какъ выждать немножечко, и пожалуй тогда, какъ прежде, можно будетъ вставить свое словцо. Ихъ теперешніе фокусники (Taschenspieler) хотя всѣ умные люди, но не имѣютъ вѣса ни у нихъ и нигдѣ, такъ какъ непонятно, отчего они несговорчивы, развѣ оттого что кончикъ носа у преподобнаго лишенъ чутья по причинѣ насморка. Ну, пожалуй, я согласна, чтобъ потомки наши сдѣлались, какъ бы тамъ ни было, прямѣе и учтивѣе (deutlich und höflig); только бумажныя мельницы, да торговцы чернилъ при этомъ пострадаютъ. Честные же люди ничего не теряютъ отъ

[1]) Стр. 122.

прямоты, а людямъ, которые не родились носильщиками, учтивость ничего не сто́итъ» [1]). Самого же короля Георга государыня задѣваетъ въ слѣдующей выдержкѣ: «Но г. составитель германскихъ конвенцій, которыхъ я никогда читать не буду, зачѣмъ вы вѣчно ставите передо мною брата Г. (Георга) на всѣ возможныя точки зрѣнія, тогда какъ его натуральное мѣсто быть суконнымъ торговцемъ, добрымъ буржуа, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ это прирожденный глупецъ (un sot né)» [2]).

Америка.

Взглядъ Екатерины на борьбу за независимость Сѣверо-американскихъ штатовъ выражается не совсѣмъ ясно, хотя видно, что она ей сочувствуетъ, но не хочетъ высказать этого прямо: «Я налагаю на васъ и на себя молчаніе насчетъ великаго зрѣлища Америки, потому что жизнь въ противорѣчіи съ матеріей, природныя свойства съ ремесломъ, душа съ тѣломъ и проч. и проч.» [3]). Но когда война Англіи съ Америкой усилила крейсерство, подрывая торговлю всѣхъ странъ, то императрица писала въ августѣ 1778 года: «Знаете ли, какой вредъ приносятъ мнѣ американскіе крейсеры? Они отнимаютъ у меня купеческіе корабли, выходящіе изъ Архангельска. Они занимались этимъ прекраснымъ ремесломъ въ іюлѣ и августѣ; но я вамъ обѣщаю, что первый, кто затронетъ архангельскую торговлю въ будущемъ году, дорого за это поплатится, потому что я не братецъ Г. (Густавъ) и не позволю безнаказанно плясать у себя на носу. Они могутъ дѣлать съ братцемъ Г. что́ хотятъ, но со мною имъ придется покусать ногти. Я сердита, очень сердита» [4]). И позже нѣсколько разъ, по поводу присылки ей водою выписываемыхъ ею художественныхъ сокровищъ, особливо Рафаэлевскихъ ложъ, она высказываетъ опасеніе, чтобъ они не были перехвачены американскими крейсерами. Извѣстно, что, воюя съ Англіей, Испанцы около этого времени также захватили русскіе купеческіе суда при

[1]) Стр. 149. [2]) Стр. 138. [3]) Стр. 78. [4]) Стр. 96.

Гибралтарѣ, и въ мартѣ 1780 года государыня писала: «Братецъ Карлъ (король Испанскій Карлъ III) разогрѣлъ намъ уши въ эту минуту. Прошу васъ внимательно прослушать, что́ мы ему скажемъ и другимъ тоже..... Весною и лѣтомъ будутъ въ Ливорно русскіе корабли, которые могутъ привезти ложи Рафаэля; правда, что онѣ рискуютъ быть захвачены и привезены въ Кадиксъ, чтобъ быть тамъ проданными съ аукціона; я подожду этого времени, а потомъ, потомъ» [1].....

Послѣдствіемъ этой бдительности великой государыни въ соблюденіи всѣхъ важныхъ интересовъ Россіи и ея торговой безопасности, явилась декларація о вооруженномъ нейстралитетѣ 28 февраля 1780 года, и по поводу ея въ письмѣ къ Гримму отъ 2-го февраля сказано: «Любезный другъ, вы услышите на дняхъ, что будетъ объявлена нѣкая декларація, и скажете, что это дѣйствіе вулканическое. Но невозможно было поступить иначе, потому что гг. Нѣмцы всего менѣе любятъ, чтобъ у нихъ плясали на носу. Этого не любилъ и г. Вагнеръ. Эти дни—дни масляницы — я услышала отъ вашего ледянаго человѣка (прусскаго посланника Гёрца), увѣряю васъ въ томъ—четыре слова подъ рядъ, да еще въ присутствіи его собрата по гороховому супу, собрата, котораго онъ сдѣлался тѣнью, не теряя его ни на минуту изъ виду О! во всѣхъ этихъ маневрахъ есть большая тактика!» [2]

Шведы и Густавъ III.

Взглядъ Екатерины на Густава III, Шведскаго короля, уже довольно извѣстенъ [3]. Мы уже упоминали о томъ, какъ страшилась она посѣщенія этого государя, какъ зло подсмѣивалась надъ его мыслію ввести въ Швецію національную одежду, которую забавно описываетъ: «Это полуштаны (mi-caleçon) и полуплащъ (mi-manteau), черный съ пунцовымъ. Это будетъ, я думаю, очень мило» [4]. Но замѣчательна слѣдующая характеристика Густава III,

[1] Стр. 175. [2] Стр. 174.

[3] См. объ этомъ статью *Екатерина и Густавъ III* въ *Запискахъ Академіи Наукъ*, т. XXX, или въ *Сборникѣ Отдѣл. русск. яз. и слов.*, т. XVIII.

[4] Стр. 84.

какъ государя. «Братецъ Густавъ сопровождается у меня тремя *увы!* Эти три *увы* сдѣлаютъ то, что во всю его жизнь у него, какъ у книгопродавца Калья, часто ничего путнаго не будетъ (тутъ игра словъ: «de même que le libraire Caille, souvent il n'aura rien qui vaille»). Вотъ разрѣшеніе тѣхъ затрудненій, которыя онъ представляетъ намъ, когда мы хотимъ разгадать его. Нѣтъ, нѣтъ, Густавъ не создаетъ, онъ не животворитъ; лучшіе плоды рождаются на навозной землѣ, когда въ неё положено сѣмя (Государыня разумѣетъ здѣсь уваженіе къ основамъ народной жизни и національному характеру). Густавъ и его сподвижники удобряютъ только собственнымъ навозомъ. Конечно, и тутъ есть созданіе и зарожденіе, но такое, какъ во многихъ зарожденіяхъ — то-есть безо всякой мысли» [1]).

Въ другой разъ она опять говоритъ о шведской политикѣ: «Что касается торговцевъ москотильнымъ товаромъ (épiciers — такъ Екатерина называетъ Шведовъ), позвольте мнѣ и на этотъ разъ усомниться въ ихъ дѣльности. Я думаю, она заключается болѣе въ спотыканьи ихъ противниковъ, нежели въ ихъ теперешнемъ достоинствѣ; притомъ ихъ форма и фасонъ не соотвѣтствуютъ обширной задачѣ, которую они имѣютъ передъ собой» [2]).

Турки.

Послѣ заключенія мира съ Турками въ Кучукъ-Кайнарджи императрица часто въ шутку называетъ Абдулъ-Гамида своимъ другомъ. Уже въ самомъ началѣ переписки привлекаетъ вниманіе ея заявленіе Гримму, что въ такъ называемомъ восточномъ вопросѣ недоброжелательное вмѣшательство Европы усложняетъ и оттягиваетъ его правильное разрѣшеніе. Она говоритъ: «Мнѣ кажется, что дружба и согласіе, которыя установились между возлюбленнымъ моимъ братомъ Абдулъ-Гамидомъ и мною, заставляютъ васъ худѣть. Такъ вотъ же вамъ, вы этого заслужили за прекрасный эпитетъ нарушительницы спокойствія, который вы

[1]) Стр. 86.
[2]) Стр. 127.

мнѣ даете. Но знайте, милостивый государь, разъ навсегда, что я въ жизнь не возмущала ничьего спокойствія: всегда находилось гораздо болѣе людей, желавшихъ вмѣшиваться въ мое хозяйство, чѣмъ я вмѣшиваюсь въ чужое. Иногда меня просили устраивать хозяйство другихъ, и тогда я дѣлала, какъ всегда водится въ такихъ случаяхъ, все что могла, сообразно съ обстоятельствами, чтобъ направить къ добру, но, по чести сказать, очень трудно быть примирителемъ. Нашъ Спаситель самъ сказалъ это, тому назадъ 1750 лѣтъ или болѣе. Я могу приводить эту истину съ гораздо бо́льшимъ правомъ, чѣмъ многіе, которыхъ имя я хочу спасти отъ прочтенія почтовыми чиновниками, — чѣмъ многіе, говорю я, которые приводятъ Небо въ свидѣтели, полагая его вѣроятно пустымъ или почти что таковымъ» [1]).

Хотя миръ въ Кучукъ-Кайнарджи былъ давно заключенъ и военныя дѣйствія прекращены, но завистливая Европа не переставала интриговать въ Турціи, и, точно такъ же, какъ въ наше время, Турки, по давнему своему обычаю, безпрестанно нарушали условія мирнаго договора. По этому поводу государыня пишетъ въ октябрѣ 1777 года: «По имени миръ нашъ существуетъ, на дѣлѣ же марабу (этимъ именемъ она часто называетъ Турокъ) ежедневно его нарушаютъ пунктъ за пунктомъ и потомъ опять хотятъ ставить заплаты..... Мой братецъ Абдулъ-Гамидъ все тотъ же; правда, что ему подслуживаются не хуже, чѣмъ кому либо другому. Если они хотятъ опять попробовать, то надѣюсь, что добьются того же, потому что въ этомъ мірѣ о будущемъ судятъ по прошедшему» [2])

Какъ низко цѣнила государыня военныя силы Турокъ, хотя они всегда направлялись на Россію ловкой европейской рукою, видно изъ слѣдующей шутки ея насчетъ собственнаго ея письма отъ 10 января 1778 года: «Это письмо по своей длинѣ, скукѣ и безпорядочности похоже на турецкую армію» [3]). По поводу интригъ дипломаціи государыня говоритъ: восточный пюре (purée —

---

[1]) Стр. 11. [2]) Стр. 68—69. [3]) Стр. 76.

то есть дипломація) долженъ поднять маску теперь или никогда»[1]). Около того же времени она сообщаетъ Гримму объ интригахъ въ Крыму французскаго дипломата барона Тотта, служившаго прежде въ Константинополѣ при Верженѣ, а потомъ назначеннаго Шуазэлемъ въ должность консула въ Крымъ, гдѣ онъ много способствовалъ разрыву между Турціей и Россіей. Разсказавъ Гримму о своихъ художественныхъ наслажденіяхъ, строительныхъ и законодательныхъ работахъ, она прибавляетъ: «Вотъ маленькій воворотъ, въ которомъ мы вращаемся въ ожиданіи, что Али-Бей капитанъ-паша высокаго и могущественнаго Абдулъ-Гамида, — императора Туркомановъ, — сдѣлаетъ высадку въ Крыму, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, гдѣ ему заблагоразсудится»[2]). Въ другомъ письмѣ она уже прямо называетъ барона Тотта, котораго неловкая политика въ Крыму открыла ей глаза на необходимость присоединенія Крыма для обезпеченія Юга Россіи отъ варварскаго вліянія Турокъ и происковъ европейскихъ недоброжелателей: «Благослови Боже Тотта и его марабу: никогда никто не сдѣлалъ мнѣ болѣе добра, какъ онъ съ компаніей. Черезъ нихъ я узнала многое, оцѣнила многихъ, и хорошо знаю то, что знаю. Но того, что знаю, не скажу вамъ изъ опасенія вамъ наскучить»[3]). Наконецъ въ мартѣ 1779 года государыня дождалась подписанія нѣкоторыхъ пояснительныхъ статей кучукъ-кайнарджійскаго мира, въ чемъ помогъ ей своимъ вліяніемъ французскій посланникъ Сенъ-При. Интересы Франціи, находившейся тогда въ войнѣ съ Англичанами, требовали этого измѣненія ея политики. Вотъ какъ Екатерина отзывается объ этомъ событіи: «Истинно, этотъ годъ есть годъ мира, потому что синьйоръ Абдулъ-Гамидъ, благодаря добрымъ услугамъ прекраснаго государя Людовика XVI и его превосходно выбраннаго министерства (посланника С. При), только что заключилъ съ нами конвенцію, подтверждающую миръ въ Кучукъ-Кайнарджи безъ малѣйшаго измѣненія какого бы ни было пункта»[4]). «Вы знаете, что мой великій другъ Абдулъ-Га-

[1]) Стр. 94. [2]) Стр. 99. [3]) Стр. 115. [4]) Стр. 131.

мидъ и я согласились жить между собой какъ можно лучше: только вы съ вашими сосѣдями ссоритесь за сальные огарки, которые обожгутъ вамъ пальцы взаимно, или поперемѣнно однимъ и другимъ, или однимъ послѣ другихъ; какой изъ этихъ соусовъ вамъ больше нравится?»[1]) Сенъ-При получилъ отъ Екатерины Андреевскую звѣзду съ алмазами, и она упоминаетъ объ этомъ въ письмѣ отъ 5-го іюля 1779 года: «Что касается до голубой ленты Сенъ-При — это другой вопросъ: она вполнѣ заслужена имъ, и я дорожу его дѣломъ»[2]) Что и во всѣхъ тогдашнихъ интригахъ европейской дипломаціи Англичане играли дѣятельную роль, можно вывести изъ слѣдующаго замѣчанія государыни еще при жизни Питта въ 1778 году: «Милордъ Чатамъ буянъ. Будьте на сторожѣ, какъ я съ моими марабу». И далѣе, говоря о тогдашнихъ европейскихъ замѣшательствахъ, она прибавляетъ: «До сихъ поръ думали, что когда два лица довольны тѣмъ, что покончили между собой ссору, другимъ тутъ нечего вмѣшиваться; а здѣсь можно спѣть пѣсню: «Другъ мой, ты не хозяинъ въ домѣ, пока мы тутъ». (Bonhomme, tu n'es pas le maître dans ta maison quand nous y sommes)»[3]).

Общеевропейская политика.

Общеевропейская политика со всѣмъ своимъ обширнымъ полемъ традиціонныхъ интригъ и взаимнаго шпіонства составляетъ постоянный предметъ насмѣшекъ въ перепискѣ великой государыни. Мы уже говорили выше, что на языкѣ ея дипломація разумѣется подъ именемъ гороховаго пюре (purée aux pois), къ чему она часто прибавляетъ: «какъ очень неудобоваримаго кушанья». Вотъ замѣчательное ея опредѣленіе дипломаціи: «Прекрасная вещь гороховый супъ: въ него входитъ эссенція болтовни и длинныхъ вздорныхъ разсказовъ, на которые не стоитъ обращать вниманія, а потомъ вдобавокъ приправа догадокъ, изъ которыхъ по бо́льшей части ни одна не вѣрна и не справедлива, и вотъ что

[1]) Стр. 139—140 [2]) Стр. 148. [3]) Стр. 85.

правитъ міромъ и что́ часто рѣшаетъ судьбы народовъ. Поистинѣ, бѣдные люди и жалкія дѣла!... О, сколько я знаю головъ въ парикахъ, которыя думаютъ такъ же какъ я, хотя по большей части то, что они дѣлаютъ и пишутъ, надуто вѣтромъ, пусто, темно»[1]). О дипломатическихъ же посредничествахъ и вмѣшательствахъ, которыя всегда оказываются противны собственнымъ пользамъ, Екатерина такъ отзывается: «Да благословитъ Небо всѣхъ братцевъ и сестрицъ, враждебно и невраждебно къ намъ расположенныхъ. Если я когда-нибудь вздумаю обратить къ нимъ рѣчь свою, то скажу: «Миръ вамъ, братья мои». Но можетъ-статься я буду проповѣдывать глухимъ, и опасаясь этого, молчу. Одинъ изъ моихъ братцевъ (fraterlets) предлагалъ мнѣ проповѣдывать, (вѣроятно король Прусскій Фридрихъ о баварскомъ наслѣдствѣ), но я отвѣчала ему, что проповѣдь не можетъ быть дѣйствительна, когда слушатели, каждый съ своей стороны, заняты тѣмъ, чтобъ драть другъ друга за уши»[2]).

Баварское наслѣдство.

Тогдашніе европейскіе споры о баварскомъ наслѣдствѣ возбуждаютъ Екатерину только къ шуткѣ. Она нѣсколько разъ называетъ это дѣло супомъ неудобоваримымъ и иронически совѣтуетъ Гримму заняться разрѣшеніемъ вопроса, говоря: «Я знаю въ мірѣ только одного человѣка, могущаго уладить дѣло, и это вы: Небо одарило васъ примиряющимъ умомъ, способнымъ переварить самые густые гороховые супы»[3]). Она шутитъ, что чтеніе всѣхъ документовъ по баварскому вопросу дѣйствуетъ на ея слогъ: «онъ становится часто растянутъ, какъ эти противные акты, которые надо читать, когда занимаешься извѣстнымъ ремесломъ»[4]). Уплативъ въ то время голландскій долгъ въ Амстердамѣ, государыня, ожидавшая европейскаго столкновенія, пишетъ въ Февралѣ 1778 года: «Съ чего вы взяли ѣздить на амстердамскую биржу, чтобъ послѣ дѣлать мнѣ выговоры? Скажи-

[1]) Стр. 96, 149. [2]) Стр. 151. [3]) Стр. 78. [4]) Стр. 114.

тс на милость: эти люди находятъ непріятнымъ, что имъ уплачиваешь долгъ; они должны быть необыкновенно довольны тѣми правительствами, которыя имъ никогда не платятъ. Хоть бы по два процента на сто, по три, по пяти, мнѣ что за дѣло? Я не хочу имѣть долговъ, вотъ и все. Ваши Голландцы найдутъ куда помѣстить свои деньги, не бойтесь; пріятное столкновеніе, которое угрожаетъ Европѣ и компаніи, доставитъ имъ на то случай» [1]). По поводу этого же столкновенія она высказываетъ слѣдующее замѣчательное сужденіе о главномъ, по ея мнѣнію, условіи военныхъ успѣховъ: «Вѣнская газета говоритъ, что Пруссаки вездѣ одерживаютъ верхъ; можетъ-быть. Но въ моемъ умѣ тотъ, кто идетъ впередъ, всегда въ выигрышѣ. Во время послѣдней войны первоклассные французскіе политики, какъ Дюранъ, Сабатье и Секель постоянно представляли насъ побитыми, а мы заключили миръ въ 500 верстахъ отъ Адріанополя: мы бѣжали впередъ» [2]). Въ одномъ же изъ послѣдующихъ писемъ задается вопросъ: «Скажите мнѣ наконецъ, отчего Австрійцы пятятся, какъ раки, задомъ, и отчего *постриженный* подставилъ спину, чтобъ быть остриженнымъ, не пикнувъ» [3]). Подъ этимъ лицомъ, какъ мимоходомъ было уже замѣчено, надо вѣроятно разумѣть кардинала и вѣнскаго архіепископа Мигацци, который имѣлъ большое вліяніе на Марію Терезію, особенно въ послѣдніе годы ея жизни [4]).

Вскорѣ послѣ того говорится объ австрійской политикѣ: «Я эти дни размышляла о качествахъ, недостаткахъ, о титулахъ и объ аналогіяхъ между ними, и при этомъ была поражена словами: «алчность и Габсбургъ и Пфальцбургъ (игра словъ по-нѣмецки: Habsucht und Habsburg und Pfalzburg). Теперь они идутъ раковымъ ходомъ. Ихъ слова и дѣла повидимому очень различны: одинъ хочетъ одного, другой — другого; у всякаго своя старая рутина; но все это не помогаетъ. Они всетаки должны будутъ

---

[1]) Стр. 82. [2]) Стр. 96. [3]) Стр. 102.

[4]) Графъ Христофоръ Антонъ Мигацци род. въ октябрѣ 1714, былъ кардиналомъ съ 23 ноября 1761, ум. 27 апрѣля 1806 г. Точный смыслъ выраженія императрицы остается однакожъ теменъ.

спасовать, потому что ихъ игра никуда не годится, фальшива и недостойна, и изъ ихъ послушныхъ стриженныхъ овецъ дѣлаютъ они такого глупаго дьявола, который сегодня отрицаетъ то, что вчера подписалъ (unterschmiert)»[1]). Когда же заключенъ былъ наконецъ Тешенскій миръ, государыня такъ приняла извѣстіе о немъ: «Ну, теперь бо́льшая часть Европы будетъ жить въ мирѣ и покоѣ, и всѣ будутъ зѣвать, читая газеты[2])... Прежде чѣмъ буду говорить съ вами о Елагинѣ и Паизіелло, я хочу разсказать вамъ, что на Тешенскомъ конгрессѣ спорили въ продолженіе шести недѣль о четырехъ милліонахъ экю, тогда какъ во время спора тратили около пятнадцати (милліоновъ): умные люди дѣлаютъ удивительныя вещи, особенно же головы въ парикахъ, которыя при коронованныхъ головахъ стремятся получить высшія мѣста»[3]).

Геніальная по трудамъ управленія Екатерина, сама глубоко проникнутая высокой отвѣтственностью своего призванія, не могла мириться съ недобросовѣстностью со стороны людей, которымъ ввѣрена судьба многихъ. Вотъ замѣчательное сужденіе ея о тѣхъ дѣятеляхъ, которые относятся къ дѣламъ государственнымъ покладно, легкомысленно и неосновательно: «Да благосло́витъ Господь посредственныхъ иноходцевъ! Душа ихъ спокойна среди прелестей этого міра! Да, они счастливы: они проходятъ жизнь равнодушно и такъ-таки очень покладно; хорошее — хорошо, дурное — дурно, но все для нихъ равно, все принимается одинаково привѣтливо, все имъ пріятно, все ими видится и дѣлается въ короткое время, потому что время это теряется на пустяки. О чудное расположеніе въ семъ мірѣ! Да, придетъ хорошее время, особливо при скачущихъ впереди и вокругъ рысакахъ съ четырьмя, десятью, двѣнадцатью лапами. Вы видите какъ съ такими мистическими объясненіями подвигается ваше письмо. Ну, голова моя! не дѣлай болѣе отступленій, иди совершенно порядочно, какъ иноходецъ, да еще самаго посредственнаго разбора»[4]).

---

[1]) Стр. 131. [2]) Стр 137. [3]) Стр. 142. [4]) Стр. 186.

Марія Терезія и Іосифъ II.

Перейдемъ теперь къ личному мнѣнію государыни объ Іосифѣ II, которое замѣчательно измѣнилось у нея послѣ свиданія съ нимъ. О матери его Маріи Терезіи мы выше приводили разсказъ по поводу выбитой въ Голландіи медали, гдѣ императрицы Австрійская и Русская сидятъ въ одной каретѣ, а король Прусскій на козлахъ и везетъ ихъ, онѣ не знаютъ куда. Государыня замѣчаетъ, что это было бы очень остроумно, еслибъ тутъ была хоть малѣйшая доля правды. Всѣ дальнѣйшіе отзывы ея о Маріи Терезіи доказываютъ, что между ними никогда не было никакой общности интересовъ и никакого личнаго сочувствія. О сынѣ ея императорѣ Іосифѣ II, котораго Екатерина прозвала человѣкомъ съ двойной физіономіей или лицомъ Януса, она также не была высокаго мнѣнія до личнаго знакомства. Узнавъ о намѣреніи его совершить путешествіе въ Россію, государыня говоритъ: «Что касается человѣка съ двойной физіономіей, я до смерти боюсь, чтобъ онъ не былъ похожъ на нашихъ епископовъ. Кто-то находилъ ихъ очень любезными, побесѣдовавъ съ ними часа два, и спрашивалъ, отчего ихъ не видишь чаще въ обществѣ и они избѣгаютъ случая быть съ нами? Другой отвѣчалъ ему: потому что имъ стóитъ много труда быть любезными. Эту физіономію они не могутъ сохранить болѣе двухъ часовъ.»[1]) При началѣ спора о баварскомъ наслѣдствѣ государыня говоритъ объ Іосифѣ. «Надо сознаться, что человѣкъ съ двойной физіономіей немножко жаденъ (goulu): у кого есть глаза, можетъ это видѣть; у кого есть уши — слышать»[2]). И далѣе: «Если жадность будетъ наказана несваренiемъ желудка, это будетъ по дѣломъ. Но маменька кажется мнѣ удивительной; она забавно рисуется своимъ великодушнымъ безкорыстіемъ и стараніемъ ни за что не отдаться сатанѣ, а потомъ за всѣмъ этимъ скрывается столько ловкихъ фокусовъ, что надо очень остерегаться, если не хочешь попасться какъ въ сѣть. Да,

[1]) Стр. 75.
[2]) Стр. 87.

это фокусники, какимъ нѣтъ равныхъ. Прекрасную роль играетъ при этомъ постриженный: у этого человѣка нѣтъ ни на копейку крови въ жилахъ, — это тоже глупый, жалкій дьяволъ (dummer, armer Teufel.)» [1])

Вотъ замѣчательная характеристика Маріи Терезіи и ея сына: «Что касается почтенной сестрицы, я не могу не сказать, что она страдаетъ большою наклонностью къ алчности и властолюбію. Плачъ есть признакъ раскаянія, но такъ какъ она все захватываетъ и забываетъ, что лучшее доказательство искренности раскаянія — не дѣлать опять того же, то надо думать, что въ груди ея кроется какая-то закоренѣлость.... О г. Янусѣ можно предположить не ошибаясь, что если онъ не будетъ великимъ человѣкомъ, то будетъ очень сердиться, и въ своихъ тѣлесныхъ, духовныхъ и умственныхъ потребностяхъ ему придется расчитывать на другихъ. Что можетъ сдѣлать голосъ совѣсти тамъ, гдѣ и въ словахъ, и въ дѣлахъ происходятъ безпрерывные козлиные прыжки?» [2])

Уже въ мартѣ 1779 г. говоритъ Екатерина въ письмѣ своемъ о предполагаемомъ путешествіи въ Бѣлоруссію и о свиданіи съ Іосифомъ II: «Теперь я занята своимъ будущимъ путешествіемъ, во время котораго я буду имѣть честь познакомиться съ гр. Фалькенштейномъ, желающимъ посѣтить меня въ Могилевѣ. Я отвѣчала, что игра не стóитъ свѣчъ. Онъ хочетъ, чтобъ я забыла, кто онъ. Я отвѣчала, что это значитъ требовать невозможнаго, но что впрочемъ онъ хозяинъ и можетъ у меня, какъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ, устраивать дѣла по своему усмотрѣнію. Помните ли, какой смертельный страхъ я чувствовала передъ пріѣздомъ графа Готландскаго (короля Шведскаго)? И вотъ я опять въ томъ же положеніи. Но, Боже мой, всего лучше было бы, еслибъ они сидѣли дома и не заставляли людей такъ потѣть (по-нѣмецки: sitzen и schwitzen). Вотъ опять я буду въ роли Ни-

---

[1]) Стр. 99.
[2]) Стр. 108.

неты при дворѣ, и вся моя неловкость и обычная застѣнчивость покажутся въ полномъ блескѣ. Молитесь за меня» [1]).

Въ февралѣ 1780 года государыня сообщаетъ Гримму свой маршрутъ. «Я этой весной уѣду отсюда: я выѣду 10-го мая; отсюда или изъ Царскаго Села я отправлюсь въ Нарву, потомъ во Псковъ, изъ Пскова въ Полоцкъ, оттуда въ Могилевъ и потомъ черезъ Смоленскъ въ Новгородъ, Старую Русу, и вернусь въ Петергофъ около 20-го іюня» [2]).

Теперь, дойдя въ очеркѣ политическихъ отношеній Екатерины до поѣздки ея въ Бѣлоруссію, мы должны еще упомянуть объ относящемся къ этому времени шуточномъ письмѣ ея, или, какъ она сама его называетъ, *памфлетъ*, посланномъ Гримму въ январѣ 1780 г. Въ немъ изображается увеселительное путешествіе, совершенное ею въ іюлѣ 1779 года съ тремя посланниками: французскимъ, англійскимъ и австрійскимъ. Первый изъ нихъ будто бы пишетъ своему правительству донесеніе, какъ они были насильно схвачены въ своихъ домахъ и отправлены въ путь, какимъ опасностямъ они подвергались, при чемъ выбрана вся эссенція сплетенъ, небылицъ и клеветъ, распространяемыхъ противъ Россіи иностранцами, особливо въ то время, когда странѣ приписывали глубокое варварство. Тутъ перечисляются всѣ бунты и заговоры, преслѣдовавшіе путешественниковъ по всей дорогѣ и въ Москвѣ, и вызванные жестокими законодательными мѣрами государыни. Тутъ изображается и повсемѣстный голодъ, происшедшій будто бы отъ отсутствія запасныхъ магазиновъ и отъ злоупотребленій монополіей. Скорое же возвращеніе объясняется колеблющимся здоровьемъ государыни, о которомъ очень любили болтать иностранные журналы. Затѣмъ въ дорогѣ обнаруживается задуманный коварствомъ русскаго правительства планъ посягнуть на жизнь посланниковъ дружественныхъ державъ посредствомъ отравленія, и опасность, которой подвергались путешественники при посѣщеніи шлюзовъ на Мстѣ. Наконецъ по возвра-

[1]) Стр. 128.

[2]) Стр. 173.

щенія посланники заключены подъ стражу въ царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ ихъ насильно заставляютъ задушить турецкаго посла, послѣ чего у нихъ нѣтъ ни малѣйшей надежды на освобожденіе, а только одна надежда, что державы, уполномочившія ихъ при русскомъ дворѣ, отомстятъ за нихъ, покуда же они не только взаперти, но и связаны на всю жизнь (игра словъ: attachés pour la vie)» [1]).

Такими шуточными разсказами объ иностранцахъ, а иногда и о своихъ приближенныхъ, государыня удовлетворяла не одной только игривости своего ума и веселости характера, но и выводила на осмѣяніе все то, что заслуживало его, понимая, что не со всякимъ зломъ въ этой жизни можно бороться однимъ серьёзнымъ оружіемъ и что насмѣшка, лишенная раздраженія и ядовитости, часто дѣйствуетъ на людей лучше, нежели гнѣвъ и негодованіе.

---

[1]) Стр. 169, 170 и 171.